

№ 21

Д. Д. МИНАЕВЪ.

НА ПЕРЕПУТЬИ

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИБЕРАЛЪ

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА В. Н. ЧЛОТНИКОВА.

1874

891.7M662

Т5

501856

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. Н. КЛОТНИКОВА: ПЕТЕРБУРГ. ОБОР., КОЛЛЕНОК. УЛ., Д. № 23.

НА ПЕРЕПУТЫИ.

(ПРОЛОГЪ).

Жизнь, обновись!—О, желанье нескромное!
 Давить тебя только скука смертельная...
 Умное слово подметишь—заемное,
 Ласкъ поддашься—такъ, вѣрно, поддѣльная.

Книгу раскроешь—одни повторенія,
 Свучны зады для ума ненасытнаго;
 Даже въ развратѣ, въ любомъ преступленіи
 Нѣтъ у людей ничего самобытнаго.

Самый разгуль измелъчалъ до ничтожества,
 Юности нѣтъ въ немъ и нѣтъ вдохновенія;
 Только копошется многого множество
 Мелкихъ страстишекъ... Во всемъ расслабленіе,

Все опустилось отъ вѣчнаго роздыха,
 Словно застыла кровь наша лѣнивая...
 Воздуха хочется, свѣжаго воздуха!..
 Только напрасно желанье тоскливое.

Воздухъ недвиженъ, какъ будто надъ кладбищемъ
Въ лѣтніе дни, утомительно знойные;
Замкнутый міръ нашъ становится пастбищемъ,
Гдѣ мы пасемся, сонливо-покойные.

На перепутьи мы, что-ли? Осталось намъ
Это одно утѣшенье печальное,
И надъ тобой, наша лѣнь колоссальная,
Люди смѣются съ злорадствомъ безжалостнымъ.

Не научила исторія прошлая
Насъ ничему, развѣ только терпѣнію;
Тянется жизнь, какъ комедія пошлая
Пошлаго автора, но къ представленію

Всѣ равнодушно и тупо относятся:
Вижу повсюду довольныя лица я,
Только, порой, изъ райка свистъ доносится,
Да и его умиряетъ полиція.

П О Э М Ы.

СФИНКСЪ.

ПОЭМА.

I've seen a virtuous woman put down quite
By the mere combination of a coterie;
Also a so-so matron boldly fight
Her way back to the world by dint of plottery,
And shine the very Siria of the spheres,
Escaping with a few slight, scarless sneers.
I have seen more than i'll say...

Byron.

I.

Бинокль съ афишей смятой бросивъ прочь,
Сижу одинъ... Глядитъ въ окошко ночь,
Ночь зимняя, одѣта въ саванъ бѣлый,
А предо мной въ картинахъ вечеръ цѣлый
Встаетъ въ потьмахъ. Лишь полчаса назадъ:
Кругомъ меня вицѣлъ волшебный адъ
Костюмовъ, лицъ, роскошныхъ декорацій,
Живыхъ ругадъ, восторженныхъ овацій,

Звѣздъ, париковъ, полуодѣтыхъ жонъ...
Горѣлъ въ огнѣ расписанный плафонъ,
И пышныя, холодныя, какъ льдины,
Въ каменьяхъ драгоценныхъ наши Фрины,
Волнуя кровь въ блудливыхъ старикахъ,
Тонули въ блондахъ словно въ облакахъ,
И цѣлая плеяда молодежи
Глазами пожирала всѣ ихъ ложи.
И ты былъ тамъ, нахмуренный мой другъ.
Какъ многіе, смотря на пестрый кругъ
Наложницъ, возбуждавшихъ удивленье,
Ты не скрывалъ тупаго озлобленья;
Какъ многіе, скорбѣлъ ты, что не могъ
Смутить сатирой дерзкій ихъ порокъ
И бросить въ нихъ художника проклятье...
Мой злобный другъ, и вы, мои собратья,
Гонители общественнаго зла!
Какъ вы, я не начну изъ-за угла,
На силу опираясь, какъ на право,
Бросать каменья съ бѣшенствомъ зуава
Во все, что обезславлено давно,
Что беззащитно, чести лишено;
Не оскверню сатиры безпристрастной
Ругательствомъ надъ женщиной несчастной,

Которую обвилъ кругомъ, какъ гадъ,
Нашъ собственный, общественный развратъ...

Для жертвы, въ грязь упавшей безъ боязни,
Паденья день—ужь есть начало казни:

Позоръ—ея нарядъ, ея богатство—стыдъ.
Нашъ похотливый взглядъ ее казнить

И наши отвратительныя ласки
Дороже ей и щегольской коляски

И тонкихъ блондъ и кровныхъ рысаковъ
И свиты изъ ливрейныхъ гайдуковъ.

Она начнетъ блестящій путь въ столицѣ,
А кончитъ жизнь на тюфякѣ, въ больницѣ,

Потухнетъ, какъ забытая свѣча,
И ножикъ равнодушнаго врача

Войдетъ къ ней въ грудь холодной, острой сталью,
А вы съ своею крошечной моралью,

Скажите мнѣ, увидя этотъ трупъ,
Что весь вашъ судъ—преступенъ онъ, иль глупъ?...

II.

Но довольно смотрѣть въ бенуаръ...

Можемъ выше бинокли нацѣлить:

Пусть буржуазную челядь

И въ ознобъ повергають, и въ жаръ

Эти руки и плечи открытыя,

Оттѣненныя кудрями зыбкими,
И тройными жемчужными нитками,
Словно змѣями, шею обвитыя;
Эти созданья несчастныя,
Въ самомъ цинизмѣ прекрасныя,
Кровныя шведки и нѣмки безкровныя,
Часто безстрастныя,
Жертвы безгласныя,
Нашихъ грѣховъ воплощенье грѣховное...
Стихи предъ ними, людская вражда!..

III.

— Другъ сердитый! взгляни ты сюда —
Я сейчасъ тебя сильно встревожу —
Въ первый ярусъ, на крайнюю ложу:
Въ черномъ платьѣ, спокойно горда,
Тамъ прекрасная женщина сѣла;
Умъ и грація въ каждой чертѣ.
Къ этой чистой всегда красотѣ
Клевета подползти не посмѣла.
Съ южнымъ блескомъ агатовыхъ глазъ —
Родилась она гдѣ-то на югѣ —
Расточая добро и услуги,
Появлялась она между насъ.
Искривить эту алую губку
Гнѣвъ, казалось, не могъ никогда...

Для тебя-ли знакома вражда,
Серафимъ, перереженный въ юбку?!..

Говорила открыто она,
Что въ замужствѣ глубоко несчастна,
Но въ толпѣ оставалась безстрастна,
Непреклонному долгу вѣрна.

Передъ ней, будто солнцемъ согрѣтый,
Не одинъ глупый юноша мѣлѣ,
Но никто бы сказать не посмѣлъ:
„Вотъ любовникъ красавицы этой!..“

Даже ты—ты блѣднѣешь—желаль
Разгадать этотъ сфинксъ безъ разгадки
И, отвергнувъ, въ слезахъ, въ лихорадѣхъ,
Ты у ногъ ея руки ломаль.

Всѣмъ она, какъ тебѣ, повторяла:
„Для любви я теперь умерла!“
Галатея дышала, жила,
Не сходя съ своего пьедестала.

Но она такъ добра, говорятъ:
Ближнимъ помощь подасть безъ фиглярства,
Вѣднику приготовить лекарство
И поѣдетъ одна въ маскарадъ,

Ходить съ „важнымъ лицомъ“ въ маскарадѣ,
Съ отвращеньемъ глотаетъ вино
И—посмотришь—ей слово дано
Двумъ чиновникамъ дать по наградѣ.

Не дастъ она пищи молвъ,
Хоть молва не всегда благодарна,
И въ извѣстномъ кругу, на Невѣ,
Эта дама вполне популярна.

IV.

Эта дама влюбленныхъ льстецовъ
Обманула плѣнительной ложью
И къ себѣ, какъ богиня къ подножью,
Собрала близорукихъ глушцовъ,
Чтобъ имѣть безграничное право
Видѣть общій восторгъ... Нужны ей.
Вмѣсто нашихъ мѣщанскихъ страстей.
Олимпамъ, извѣстность и слава.

Жизнь дала ей хорошій урокъ:
Что скорѣе доставить извѣстность
Театральная, лживая честность,
Чѣмъ прямой, откровенный порокъ...

Чудный сфинксъ! Не пора ли къ развязкѣ!..
Прочь мишурные сбросивъ цвѣты,
Къ неподкупному зеркалу ты
Подойди хоть однажды безъ маски

И прошедшее строго прѣвѣрь...
Если жъ память тебѣ измѣнила,
Я скажу тебѣ, что отразило
Это зеркало... Слушай теперь.

V.

Въ захоlustьѣ уѣзда степнаго,
Въ барскомъ домѣ невѣста жила;
Обстановка невѣсты была
Не веселая. Все въ ней не ново!

Съ кругу спившійся, слабый отецъ,
Всѣхъ разгульныхъ сосѣдей приманка,
И безшутная мать интриганка,
Раззорившая мужа въ конецъ.

Межь босыхъ, деревенскихъ дѣвчонокъ,
Безъ привѣта душѣ молодой,
Подъ присмотромъ лишь няньки сѣдой,
Росъ прекрасный, надменный ребенокъ.

Эта дѣвочка жить начала
Очень рано, какъ дѣти Востока;
Развивалась она одиноко,
Одиноко она разцвѣла.

Строгимъ личикомъ, таліей стройной
Поражала она съ раннихъ поръ:
Королевская поступь и взоръ
Полновластный и гордо спокойный.

Къ ней слетали — откуда? — Богъ вѣсты! —
Честолюбыя не дѣтскія грѣзы,
Ей мерещились часто сквозь слезы
Пышный залъ... шепотъ общества... лесть, —

Съ опьяняющимъ воздухомъ сфера,
Гдѣ она безъ соперницъ царить...
И впередъ она смѣло глядитъ
И растетъ въ ней могучая вѣра
Въ лучшей жребій... Лицо все въ огнѣ...
У окна полутемнаго зала
Эта дѣвочка часто стояла,
И въ волшебномъ своемъ полуснѣ
Уносила далеко куда-то...
Въ домъ жъ вѣчный содомъ и базаръ:
Все село промотавшихся баръ
Подъ опеку негаданно взято;
Мать радилась и въ перья, и въ пухъ,
Съ молодежью скакала на тройкѣ,
А отецъ, разъ вернувшись съ попойки,
Испустилъ неожиданно духъ.
Съ темнымъ будущимъ дочь оставалась:
Безъ призора, почти сирота...
Но за то для нея красота
Самымъ лучшимъ наслѣдствомъ являлась.
Веругъ тебя, безприданница дочь,
Напѣвали нерѣдко о свадьбѣ
Женихи въ раззоренной усадьбѣ,
Сияясь гордость твою превозмочь;
Не хотѣла ты выбрать, однако,
Никого изъ сосѣднихъ дворянъ...

Нѣтъ, имѣла особый ты планъ
Впередѣ для законнаго брака.

Ты росла, никого не любя,
Холодна въ добротѣ своей вѣчной;
Трепетъ страсти всеильной, сердечной
Непонятенъ былъ, дикъ для тебя.

Ты считала любовь за причуду;
Ты боялась мужскаго ума
И желала надъ мужемъ сама
Перевѣсъ взять во всемъ и повсюду.

Ты искала и скоро нашла...
Удивлялся уѣздъ весь не въ мѣру,
Какъ какому-то вдругъ землемѣру
Ты на свадьбу согласье дала.

Молчаливый и съ глупой улыбкой,
Это былъ безконечный добрякъ;
Нелюдимый и робкій чудакъ,
Онъ съ своею любимою сержишкой

По недѣлямъ сидѣлъ въ заперти,
Да пилил непослушнымъ смычкомъ онъ:
Вкусъ его былъ совсѣмъ не балованъ...
И вотъ въ немъ ты сбумѣла найдти

Безотвѣтно-поворнаго мужа,
И—карьеру свою начала
Въ тотъ-же годъ ты...

VI.

Въ ту зиму была
Непомѣрная, страшная стужа.

Всю усадьбу снѣга занесли,
Но ни стужа, ни зимняя вьюга
Уроженку палящаго юга
Въ томъ селѣ удержать не могли...

Надъ тобою звѣзда загоралась...
Выходить на арену пора!..
Послѣ свадьбы однажды съ двора
Ты съ супругомъ въ столицу умчалась.

Вѣря въ чары своей красоты.
Въ обаянье улыбки и рѣчи,
Не пугалась въ столицѣ ты встрѣчи
Съ темнымъ призракомъ злой нищеты.

— „Я хочу—и мы будемъ богаты!
Лишь глупцы ходятъ въ мѣръ съ сумой...“
Чтобъ жить въ полномъ довольствѣ самой,
Доброй феей для мужа была ты.

Мужъ въ столицѣ, какъ прежде, любилъ
Свой халатъ деревенскій на ватѣ
И, какъ прежде, въ широкомъ халатѣ
На убійственной скрипкѣ пилилъ,

А жена хлопотала, для мужа
Заводила знакомства, друзей

Находила для нужныхъ связей,
Свой практическій тактъ обнаружа.

VII.

Въ это время въ столицѣ жилъ тузъ;
Онъ до старости дожилъ на свѣтѣ,
Но ходилъ постоянно въ корсетъ
И кокетливо красилъ свой усъ.

При одномъ его только движеніи —
Былъ угрюмъ этотъ ветхій старикъ —
У его подчиненныхъ въ смущеніи
Отнимался тотчасъ же языкъ.

Не умѣлъ онъ приказывать дважды;
Взятокъ бичъ, хотя самъ казнокрадъ,
Онъ жену свою гдѣ-то однажды,
На гуляньѣ избилъ, говорятъ.

Съ видомъ евнуха, звѣрски и люто
Оглянуть отъ прически до ногъ
Онъ прелестную женщину могъ
Жесткимъ взглядомъ своимъ... И къ нему-то,

Словно южное утро свѣжа,
Разъ моя героиня явилась
И свободно, но скромно рѣшилась,
Передъ взглядомъ его не дрожа,

Говорить безъ поддѣльной печали,
Чтобъ онъ мужу далъ мѣсто, помогъ...
Неподвиженъ, безмолвенъ и строгъ,
Будто отлить изъ бронзы иль стали,

Слушаль гостю суровый магнатъ...

Не роняя достоинства, смѣло
На него незнакомка глядѣла.

Къ ней такъ шелъ ея черный нарядъ,

Такъ роскошенъ былъ станъ ея гибкій,
Нѣжный голосъ ласкалъ и манилъ,
Что вельможа суровость смѣнилъ
Благосклонной и мягкой улыбкой.

Этотъ черствый старикъ въ первый разъ

Испыталъ что-то въ родѣ волненья...

О, сирена! твое вдохновенье,

Южный блескъ зажигающихъ глазъ,

Каждый жестъ, полный нѣги, соблазна—

Все имѣло могучую власть...

Съ первыхъ встрѣчъ съ нею вспыхнула страсть

Необузданно и безобразно

Въ полумертвой душѣ старика...

Въ новой львицѣ явилась артистка:

То плѣнительна, какъ одалиска,

То, какъ сельская дѣва, робка,

То нѣма, какъ статуя печали,

То, какъ милый ребенокъ, рѣзва...

И глаза одряхлѣвшаго льва
Грѣшнымъ, буйнымъ желаньемъ сверкали.

Быль на всё онъ услуги готовъ,
Потерявши свое хладнокровье,
Лишь одно роковое условье
Предложилъ ей... Циническихъ словъ

Поняла она сразу значенье...
Сомнѣваться не можемъ мы въ томъ:
Многихъ женщинъ съ недальнимъ умомъ
Возмутило бы то предложенье,

Но для избранныхъ, высшихъ натуръ
И паденье—есть доброе дѣло.
Героиня придумать съумѣла
Остроумную мысль черезчуръ:

Что для мужа безъ дѣтскихъ капризовъ
Принесетъ она въ жертву себя,
И, какъ жертва, пошла не любя
Бъ старику на рѣшительный вызовъ.

VIII.

Туселый свѣтъ петербургской весны
Чуть скользить изъ завѣшенныхъ оконъ.
Въ кабинетъ—богатъ и высокъ онъ—
Среди мертвой его тишины

Только сыплются угли въ каминѣ
Съ рѣзкимъ трескомъ, въ огнѣ раскалась,
Да по мягкимъ коврамъ, торопась,
Кто-то бродить. Въ бродившей руинѣ,

Облеченной въ роскошный халатъ.
Севершалось странное что-то:
Дрожь въ лицѣ, ожиданье, забота,—
Мрачно вспыхивалъ старческій взглядъ:

Каждый шорохъ и стукъ экипажа
Заставлялъ трепетать старика
И, портьеру раздвинувъ слегка,
Изъ окошка втораго этажа

На проспектъ онъ смотрѣлъ сквозь стекло,
И на солнцѣ лица его складки
Отвратительны были и гадки:
Точно ихъ на лицо навело

Угрызеніе совѣсти темной,
Иль порочная, дикая страсть...
Видно было, что нѣкогда всласть
Нагрѣшилъ старичишка... Въ приемной

Шелестъ платья послышался вдругъ...
Легкій шагъ... распахнулась дверь разомъ
И, обвита свербеющимъ газомъ,
Какъ прозрачнымъ туманомъ вокругъ,

Показалась желанная гостя
И развратникъ къ ногамъ ея палъ...
О, едва-ли бѣ сильнѣи испыталъ
Тайный ужасъ, презрѣнье и злость я,
Еслибъ вставшій изъ гроба скелетъ
Сталъ ласкать этотъ станъ благородный
И свой черепъ ужасный, холодный,
Гдѣ дыханія жизни ужъ нѣтъ,
Къ этой гордой, изваянной точно,
Блѣдно-розовой груди склонилъ...
Нѣтъ, старикъ тотъ ужаснѣе былъ.
Даже та красота ужъ порочна,
До которой коснуться онъ могъ;
Все, что въ ней цѣломудренно, свято,
Ядовитымъ дыханьемъ кастрата
Онъ въ одно бы мгновеніе сжегъ.

IX.

И ему, этой гадинѣ скверной,
Ты на жертву себя отдала!..
Не смущайся!.. Межъ насъ прослыла
Ты повсюду супругой примѣрной;
И твой подвигъ гражданскій вполне
Оцѣнить могутъ все, вѣроятно:

*

Намъ геройство такое пріятно
Находить въ благородной женѣ.

На кострахъ прежде съ мужемъ сгорали
Наши вдовы и—пѣли въ огнѣ,
А теперь мы въ родимой странѣ
Героинь въ новомъ родѣ встрѣчали:

Не полѣзутъ онѣ на костеръ,
Но чтобъ мужу добыть повышенье,
Могутъ сдѣлать онѣ преступленье,
Согласятся идти на позоръ.

Гибки всѣ убѣжденія наши,
Въ нихъ идей и понятій—разладъ:
Цѣломудренъ бываетъ развратъ
И порокъ добродѣтели краше.

Эта женщина чуть не святѣ,
Подъ нее не подточить иглами
И хвалебные въ обществѣ толки
Возбуждаетъ ея чистота:

Мужъ имѣетъ доходное мѣсто,
Всѣмъ обязанъ женѣ молодой...
И никто съ благородной враждой
Ей въ глаза не бросаетъ протеста.

Полный домъ съ анфиладою залъ
Не дивить никого безъ различья,
И блудницы подъ маской приличья
Въ чудномъ сфинксѣ никто не призналъ.

И презрительно можетъ изъ ложи
Эта львица смотрѣть въ бенуаръ,
Гдѣ камелій парадный базаръ,
Въ ней усталые нервы тревожа,
Возбуждаетъ всю горечь ума,
И вздыхаетъ она, негодуя...
Ей невольный вопросъ предложу я:
Сфинксъ прекрасный! Но кто жь ты сама?!..

Нарушенный уставъ.

(ВОСТОЧНАЯ ПОЭМА.)

I.

При одномъ дворѣ восточномъ,
Много лѣтъ тому назадъ,
Этикетъ таковой былъ строгій,
Что стѣснялся старъ и младъ —
Начиная отъ царицы
До послѣдняго раба:
Этикетъ неумолимъ былъ,
Какъ и самая судьба.
Каждый шагъ, движенье, слово,
Дни, часы, различье правъ —
При дворѣ все подводилось
Подъ особенный уставъ.
Цѣлый дворъ имъ тяготился,
Но — привычка такъ сильна,
Что безропотно уставу
Покорялась вся страна.

Даже самая царица,
Находя въ немъ много зла,
Отучить отъ дряхлыхъ правилъ
Чинный дворъ свой не могла.

II.

Межъ пажами у царицы
Пажъ одинъ, любимый былъ,
И презрѣнъ въ этикету
Этотъ пажъ весь дворъ гнѣвилъ,
Для блюстителя порядка,
Хуже остраго ножа,
Становились всѣ поступки
Неповорнаго пажа:
То поетъ онъ въ часъ молитвы,
То не спитъ въ урочный часъ,
То встрѣчается съ царицей
И не сдвинетъ шляпы съ глазъ,
То на выходѣ смѣется,
Гдѣ молчать и старики,
То надѣветъ вмѣсто желтыхъ
Въ праздникъ черные чулки.
На любимца доносили
Каждый день царицѣ: „Дворъ
Пажъ твой въ обществѣ роняетъ...
Какъ сносить такой позоръ?“

Но пажа она щадила,
Хоть и слышала совѣтъ:
— „Накажи его, царица!
Онъ нарушилъ этикетъ!“

III,

Какъ-то разъ царица долго
Горевала безъ конца,
Что нѣтъ вѣсти отъ больного,
Престарѣлаго отца.
Бродить днемъ, не спится ночью,
Опостылъ ей цѣлый свѣтъ...
Лишь войдетъ кто: „нетъ ли писемъ?“
Говорить, но писемъ — нѣтъ.
Вотъ однажды въ полночь ровно
Прискакалъ съ письмомъ гонецъ:
Но его съ письмомъ къ царицѣ
Не пускаютъ во дворецъ...
— „Ужь таковъ у насъ порядокъ —
Въ полночь всѣмъ закрытъ здѣсь входъ.“
Но любимый пажъ царицы
У гонца письмо беретъ,
Мчится быстро онъ по заламъ,
Говоря всѣмъ на пути:
— „Государинѣ отвѣчу
Самъ за все я... Пропусти!“

Спать царица не ложилаь.
И воскликнула, дрожа:
— „О, давай письмо скорѣ!“
Взявъ его изъ рукъ пажъ,
А межъ тѣмъ, весь дворъ въ смятеньи:
— „Какъ? Презрѣнный этотъ пажъ.
Въ ночь царицу потревожилъ,
Оскорбилъ обычай нашъ!..“
Лишь одна царица въ тайнѣ
Одобряла этотъ грѣхъ
И сдвигала только брови,
Слыша утромъ ото всѣхъ,
Какъ бранять ея любимца:
— „Для него и казни нѣтъ!
Накажи его царица,
Онъ нарушилъ этикетъ!..“

IV.

Близъ дворца былъ садъ тѣнистый
Подъ оградю, и былъ
Въ немъ бассейнъ съ водой священной,
И уставъ двора гласилъ,
Что одна царица съ сыномъ
Можетъ въ тотъ бассейнъ вступить,
И нието да не посмѣетъ
Эту воду осквернить

Ни однимъ прикосновеньемъ,
А иначе—смерть за то,
И въ бассейнъ съ водой священной
Не вступалъ еще никто...
Какъ-то утромъ сынъ царицы
У бассейна въ мячъ игралъ,
Но на мраморныхъ ступеняхъ
Поскользнулся и упалъ
Прямо въ воду... Растерялись
Няньки всѣ при той бѣдѣ,
Дворъ сбѣжался; видать—мальчишъ
Съ смертью борется въ водѣ...
Хоть спасти его отъ смерти
Въ ту минуту каждый могъ,
Но никто въ бассейнъ царскомъ
Омочить не смѣетъ ногъ.
Въ это время пажъ безстрашный,
Къ восклицаньямъ гнѣвнымъ глухъ,
Разтолкалъ толпу придворныхъ
И безъ слова въ воду—бухъ!..
Если бъ онъ еще минуту
Опоздалъ хотя одну,
Захлебнулся бы ребенокъ
И пошелъ, какъ ключъ, ко дну.
Пажъ поймалъ его и вынесъ,
На рукахъ своихъ держа,
И безчутвеннаго сына
Мать схватила у пажа.

Но межъ тѣмъ, какъ хлопотала
Возлѣ мальчика она,
Надъ пажемъ гремѣли крики:
— „Жизнь твоя осуждена!..
Осквернилъ ты эту воду!
Для тебя пощады нѣтъ...
Накажи его, царица:
Онъ нарушилъ этикетъ!..“

V.

Въ тотъ же вечеръ былъ назначенъ
Надъ пажемъ преступнымъ судъ,
Былъ прочтенъ ему по пунктамъ
Приговоръ о смерти тутъ,—
И хотя сама царица
Толковала цѣлый часъ—
Что награды только стоитъ
Тотъ, кто ей ребенка спасъ,
Но ей судьи отвѣчали,
Опираясь на законъ:
— „За спасенье сына—точно,
Что награды стоитъ онъ:
Дай за то ему награду,
Но ему спасенья нѣтъ...
Прикажи казнить, царица!
Онъ нарушилъ этикетъ...“

VI.

• „Прикажи!..“ Но въ то мгновенье,
Какъ кричали палачи,
Платье легкое царицы
Загорѣлось отъ свѣчи,
Отъ упавшей сверху искры, —
Мигъ — и вся она въ огнѣ...
Судьи замерли на мѣстѣ,
Оставаясь въ сторонѣ;
Только пажъ одинъ нашелся:
Онъ царицу обхватилъ,
Обвилъ въ пламени руками
И собою потушилъ
Весь огонь... Въ смятеньи судьи:
— „Для него и казни нѣтъ!
Онъ тебя, царица, обнялъ,
Онъ нарушилъ этикетъ!..“

VII.

Задыхаясь отъ испуга,
Смущена, возмущена,
На судей глядитъ царица,
Гнѣвомъ пышетъ вся она:
— „Какъ! Онъ спасъ царицѣ сына!

Опъ царицу вашу спасъ,
И не будь его здѣсь въ залѣ,
Я сгорѣла бы сейчасъ!..
И его казнить хотите?..
Вотъ же царскій вамъ отвѣтъ:
Чтобъ отнынѣ прекратился
Этотъ дикій этикетъ, —
А пажу повелѣваю,
Въ силу данныхъ мною правъ,
Завтра утромъ всенародно
Сжечь безумный вашъ уставъ...“
И сгорѣлъ уставъ по утру
Всенародно на кострѣ,
Этикетъ же... постепенно
Вновь явился при дворѣ.

ПРЕДАТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

I.

Судить нельзя о людяхъ по лицу,
Не бывши очень тонкимъ психиатромъ,
О пьесахъ—по журнальному льстецу,
Слагающему гимны всѣмъ театрамъ,
О зданьи—по парадному крыльцу,
О женщинахъ—по невскимъ клеопатрамъ
И, наконецъ, о содержаньи книгъ
Нельзя судить по ихъ названью... sic!..

II.

О, цензоръ мой, и ты мой другъ, читатель!
Васъ долженъ успокоить я впередъ:
Хоть мой „предатель“—истинный предатель
И можно съ нимъ нажать себѣ хлопотъ,

Но буду я цензурень, какъ писатель,
Постигшій вѣкъ, въ который онъ живетъ,
И общество и русская цензура,
Надѣюсь я, меня не встрѣтять хмуро.

III.

Предательство—нѣтъ спора въ томъ—порокъ,
Порокъ, однако, очень современный,
И мой герой отъ головы до ногъ,
По истинѣ, есть экземпляръ безцѣнный
Существовъ, которымъ часто невдомѣкъ,
Что ихъ языкъ—есть врагъ ихъ неизмѣнный:
Они болтаютъ много не впопадъ,
Хотя предать насъ вовсе не хотятъ.

IV.

Предателей на свѣтѣ два разряда:
Одни изъ нихъ вредятъ по ремеслу
И, какъ чумы, такихъ бояться надо;
Другіе же, по склонности ко злу—
Художники: ихъ умъ таковаго склада,
Что думая произнести хвалу,
Они друзей поссорить ухитрятся,
Иль вдругъ доносомъ въ прессѣ разразятся.

V.

Такихъ людей тотъ или другой разрядъ
За вредныхъ одинаково признали.
Вѣдь легче-ль оттого—какъ намъ вредять:
Безъ умысла или съ умысломъ? [Едва-ли
Насъ съ умысломъ кусаетъ самый гадъ,
Не вѣдая, что ядъ таится въ жалѣ
И избѣгать, какъ гадовъ, я готовъ
Предателей всѣхъ свойствъ и всѣхъ сортовъ.]

VI.

Герой моей исторіи! Но кто ты?
Какъ многіе, живешь ты не хитро,
Чужія повторяя только ноты:
Ты говоришь не рѣдко и остро,
Но не свои—заемныя остроу.
Повсюду принять, радишься пестро
И, бывши существомъ вполнѣ двуногимъ,
Не человѣкъ ты все таки, хоть многимъ—

VII.

И сходенъ съ нимъ... Предчувствую упрекъ:
Что это—фарсъ, вы скажете, шарада?..
Впередъ не забѣгайте, дайте срокъ...

Перенестись прошу изъ Петрограда
Вереть за сорокъ, въ приморскій городокъ,
Въ затишье зеленѣющаго сада,
На дачу съ мезониномъ, съ цвѣтникомъ...
Вамъ, вѣроятно, городъ тотъ знакомъ.

VIII.

А если нѣтъ, то можемъ издали мы
Знакомство съ нимъ свести въ пять, шесть минутъ.
Въ немъ проживаютъ больше нелюдимы,
Достаточный, но очень мирный людъ;
Недугами земными одержимы,
Морскія ванны дачники берутъ
И, какъ сказалъ одинъ чиновный старецъ—
Тотъ городокъ—нашъ сѣверный Біарицъ.

IX.

Тамъ есть театръ—актеровъ только нѣтъ—
Съ единственной въ срединѣ круглой ложей:
Вокзалъ, не получающій газетъ,
И на тюрьму гостинный дворъ похожій,
Отъ старости принявшій бурый цвѣтъ.
И рѣдкость тамъ на улицѣ прохожій
Такая-же, какъ розы въ январѣ,
Иль какъ статья хорошая въ „Зарѣ“.

X.

Въ томъ тихомъ городѣ не шелохнется
Жизнь гражданъ, какъ стоячая вода.
Лишь визгъ машины рѣзко пронесется
По площади въ день лѣтній, и тогда
На полчаса весь городъ встрепенется,
Да море забушуетъ иногда,
Или матросъ... Подъ праздникъ, выпивъ съ горя,
Иной матросъ бушуетъ, какъ и море.

XI.

Предъ дачами, заросшіе травой,
Бѣлѣли тамъ безносые амурь
Съ курчавою изъ гипса головой,
Иль нимфъ дождемъ измытыя фигуры;
По уличной, разбитой мостовой
Бродилъ пѣтухъ и курамъ строилъ куры...
Въ томъ городѣ не такъ еще давно
Прожить мнѣ лѣто было суждено.

XII.

Мнѣ, какъ больному, врачъ далъ три совѣта:
Книгъ не читать, питаться молокомъ

И трижды въ сутки ванны брать. Все это
Я исполнял, хоть, признаюсь, тайкомъ
Порой читалъ, но русская газета
Полезна передъ сномъ, а вечеромъ
Ходилъ гулять и, упражняясь въ слогъ,
Произносилъ на взморьѣ монологи, —

XIII.

Безъ всякихъ элегическихъ скорбей
И свойственныхъ пѣвцу галлюцинацій...
О, море, море! Истинный плебей
Всѣхъ возрастовъ, всѣхъ климатовъ и націй
Въ виду твоихъ таинственныхъ зыбей
Едва-ль найдетъ причину для овацій:
И на землѣ житья плебею нѣтъ,
А въ морѣ и подавно много бѣдъ.

XIV.

Въ смятении волнъ, въ твоей могучей бурѣ
Онъ слышитъ стоны братьевъ и отцовъ.
Онъ смотритъ на красу твоей лазури
Безъ паэоса лирическихъ пѣвцовъ.
(Поэтъ—эгоистиченъ по натурѣ:
Гроза морей, крушеніе пловцовъ
Въ немъ дразнятъ поэтическую похоть,
А самъ получить насморкъ—станеть охатъ).

*

XV.

Но возвратиться къ сушѣ нужно мнѣ,
Отъ этого разсказъ не будетъ суше.
Имѣя склонность къ сельской тишинѣ,
Весной я выбралъ улицу поглуше
Въ томъ городѣ, —хоть были всѣ онѣ
Пустынны, такъ, что не живыя души,
Казалось, обитали въ нихъ, —и я
Искалъ недолго скромнаго жилья.

XVI.

Въ уединенномъ домѣ, въ мезонинѣ,
Я поселился въ качествѣ „жильца“
Въ особой совершенно половинѣ.
Смотрѣла дача весело съ лица;
Рѣзной балконъ тонулъ въ двойной куртинѣ
Густыхъ цвѣтовъ, а на дверяхъ ерлыца
Доска блестѣла съ надписью: Окраинѣ.
Такъ назывался дачный мой хозяйнѣ.

XVII.

То былъ мужчина видный, среднихъ лѣтъ.
Онъ, съ первыхъ словъ, со мной гуляя въ паркѣ,

Сталъ объяснять судовъ закрытыхъ вредъ,
Болталъ развязно очень о Висмаркѣ
И восхвалялъ, какъ истинный поэтъ,
Въ дыму ароматической сигарки,
Жизнь сельскую, безъ городскихъ причудъ,
Хоть собственный объѣдъ имѣлъ въ шесть блюдъ.

XVIII.

Съ людьми всегда сближаясь очень туго,
Знакомства съ нимъ я не искалъ сперва
И встрѣчи избѣгалъ въ „часы досуга“,
Но обстановка такъ была нова,
И такъ мила была его супруга,
Что, самъ не замѣчая, дня чрезъ два
Спускается внизъ я началъ ежедневно
Къ вамъ, Левъ Ѳомичъ и Анна Алексѣвна.

XIX.

Съ супругами недѣли черезъ три
Встрѣчался я, какъ другъ домашній чисто.
Съ женой читалъ поутру *L'homme qui rit*,
Въ бесѣдѣ выбравъ мѣсто, гдѣ тѣнисто;
Съ супругомъ спорилъ часто до зари,
Иль въ цѣль стрѣлялъ, порой, изъ монтекристо,
И голову ломалъ лишь объ одномъ:
„Все хорошо! Но съ кѣмъ же я знакомъ?“

XX.

Такой вопросъ родился очень просто:
Хозяинъ мой въ довольствѣ полномъ жилъ,
Имѣлъ свой домъ у Банковского моста,
Надъ службою коронною трунилъ,
Былъ либераль... Но кто жь онъ? Вотъ вопросъ-то!..
Его всегда Окраинъ обходилъ,
Мнѣ говоря, что занять „дѣломъ частнымъ“,
А по утрамъ дарилъ лишь только часъ намъ —

XXI.

И мчался въ городъ, сѣвъ на паровозъ,
Всегда одѣтый словно по картинѣ...
Любуясь шелкомъ пепельныхъ волосъ
Его супруги, маленькой блондинки,
Рукою я махнулъ на тотъ вопросъ:
Пусть онъ купецъ, холстъ продающій въ рынкѣ,
Иль картами нажившійся корнетъ!..
До этого мнѣ вовсе дѣла нѣтъ.

ГЛАВА II.

I.

Свершаются большія преступленья
Отъ самыхъ незначительныхъ причинъ:
Ведетъ къ доносамъ шаткость убѣждения,
Кончается самоубійствомъ сплинъ;

А женщины измена и паденье, —
Я знаю въ жизни случай не одинъ, —
Случаются отъ скуки, большей частью, —
И тотъ смѣшонъ, кто называетъ „страстью“

II.

Капризницы скучающей любовью.
Ей по душѣ такая только книга,
Которая слегка волнуетъ кровь;
Трудъ для нее ужаснѣйшее иго
И, — бѣдный мужъ, рога себѣ готовь! —
Нужна женѣ любовная интрига,
Какъ средство отъ бездѣлья и хандры:
Ей нравится въ процессѣ той игры

III.

Поэзія длиннѣйшихъ, нѣжныхъ писемъ,
Домашней, милой лжи, запретный плодъ
Короткихъ встрѣчь. Кругъ женщинъ такъ зависимъ,
Такъ много лгутъ мужья ихъ, въ свой чередъ,
Что безъ коварства можно-ль обойтись имъ?
Интригъ подобныхъ братокъ періодъ:
Навѣрно девяносто женщинъ на сто
Отъ скуки ихъ мѣняютъ очень часто.

IV.

Моя хозяйка новая была
Слушающей такой же баловницей,
Вплоть до полудня самого спала,
Да бредила Сицилией и Ниццей,
Гдѣ нѣкогда два года прожила;
Дремала надъ серьезною страницей,
Хоть иногда—замѣчу я о томъ—
Въ ея рукахъ являлся Шерра томъ.

V.

Чарльзъ Ляйэлла и даже Молешота.
Она томилась скукою давно,
Той скукой, отъ которой, какъ отъ гнета
Пустой и празднои жизни, есть одно
Спасенье—трудъ, но ей пришла охота
Занятые выбрать лучшее. Оно
У женщины является, какъ прихоть.
Подчасъ, такую барыню запри хоть,

VI.

Она и подъ приглядомъ, взаперти,
Съумѣетъ очень ловко развлеченье

Хоть даже через форточку найти.—
И я такое сдѣлалъ заключенье,
Бродивши по житейскому пути,
Что для мужчинъ и женщинъ „заключенье“
По отсталой системѣ прежнихъ лѣтъ —
Приносить несомнѣнный только вредъ.

VII.

Хоть Анна Алексѣвна постоянно
Могла свободой полной обладать,
Но такъ какъ мужъ зачѣмъ-то безпрестанно
Жену одну сталъ часто оставлять,
То скоро родилось у ней неожиданно
Желаніе—кокетничать начать,
А такъ какъ я одинъ былъ подѣ рукою,
То жертвою несчастною такую

VIII.

Былъ избранъ я скучающей женой.
Сперва она вздыхала очень томно,
Потомъ въ саду старалась предо мной
Высказывать любви намеки скромно,
И, наконецъ, однажды, въ часъ ночной,—
О, Боже! вотъ несчастье!—въ полночь ровно
Она на шею бросилась ко мнѣ
И быстро скрылась. Утромъ же въ письмѣ

IX.

Пространно очень, стилемъ полуяснымъ
Свою любовь старалась объяснить.
Хоть не былъ я „Іосифомъ прекраснымъ“,
Но все жъ не могъ и селадомомъ быть,
Чтобъ въ званьи томъ, комически опасномъ,
Для женщины игрушкою служить,
И шуткою рѣшился, — фать я, что-ли! —
Отдѣлаться отъ новой глупой роли.

X.

— „О, Донна Анна! (съ этихъ самыхъ поръ
Такъ началъ звать я дачную Діану),
Скажите мнѣ (она склонила взоръ),
Уже-ли я подобенъ Донъ-Жуану?
Что скажетъ; наконецъ, вашъ командоръ,
Когда его, соперникомъ я стану?..
А потому, не лучше ль намъ съ утра
Забывать о томъ, что сдѣлано вчера?“

XI.

„Десятый часъ: васъ ожидаетъ ванна,
Вамъ освѣжиться нужно, мой совѣтъ“...•

Не унялась, однако, донна Анна.
— Ахъ, Вольдемаръ! въ вась сердца вовсе нѣтъ!
Такъ отвѣчать на чувство—очень странно!—
Когда-жъ домой вернулся мужъ въ обѣдъ,
Повеселѣла барыня въ минуту:
Мужъ, чтобы развлечь забытую Анюту,

XII.

Изъ городской квартиры перевезъ
Любимаго супругой попугая,—
И мысленно мнѣ разсуждать пришлось:
„Спаси меня, о, птица дорогая,
Отъ вѣжностей непрошенныхъ и слезъ!“
Хоть послѣ нажилъ въ птицѣ той врага я,
Но въ этотъ день я „попекъ“ былъ такъ радъ,
Какъ человѣкъ, въ землѣ нашедшій кладъ.

XIII.

Самъ тѣшился я говорливой птицей.
Внимая безтолковой болтовнѣ,
Я точно слушалъ Страхова съ Косицей,
Которые въ родимой сторонѣ
Пускаютъ въ мѣръ страницу за страницей,
Туманныя, какъ призраки во снѣ,
Иль какъ цвѣты на выцвѣтшихъ обояхъ:
Мнѣ попугай напомнилъ ихъ обоихъ.

XIV.

Такъ время шло и невская весна
Свои права днямъ лѣтнимъ уступила.
Льва Омича скучавшая жена
То попугая сахаромъ кормила,
То, книгу опустивши у окна,
Меня за безсердечіе корила,
То въ разговоръ вступала съ „попкой“ вновь,
Дѣля межъ имъ и мной свою любовь.

XV.

Я часто слышалъ милое смѣшенье
Ласкательныхъ, къ намъ обращенныхъ фразъ:
— „Дай, попка, лапку! Хочешь ты варенья?“
— „Ахъ, Вольдемаръ, за что люблю я васъ?“
А попугай, ревнуя, безъ сомнѣнья,
Меня къ хозяйкѣ, крикнулъ какъ-то разъ:
„Ахъ, Вольдемаръ, люблю я васъ за что же?“
О, женщины! Оглядывайтесь строже,

XVI.

Богда въ мужьяхъ вамъ вѣра дорога,
И бойтесь не пронырливой сосѣдки,

А добраго, наивнаго врага,
Сидящаго за вами въ мѣдной влѣтѣ...
За деньги продается намъ слуга,
И въ высшихъ класахъ подкупы не рѣдки,
А попугай субсидіи беретъ
И все-таки друзей не бережетъ.

XVII.

Разъ, лѣтнемъ днемъ, — іюнь шель къ половинѣ, —
Тринадцатаго именно числа
День именинъ былъ нашей героини.
Тринадцать, всѣмъ извѣстно, — цифра зла,
Какъ Брюссъ заставилъ вѣрить насъ до нынѣ...
Въ тотъ день съ утра наполнена была
Толпой гостей въ уютной дачѣ зала, —
Къ обѣду ждали даже генерала

XVIII.

Какого-то, котораго потомъ
Я видѣлъ на скамейкѣ подсудимыхъ...
О, Господи! какъ не скорбѣть о томъ,
Что генераловъ, даже, одержимыхъ
Подагрой, преслѣдуютъ судомъ,
При шиканѣ газетъ неутомимыхъ...
Зачѣмъ же, наконецъ, имъ всѣмъ даны
Регалии и высшіе чины?

XIX.

Въ гостиной были гости. Съ рожей хмурой
Былъ адвокатъ прїѣзжій изъ Москвы,
Освистанный въ Москвѣ адвокатурой,
Былъ грекъ какой-то, съ запахомъ „халвы“,
Былъ господинъ съ печальною фигурой,
Страдавшій ревматизмомъ головы,
И были, какъ забытыя гробницы
Безъ надписей, какія-то дѣвицы.

XX.

Благополучно кончился обѣдъ,
Какъ слѣдуетъ, шампанскимъ завершонный,
И началась одна изъ тѣхъ бесѣдъ,
Когда любой болтунъ неугомонный
Стихаетъ, — прежней живости въ немъ нѣтъ, —
Обѣдомъ имяниннымъ утомленный, —
И ужъ не разъ замѣтилъ генераль
О томъ, что „тихій ангель пролеталь.“

XXI.

Хозяина лишь рѣчь неумолкала.
Онъ увѣрялъ, что свѣтъ перевернетъ

Открытие Суэзскаго канала,
Что мировымъ посредникамъ заботъ
Нѣтъ никакихъ, и земству не мѣшало
Теперь бы сократить такой расходъ, —
И вообще бесѣдовалъ о земствѣ
И о реформахъ въ нашемъ духовенствѣ,

XXII.

О томъ, что Примъ весьма большой наглець,
Что *Русскій Вѣстникъ* взять противно въ руки...
Но пауза настала, наконецъ,
Самъ Левъ Ѳомичъ сталъ блѣденъ какъ мертвецъ —
Вдругъ раздались предательскіе звуки:
„За что я такъ люблю васъ, Вольдемаръ!“
Такъ поугай всёмъ заявилъ свой даръ —

XXIII.

Даръ — повторять подслушанныя рѣчи...
Сквозь землю провалиться быль я радъ,
А у хозяйки бѣдной, — даже плечи
Вдругъ вспыхнули, какъ въ лѣтній день закатъ, —
Она склонила взоръ, съ моимъ при встрѣчѣ...
— „Здѣсь отдаются вещи подъ закладъ?“..
Вновь „попка“ спѣлъ: „здѣсь ростовщикъ Окраинъ?“
Тутъ въ свой чередъ сталъ красенъ мой хозяинъ.

XXIV.

Предательство безстыдное вдвойнѣ!..
Подобныхъ птицъ держать въ семьѣ накладно:
Мужъ потерялъ довѣренность къ женѣ
И самъ былъ обличенъ такъ безошадно...
Сидѣли мы при мертвой тишинѣ,
Всѣ поняли, что дѣло тутъ не ладно,—
Лишь генераль нашелся, какъ всегда:
„Сейчасъ дуракъ родился, господа!“

XXV.

• Благодаря непрошенной услугѣ,
Покинулъ я свой дачный уголокъ,
Но для меня, для мужа и супруги
Данъ птицей былъ отличнѣйшій уроекъ.
Теперь, о немъ припомнивъ на досугѣ,
Смѣюсь въ душѣ: въ короткій очень срокъ
Чуть другомъ я не сталъ,—о, верхъ скандала!—
Ростовщика подъ маской либерала.

XXVI.

Таковъ нашъ вѣкъ. Какъ Янусъ, онъ двуликъ.
Есть честности апломбъ у ренегата,

Толкуетъ либерально ростовщикъ,
У шуллера есть спѣсъ аристократа,
И записной журнальный клеветникъ,
Фискалившій печатно на собрата,
Бакъ правный человѣкъ на всѣхъ глядитъ
И въ обществѣ имѣеть свой кредитъ.

XXVII.

Ты лучше ихъ, воспѣтый мной предатель!
Себѣ ты вѣренъ до ночи съ утра,
Не шарлатанишь нагло, какъ писатель,
И не пойдешь подъ старость въ юнкера,
Бакъ Всеволодъ Елубничкинъ, мой пріятель,
И наконецъ... но мнѣ кончатъ пора...
Когда нибудь, вернувшись къ попугаю,
Я новою васъ бѣлѣю попугаю...

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ.

ПОЭМА.

ГЛАВА I.

ДЕШЕВЫЕ УГЛЫ.

Поѣздъ вечерній на часъ опоздалъ.
Только успѣлъ перебраться съ вагона
Я въ освѣщенный вокзалъ,
Тотчасъ явились причины
Перепугаться неожиданныхъ услугъ:
На пассажировъ набросились вдругъ,
Словно какъ волки голодные,
Жадно, хозяева мелкихъ квартиръ,
Темныхъ угловъ: — „Номера превосходные!“
— „Комнаты съ мебелью... Бани, трактиръ,
Все подъ рукою, за церковью греческой!“
— „Полно, души нѣтъ въ тебѣ человѣческой:
Кто же полѣзетъ къ тебѣ на чердакъ?
Къ намъ, господинъ! Домъ на Лиговкѣ...“
Такъ,

Только преслѣдуя цѣли желанья,
На перебой голосила толпа,
И межъ собой на эпитеты бранины
Вовсе была не скупа.
Шла какъ на приступъ она сокрушающій
И разбирала жильцовъ на расхватъ,
Съ храбростью, мало довѣрья внушающей.
Насъ осадили: на клюшекъ солдатъ,
Съ просьбою сильной чиновникъ отрешившій,
Ветхой шинелью прикрывшій замтопаннѣй,
Такъ же потертѣй, какъ самъ онъ, халатъ,
Дама какая-то, съ шалью до пятъ,
Съ носомъ армянскимъ и въ капорѣ розовомъ,
И фистулой голосившій жидокъ:
— „Луцце платить за квартиру дороже вамъ
Да узъ жеросій нѣтъ уголокъ...“

Какъ меня съ ногъ не свалила
Эта толпа—я понять не могу,
Дюжина рукъ чемоданъ мой схватила
И, какъ прищлецъ на чужомъ берегу,
Я подчинился услугамъ непрошеннымъ,
И съ геркулесомъ какимъ-то взъерошеннымъ.
(Въ свалкѣ за мой чемоданъ, геркулесъ
Скоро рѣшительный взялъ перевѣсъ)
Я очутился на площади темной,
Гдѣ зашагаль проводникъ мой огромный...
Слѣдомъ за нимъ пробираясь впередъ,

Я лишь подумалъ: „Бывалый народъ!
Знаеть славянскую нашу натуру.
Каждый изъ насъ таеъ къ насилью привыкъ,
Что поворяется каждому сдуру.
Да, какъ хотите, въ терѣннѣ великъ
Каждый изъ насъ...

Торопливо мы шли.

Гуще сумерки стали; на Невскомъ
Фонари зажигали вдали
И холодннмъ, неласковнмъ блескомъ
Разливался по улицѣ газъ.
То стихалъ, то опять принимался
Бить въ лицо мелкѣй дождь, и неразъ
Полицейскѣй свистокъ раздавался.
Все по старому было, точъ-въ-точъ,
Какъ въ минувше годы, когда я
Вотъ въ такую же темную ночь,
Въ первый разъ, много благъ ожидая,
Въ этотъ городъ съ волненьемъ въѣзжалъ,
Гдѣ тебѣ, жизнь моя молодая,
Горкѣй опытъ уроки давалъ.
Онъ не радостенъ былъ и не свѣтелъ,
Прежнѣй путь мой... Я шелъ и назадъ,
Улетая въ бывшее свое, не замѣтилъ,
Какъ мелькнулъ предо мной цѣлый рядъ
Темныхъ лѣстницъ, перилъ и ступеней,
И очнулся лишь только тогда

Отъ нахлынувшихъ думъ и видѣній,
Какъ сказалъ проводникъ мой: „сюда!“

Въ полутемномъ, сыромъ корридорѣ
Чуть мерцалъ одинокій ночникъ,
Такъ темно, словно былъ въ заговорѣ
Съ общимъ мракомъ. Когда я привыкъ
Бъ темнотѣ, то успѣлъ постепенно
Осмотрѣть невеселый пріютъ,
Гдѣ живетъ нищета несомнѣнно,
Самый жалкій, запуганный людъ.
По бокамъ корридора шли двери,
Какъ идутъ казематы въ тюрьмѣ,
Только не было видно во тьмѣ
Ни солдатъ, ни штюковъ...

... Въ новой сферѣ,

Ей охваченный, чувствовалъ я
Запахъ гнили, сыраго бѣлья,
Чадъ отъ масла, отъ лампы изъ жести,
Съ табакомъ и съ цикоріемъ вмѣстѣ.
Тишина. Кое-гдѣ огонекъ
Въ щель дверей у жильцовъ прорывался...
Чу! ребенокъ заплакалъ... Звонокъ
Прогремѣлъ и какъ будто порвался.
Вотъ ругательство вдругъ раздалось
Вмѣстѣ съ звукомъ разбитой тарелки...
Та же дама, имѣвшая носъ
Настоящей грузинской отдѣлки,

Изъ земли словно выросла, капоръ сняла
(Ей на видъ было слишкомъ лѣтъ сорокъ)
И громаднымъ ключомъ отперла
Мнѣ одну изъ свободныхъ каморокъ.

Настоящій пріютъ бѣдняка!
Таеъ знакомившись съ новымъ жилищемъ,
Думалъ я: есть комодъ безъ замка,
Таеъ какъ прятать въ немъ нечего нищиму,
Есть и столъ, чтобъ за нимъ коротать
За работою ночью бессонной,
Даже есть безъ матраца кровать,
На которой бѣднякъ, утомленный
Непосильною ношею труда,
Можетъ лечь и заснуть навсегда.

— „Здѣсь помещеніе, сударь, удобное!“
Таеъ въ настроеніе насмѣшливо-злое
Переходя отъ безмолвія вдругъ,
Носа грузинскаго чахлый супругъ
Разъ говорилъ мнѣ, осила смущеніе
И забывая свой вѣчный испугъ:

— „Да-съ, преудобное здѣсь помещеніе!
Все подъ рукою, — харчевня есть тутъ,
Рядомъ же касса для денежныхъ ссудъ,
Для подаенія — цаперть церковная,
Для развлеченія — въ участіи ночлеги,
А подъ окошками — Лиговеа темная...

Броситься можетъ всегда человѣкъ,
Если такое получить нѣгѣ,
Даже въ газету вѣтомъ попадетъ,
Гдѣ напечатаютъ это событіе...
Все таки, сударь, великій почетъ!..“

Съ новымъ міромъ я освоился скоро,
Близко узналъ, словно проклятый, бытъ
Разныхъ жильцовъ коридора;
Въ каждомъ углу иль потерянный стыдъ,
Или тупое незнанье позора;
Въ каждомъ углу роковая нужда
Заявляла свой голосъ отерпѣто,—
Куча дѣтей... Словно на смѣхъ, всегда
Бѣдность бываетъ па нихъ плодovitа.
Переступая за каждый порогъ,
Гдѣ зачастую и хлѣба кусокъ
Грѣшнымъ, нечистымъ путемъ добывается,
Кажется жалкимъ и самый порогъ,
И на губахъ замираетъ упрекъ,
И приговоръ съ языка не срывается...

Въ сферѣ мелкихъ и будничныхъ драмъ,
Что ни шагъ—представлялся глазамъ
Переходъ отъ затишья къ содому,
Отъ печальнаго прямо къ смѣшному
И опять отъ смѣшного къ слезамъ.

Самъ я не знаю, какъ это случилось,
Кто и когда мнѣ о томъ разсказалъ,

Но обо всемъ, что въ сосѣдствѣ творилось,
Всю подноготную скоро я зналъ.
Зналъ я, что жилъ на концѣ корридора
Старый, давно обнищавшій баронъ,
Изобрѣсти общающій скоро
Средство такое, чтобъ съ рельсовъ вагонъ
Прыгать не могъ на желѣзной дорогѣ.
Въ маленькой комнаткѣ, точно въ берлогѣ
Изобрѣтая „машину-машинъ“,
Жилъ онъ и пилъ только кофе одинъ.
Зналъ я, что тутъ же жила старушонка,
Что старушонка, спрыгнувши съ ума,
Буклу баюкаетъ, словно ребенка,
Няичить ее и хохочетъ сама.
Жилъ тамъ дьячекъ, одержимый запоемъ,
Драву съ дѣтьми поднимавшій чуть свѣтъ.
(Звали его почему-то всѣ Ноемъ,
А мальчугановъ: Симъ, Хамъ, Гафетъ)
Тутъ и французика уголь былъ рядомъ:
Всѣ о томъ знали, зналъ тоже и я,
Что приглашался таперомъ онъ на домъ,
Но неизбѣжнѣ смѣны бѣды,
Утромъ, на кухнѣ, подъ хохотъ мальчишекъ,
Самъ занимался онъ стиркой манишекъ.

Только возможные въ жизни столицъ,
Были еще обитатели разные,
Чужки, салоны какія-то грязные,

Нѣсколько женскихъ, измученныхъ лицъ.
Съ тяжелой одышкою, еле дышавшая,
Тамъ повивальная бабка жила,
Два раза въ годъ постоянно рожавшая.
Трудолюбивый, какъ лѣтомъ пчела,
Жилъ тамъ студентъ факультета восточнаго:
Въ будни зубрилъ онъ китайскій языкъ,
Въ праздникъ же громко, до часа полночнаго,
Канты духовные пѣтъ лишь привнѣтъ.

Многихъ узнать мнѣ пришлось повороче.
Разъ, простудившись, спать рано я легъ,
Вдругъ,—это около было полночи,—
Слышу, что дробнуль у двери замокъ.
— „Можно войти?“ — Отворяю.— „Войдите!“
Рослый и черный почти, какъ арабъ,
Гость мой влетѣлъ не безъ ухорской прити:
— „Я—вашъ сосѣдъ, такъ сказать, эскулапъ.
Слышу—больны вы... Такъ къ чорту все барство!..
Безъ церемоній... Да, пульсъ нехорошъ...
Жаръ есть... Позвольте... пропишемъ лекарство...
Тутъ и бумаги у васъ не найдешь...
Не безпокойтесь... нашелъ — и рецепты
Самый спасительный вамъ настрочу.
Въ нашей наукѣ, признаться, я скептикъ
И по особой методѣ лечу.“

Гость былъ въ туфляхъ, архалукъ на распаху...
Бто ты? я думалъ: пьянчуга, или плутъ?

Онъ же съ рецептомъ мнѣ подалъ бумажку:
— „Вѣрное средство прописано тутъ:
Сахаръ песочный... корица... гвоздика,
Рома бутылка,—пожалуй, лафитъ...
Что на меня вы такъ смотрите дико?
Это лекарство васъ, вижу, дивить?
Впрочемъ, у насъ тутъ есть хересъ отличный...
Можетъ глинтвейнъ замѣнить онъ вполне...
Выпьемъ-же виѣстъ... Скажите-ка мнѣ,
Вы вѣдь не противъ повинности личной?“

Послѣ визита полночнаго вскорѣ,
Дней черезъ пять, вечеромъ
Говоръ и шумъ раздались въ корридорѣ.
Тутъ же узналъ я, что ночью, тайкомъ
Врачъ-самозванецъ изъ номера скрылся;
Слесарь, по зову хозяйки, явился,
Дверь отворилъ безъ ключа
И въ опустѣвшей квартирѣ врача
Не оказалось простынь, одѣяла,
Зеркала старой хозяйки, шандала
И занавѣски цвѣтной, наконецъ.
Все это взялъ съ собой виѣстъ жилецъ
И, къ довершенью скандала,
Углемъ на бѣлой стѣнѣ написалъ
Строки безстыдныя эти:

„Вещи, которыя взялъ,

„Я возвращу на томъ свѣтѣ...“

ГЛАВА II.

ТЕМНЫЕ ЛЮДИ.

Въ комнатѣ тѣсной, подъ литерой Вѣди,
Рядомъ со мной проживали сосѣди,
Двое супруговъ и двое дѣтей.
Мужъ, настоящій по виду жокей,
Франтъ, дворянинъ никогда неслужившій,
Шапку съ кокардой зачѣмъ-то носившій,
Быль одаренъ отвратительной той
Наглою внѣшностью и красотой,
Бредять которыми всѣ старушонки
Съ пылкою кровью... За мискою жонки
Мастеръ онъ былъ разсказать анекдотъ,
Новую сплетней потѣшить народъ,
Съ маленькимъ теноромъ пѣлъ не безъ чувства
И, наконецъ, постигалъ онъ искусство
(Типъ лишь возможный въ столицѣ одной)
Существовать и съ дѣтьми и съ женой,
Средствъ не имѣя, безъ службы и дѣла,
Утромъ еще не увѣренный смѣло—
Будеть имѣть онъ возможность, или нѣтъ,
Чтобъ приготовить семейству обѣдъ.

Какъ они жили и чѣмъ они жили, —
Разные толки объ этомъ ходили,
Правды, однако, не могъ я узнать,
Только въ теченіи года разъ пять
Ихъ обстоятельства рѣзко мѣнялись.
То они чаемъ единымъ питались,
Верхнее платье, бѣлье подъ закладъ
Шло за обѣдъ для голодныхъ ребятъ,
И продавались послѣднія тряпки,
То на браслеты и модныя шляпки
Сыпались деньги у нихъ день-деньской,
И нанималась квартира въ Морской
Въ нѣсколько комнатъ, съ швейцаромъ, съ каминомъ,
Но, по невѣдомымъ міру причинамъ,
Смотришь — чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь
(Ужъ такова къ перемѣнамъ любовь!)
Въ прежнюю комнатку въ пятомъ этажѣ
Переселились... История все та же:
Та же нужда стережетъ ихъ порогъ,
Платье и вещи идутъ подъ залогъ,
Охаетъ мать, ребятишки въ коклюшѣ,
Только родитель ихъ, бьющій баклуши,
Не унываетъ: проснется въ обѣдъ
И, напѣвая французскій куплетъ,

То грань-пасьянсомъ отъ скуки займется,
То къ полицейскому мосту пройдетъ,

То, заложивши послѣдній бурнусъ
Бѣдной жены, онъ закрутитъ свой усь,

Въ клубъ торопясь: отыгаться, моль, надо!
И завершаетъ свой день въ Эльдorado.

Въ этой четѣ,—я дивился не разъ,—
Барская спѣсь съ нищетою ужилась;

Драные локти и гоноръ вельможи...
Мужъ и жена были въ этомъ похожи.

Дѣтямъ бы нуженъ иной разъ бульонъ, —
Съ балу привозить дюшесы имъ онъ;

Въ блузѣ единственной, грязной, измятой,
Бредитъ супруга роднею богатой,

Хочетъ внушить всѣмъ кредиторамъ страхъ
Напоминаемъ о знатныхъ связяхъ;

То нѣтъ копейки послать за углями,
То у супруги пальто съ соболями

Вдругъ появляется на день-другой;
Мужъ промышляетъ бекешъ дорогой;

Оба, при самой малѣйшей удачѣ,
Даже съ прислугой толкуютъ иначе

И у обоихъ является блажь
Переселиться опять въ бельэтажъ.

И ихъ засталъ въ положеніи жалкомъ....
Съ ранняго дня нѣтъ конца переналимамъ:
Лавочникъ, прачка, разносчикъ грозятъ,
Гонятъ хозяйка съ квартиры назадъ,
Дровъ не даетъ, не чѣмъ вытопить печей,
Дѣти сидятъ цѣлый вечеръ безъ свѣчки,
Бѣдная женщина сходить съ ума:
Мужу грозить долговая тюрьма,
Иль роковая дорога къ острогу.
Чѣмъ онъ покончить—извѣстно лишь Богу,
Только угадывать страшно впередъ
Темную участь подобныхъ господъ.

ГЛАВА III.

ДВА ПОРТРЕТА.

(РАЗСКАЗЪ НОВАГО СОСЕДА).

— „Можетъ быть, господа,
Я сужу несомнѣнно безпристрастно,
Но подчасъ подвернется такая бѣда,
Что становится очень опасно
Разрѣшать, кто виновенъ, кто нѣтъ:
Словно въ лѣсъ попадаешь дремучій...
Разскажу для примѣра вамъ случай,
Хоть прошло уже нѣсколько лѣтъ,

Какъ случилась исторія эта,
Но о ней говорить я безъ слезъ не могу.
Вотъ висятъ на стѣнѣ два портрета:
Этотъ юноша,—право, не лгу,—
Мнѣ былъ сына родного дороже,
Росъ почти на глазахъ у меня,
А она-то, голубка моя...
Вы взгляните въ черты, о, мой Боже!..
Какъ живая съ портрета глядитъ.
Хороша вѣдь, не такъ-ли? Бывало,
Взглянетъ, точно рублемъ подарить,
И меня, старика, умилила.
Хоть за связь ихъ, на первыхъ порахъ —
(Съ нимъ она, господа, не вѣнчалась) —
Я не рѣдко испытывалъ страхъ,
Но потомъ даже мнѣ такъ казалось,
Что простится ей грѣхъ въ небесахъ
За побѣгъ отъ жестокаго мужа...
Ктожъ предвидѣлъ, что выпадетъ хуже
Доля ей?.. Но, позвольте, для васъ
Непонятенъ пока мой рассказъ.
Дѣло въ томъ, что мой Саша (всегда я
Звать его такъ привыкъ).
Въ школѣ былъ лучше всѣхъ ученикъ,
А по службѣ пепель — возбуждая
Отъ начальства одѣ похвалы.
Видный, ушникъ, любимецъ коллегъ,
Онъ вошелъ скоро въ общество въ моду,
А отъ женщинъ не зналъ и проходу

Огорчалъ онъ меня глубоко,
Что смотрѣлъ такъ на женщинъ легко:
Поиграеть, пошутить и—баста!..
Съ нимъ за это я ссорился часто,
Упрекалъ его съ горечью... Чтѣжь!
Что посвѣшь, то самъ и пожнешь.

Какъ-то изъ виду Саша мой скрылся,
Дни проходятъ. Гдѣ, думаю, онъ?
Жду, подожду... Наконецъ онъ явился:
— „Милый мой! Я теперь измѣнился“.
Обнимая, вричитъ: „я влюбленъ,
Я живу не одинъ..“ „Ты женился?“
— „Нѣтъ, нельзя.. она замужемъ.. Ну,
Колебаться мнѣ было нелѣпо:
Мужъ—палачъ, просто извергъ.... Жену
Вывать долженъ былъ я изъ вертепа,
Бросилъ прежнюю жизнь, кутежи,
Женщинъ всѣхъ... я отвѣкъ отъ разврата.
А она-то, мой милый, она-то!..
Хочешь видѣть ее?“ —Покажи..

Мы отравились. Вѣрилъ я мало,
Признаюсь, перемѣнѣ такой!
Страхъ, предчувствіе, что-ли, мнѣ сзало.
Сердце вдругъ, лишь рукою
Я въ звонку на подвѣздѣ коснулся.
Входимъ мы. Не хочу вспоминать
Встрѣчи той, но минутъ черезъ мать

Я, на старости, чуть не рехнулся:
Такъ Луиза понравилась мнѣ.
Я не мастеръ на всё описанья,
Но предъ вами портретъ на стѣнѣ:
Полюбуйтесь: точь вточь — изваянье!
Въ этихъ истинно дивныхъ чертахъ
Грусть какая-то вѣчно бродила,
Только въ сжатыхъ губахъ, да въ глазахъ
Проявлялась желѣзная сила
Твердой воли...

Безъ малаго годъ

Счастье этихъ людей продолжалось.
Саша, вѣтренникъ прежній и мотъ,
Сталъ другимъ человѣкомъ, казалось;
Волокита и бывшій игрокъ,
Если сидеть, подчасъ, за картишки,
То играть всегда на мелокъ.
Дома — весело... музыка, книжки,
Поцалуи, любовь, да цвѣты...
Въ чью бы душу сомнѣнье запало,
Что надъ домою прекрасной четы,
Словно туча, несчастье всплывало?..
Оба — я и Луиза — весной
Замѣчать стали первыя тучки.
Саша сдѣлался словно шальной:
То ворчить, то цѣлуетъ ей ручки,
То, какъ камень, молчить, и предлогъ

Чаще сталъ находить для отлучки:
По три дня пропадалъ онъ... Суди его Богъ,
Но замѣтить мнѣ было не трудно,
Что несчастной голубки любовь
Онъ ногами топталъ безразсудно,
Зажилъ прежнею жизнью вновь.

Обо всемъ и она догадалась,
Поняла, что со счастьемъ прощалась,
Но молчала, безъ жалобъ и слезъ:
Только брови сдвигались хмуро,
Да въ глазахъ замѣчать мнѣ пришлось.
Вспышки молній... Такая натура
Въ этой жемчужинѣ странной была:
Если разъ она счастье нашла,
То за счастье такое готова
Жизнь сгубить—и свою и другого.

Разошлись они. Словно вчера
Совершилась послѣдняя наша
Встрѣча въ мирѣ. Сюда въ номера,
Гдѣ живу я теперь, переѣхалъ и Саша.
Я его и корилъ и хулилъ,
У негожь нѣтъ другаго отвѣта:
„Я-ль виновенъ, что я разлюбилъ?“
Какъ вамъ нравится логика эта?
Жилъ онъ въ комнатѣ рядомъ со мной,
Но съ нимъ очень я рѣдко встрѣчался:

Такъ поступокъ его показался
Гадкимъ мнѣ. Лишь съ Луизой одной,
По привычкѣ, я часто видался.
Ни полслова о немъ никогда
Не сказала она въ разговорѣ;
Что въ душѣ ея было, — вражда,
Или гордое, тайное горе, —

Угадать я не могъ

До ужасной минуты послѣдней.
Какъ-то вечеромъ, поздно, въ передней
У себя я услышалъ звонокъ:

— „Васъ зовутъ, сударь, въ номеръ сосѣдній..“

Мнѣ сказали: — „Но кто же зоветъ?“

— „Тамъ какая-то барыня ждетъ...“

Бровь мнѣ въ голову хлынула снизу,

Только отперъ я ближнюю дверь:

Возлѣ Саши нашелъ я Луизу.

Онъ сидѣлъ — (помню я и теперь) —

На диванѣ, въ углу, полулежа,

Какъ довольный собой человекъ,

А она, на себя не похожа,

И блѣдна, точно на полѣ снѣгъ,

Неподвижно и молча стояла.

— „Я ждала васъ“, она мнѣ сказала:

„Вы должны, какъ и онъ, все узнать.“

И пусть Богъ насъ обоихъ разсудить.

Я къ нему обратилась, какъ мать,

Мать ребенка, котораго будетъ

*

Онъ отцомъ, — и на это отецъ
Только смѣхомъ однимъ отозвался“.
(Онъ при этомъ опять засмѣялся.)
— „Скоро-ль этому будетъ конецъ?“
— „Скоро-ль? а, ты его дожидался?!“
Такъ уми-же со мной ты, подлець!“
И въ рукавѣ у Луизы сверкнуло

Пистолетное дуло.

Грануль выстрѣль, другой; впопыхахъ
Отвратить это страшное дѣло
Не успѣлъ я: въ дыму, въ трехъ шагахъ
Отъ себя я увидѣлъ два тѣла.
Въ тужъ минуту народъ набѣжалъ;
Полицейскіе, докторъ явился:
Сама мертвый, убитъ на поваль,
Тихо на полъ съ дивана скатился,
Получивши ужасный урокъ;
А несчастная женщина въ бокъ
Нанесла себѣ рану, но все-же
Жить осталась. Была бы дороже
Смерть для жертвы погибшей... Въ острогъ
Посадили ее, разумѣется, вскорѣ;
На вопросахъ во всемъ сознавалась она
Механически какъ-то и тупо, полна
Безъисходнаго, мрачнаго горя.

Съ нетерпѣньемъ я ждалъ дня суда,
Ждали многіе — случай былъ рѣдкій;

Сердце билось, какъ птичка подь сѣткой,
У меня въ ту минуту, когда
Очутился въ судебной я залѣ
И пробрался къ колонкѣ впередъ.
Вдругъ—смотрю—взволновался народъ;
Общій попотъ... всѣ съ мѣстъ привставали:
То ввели подсудимую. Сабли сверкали...
О, тогда я едва не заплакалъ навзрыдь
За печальную участь людей двухъ любимыхъ:

Вотъ одна—на сѣмьѣ подсудимыхъ,
А другой—на кладбищѣ зарытъ!

Ко всему безучастна, блѣдна и вся въ черномъ,
И со взглядомъ недвижно-упорнымъ,
Устремленнымъ куда-то, Богъ вѣсть,
Подсудимая сѣла. Не могъ я прочесть
Въ этомъ образѣ, тихо покорномъ,
Ничего, кромѣ скорби... Казалось, что лечь
Ей въ могилу не страшно...

Защитника рѣчь

Въ положеньяхъ блестящихъ, отважныхъ
Развивалась межъ тѣмъ и росла,
Но, признаться, для многихъ присяжныхъ
Не совсѣмъ-то понятна была:
На подборъ современныя фразы,
Ограниченныя, точно алмазы,
Только не было въ нихъ простоты,
Задушевности, той теплоты,

Что невольное за сердце хватаетъ
И суровую думу смирять.

Кончилъ рѣчь, наконецъ, адвокатъ
И умолкъ. Долго судъ совѣщался
И вернулся съ рѣшеньемъ назадъ.
Стихло все... Приговоръ состоялся:
„Семь лѣтъ каторги“...

Вдругъ

Вздохъ глухой и едва уловимый
Пролетѣлъ электрически вдругъ:
Лишь въ лицѣ у одной подсудимой
И рѣсницы не дрогнули. Взоръ
Неподвиженъ... улыбка печали:
Словно не ей прочитали

На судѣ приговоръ.

Да, убійство—ужасное слово!..
Судьи правы, но правы и мы,
Если мы не осудимъ сурово
Эту грѣшницу... Свѣта и тьмы,
Зла съ добромъ роковое смѣшенье
Есть, я думаю, въ каждомъ изъ насъ...
Но еще не оконченъ рассказъ:
Нужно знать вамъ его заключенье.
Осужденная жить не могла,
Какъ другіе; одно ей осталось:
Черезъ мѣсяць она помѣшалась

И въ острогѣ въ родахъ умерла.
Такъ погибли напрасно двѣ силы,
Дорогія и близкія мнѣ;
Лишь остались отъ нихъ двѣ могилы,
Да портреты на этой стѣнѣ.

СМѢХЪ. МЕМЕЗИДЫ.

Зимняя сказка.

I.

Для историковъ-педаговъ,
Бъ общиѣ выводаѣ несклонныхъ,
И на жизнь людей смотрящихъ
Черезъ стекла микроскопа,

Мой рассказъ казаться можетъ
Историческою ложью,
А съ художественной правдой
Голова ихъ незнакома.

О, читатели! скорѣе
Эту правду вы поймете,
Чѣмъ Устряловъ и Щербальскій
И другіе корифеи

Исторической рутинны,
Отвергающіе, вѣрно,

Даже самое название
Этой повѣсти... Богъ съ ними!..

Ихъ невѣдѣнье завидно;
Имъ невѣдомо, счастливымъ,
Что надъ каждой ихъ страницей
Раздаются приговоры
Этой самой Немезиды,
Имъ незримой, но слѣдящей,
Строже всѣхъ цензуръ на свѣтѣ,
За работой ихъ архивной.

Мой сюжетъ такъ грандіозенъ,
Что бросая стиль вульгарный,
Избираю для поэмы
Я ритмическую прозу.

Эту прозу предлагаю
Я ввести въ употребленье
Вмѣсто тѣхъ произведеній,
Что зовутъ у насъ „стихами“

И печатаютъ ихъ въ „Нивѣ“
Иль въ „Зарѣ“, гдѣ каждый опытъ
Недозрѣлыхъ виршенлетовъ
За „поэзію“ считаютъ.

За возвышенную тему
Я берусь не унывая,
Не страшась, что не по силамъ
Будетъ мнѣ такое дѣло.

Если Майковъ пишетъ стансы,
Если Страховъ — критикъ нынче,
И творить памфлеты Стасовъ,
То въ чему робѣть я буду?

Не къ лицу печати нашей
Скромность, — это всѣмъ извѣстно;
Такъ и намъ съ тобой, о, Муза,
Робость вовсе не пристала.

II.

Начинаю. Въ бѣломъ свѣтѣ,
Невидимкою, какъ призракъ
Человѣческаго счастья,
Бродить странница. Сурово

Смотрятъ пламенныя очи,
Но въ лицѣ надменно-гордомъ
Рѣзкость линій исчезаетъ
Отъ глубокаго страданья,

Выдаваемого часто
То проявляемъ, то слезами...
Даже ты, ты, Немезида,
Научилась въ мѣрѣ плавать!

Вѣрьте мнѣ, или не вѣрьте,
Самъ я видѣлъ эти слезы;

Самъ я видѣлъ, какъ печально
Проходила Немезида, —

То въ блестящихъ нашихъ залахъ,
То по улицамъ богатымъ,
То среди людей забытыхъ,
Въ мѣрѣ нищенства и горя.

Много лѣтъ она блуждала,
Избирая для прогулокъ
Полутемные кварталы,
И изъ свѣтлато жилища

Торопилась къ тѣмъ пріютамъ,
Гдѣ нужда живетъ безсмѣнно,
Гдѣ свободой называютъ
Переряженное рабство,

Гдѣ голодные безумцы,
Вмѣсто хлѣба, получаютъ
Камни моднаго фразерства
Просвѣщенныхъ филантроповъ,

И духовной этой пищей
Увлекаются, какъ дѣти,
Оловянною гремушкой...
Много лѣтъ среди народа

Немезида изучала
Человѣческое сердце
И два чувства въ ней боролись:
Жалость къ бѣдному народу

И невольное презрѣнье
Ко всеобщему безсилью,
Къ эпидеміи безумства .
Въ дѣтство впавшихъ великановъ.

Годъ за годомъ, шагъ за шагомъ
Убѣждалась Немезида,
Что народъ—больной ребенокъ,
Не желающій лечиться;

Хоть имѣть онъ лекарство
Постоянно подъ руками...
И рѣшилась Немезида
Заглянуть въ иную сферу,

Въ тѣ жилища сильныхъ міра,
Гдѣ владычество земное
Приносить должно же счастье
Тѣмъ избраникамъ фортуны,

Чьи слова—законъ для массы,
Въ чьихъ рукахъ—судьба народовъ...
Таеъ, задавшись новой цѣлью,
Въ путь пустилась Немезида.

III.

По Версалю въ темный вечеръ
Наша странница проходить,
Но прекраснаго Версаля
Не узнала Немезида.

Этотъ городъ нынче занятъ
Прусской главною квартирой;
Вкругъ штыки одни мелькають,
Да уланскіе мундиры.

Въ этомъ городѣ, во имя
Просвѣщенья и „единства“,
Замышляютъ истребленье
Цѣлой націи великой.

Въ этомъ городѣ повсюду
Караульные дозоры;
За любимъ версальцемъ ходять
По четыреста шпионовъ,

А въ Версалѣ между гражданъ
Ходить страшное извѣстье:
Осажденному Парижу
Три недѣли перемирья

Дорогой цѣной достались—
Весь Парижъ сложилъ оружье,
Форты заняты врагами
И столица вся въ смятеньи.

Между тѣмъ, въ своихъ покояхъ
Спитъ въ Версалѣ грозный канцлеръ,
А надъ нимъ, у изголовья,
Наклонилась Немезида.

Канцлеръ спитъ, по сонъ тревоженъ,
Чутокъ сонъ, какъ у Макбета:

Въ ночь ему богиня славы
Снится въ траурѣ глубокомъ;
Снится, что она надѣла
На него вѣнокъ лавровый,
Но вѣнокъ былъ смоченъ кровью
Двухъ народовъ разоренныхъ;
Снится гордому министру,
Что возстали изъ могилы
Сонмы воиновъ нѣмецкихъ,
А изъ Пруссіи печальной
Прилетаютъ въ смутныхъ грезахъ
Стонъ вдовъ, сиротъ несчастныхъ,
И германскаго героя
Сонъ становится тревоженъ.
Предъ собой во снѣ онъ видитъ
Призракъ женщины прекрасной,
Оскорбляемой, голодной...
Это — націй Ниобея,
Это Франція — тотъ призракъ.
Сонъ становится тревожешъ...
И во снѣ онъ будто слышитъ,
Что къ Версалю изъ Парижа
Снова ядра прилетаютъ,
Какъ чугуныя проклятыя
Резиденціи всемірной...
Канцлеръ съ ложа быстро вспрянулъ,

Сновидѣніемъ изученъ.
Ночи тьма, ему ужасна...
И, довольная впервые,
Засмѣялась Немезида.

IV.

Ночь надъ замкомъ Вильгельмсгее
Распустила свѣжнѣй пологъ
И на стекла мерзлыхъ оконъ
Сыплеть иней серебристый.

Въ этомъ замкѣ въ свѣтломъ залѣ,
Одинокій и угрюмый,
Ходить плѣнникъ, наводившій
Прежде страхъ на всю Европу,
Ходить тихими шагами
И съ прошедшимъ сводить счеты,
Вспоминая съ озлобленьемъ
Объ утраченномъ величьи.

Передъ нимъ воспоминанья
Вереницами проходятъ:
Видитъ онъ передъ собою
Тюльерійскій дворъ нарядный,
Видитъ маршаловъ съ войсками
Гордой гвардіи французской
И блестящія побѣды
При Маджентѣ и Ментанѣ...

Вспоминает дряхлый плѣнникъ
Тюльерійскіе обѣды,
Гдѣ за трапезой деспота,
Какъ насмѣшка надъ свободой,

Раздавалась марсельеза,
Заговоры сочинялись,
Поддеупались депутаты,
А въ народѣ развивалась

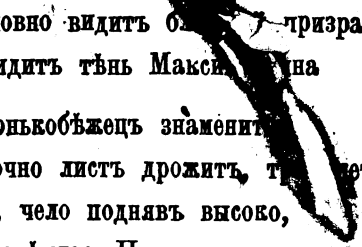
Вѣра въ войско, въ митральезы
И въ шашку непобѣдимость...
Гдѣ жъ теперь вся эта слава?
Кто теперь герой Седана?

Приживалка грозныхъ нѣмцевъ,
Узурпаторъ, жалкій шулеръ
Политической арены,
Арлекиномъ ставшій Цезарь.

Опозоренное имя
Тюльерійскаго фигляра
Вызываетъ стыдъ и ужасъ
Обезчещенныхъ имъ галловъ.

Ходить молча дряхлый плѣнникъ...
Что грозить ему въ грядущемъ?
Онъ, со страхомъ озираясь,
Тѣни собственной боится;

И въ глубокихъ амбразурахъ
Оконъ замка Вильгельмсага

Словно видеть образ призракъ,
Видитъ тѣнь Максима на
Вонькобъжець знаменитъ
Точно листъ дрожить, тѣнь...
И, чело поднявъ высоко,
Засмѣялась Немезида.

V.

Въ старомъ лондонскомъ отелѣ,
Позабитая льстецами,
День и ночь одна проводитъ
Рыжекудрая графиня,
Та надменная испанка,
Что когда-то раздѣляла
Тронъ съ Люи-Наполеономъ.
То графиня Монтихо.

Утро. Лондонъ весь задуванъ
Дымомъ фабрикъ и туманомъ.
Въ спальнѣ маленькой сидѣла
Одинокая царица

Передъ грудой старыхъ писемъ,
Грустно ихъ перебирая,
И невидимую гостью
Предъ собой не замѣчала.

Обращались эти письма
Въ факты, въ образы живые
И, дразня воспоминанья —
Предъ Евгеніей вставали,
Лучшихъ дней. вставали тѣни:
Клерикаловъ раболѣпство,
Дворъ ханжей, толпа влюбленныхъ
И придворныхъ лстивый ропоть;
Празднства въ стѣнахъ Стамбула
Съ фантастическимъ отгѣнкомъ
И блестящая поѣздка
По Суэзскому каналу.
И чѣмъ ярче выплывали
Предъ графиней одинокой
Тѣни прошлаго величья,
Тѣмъ печальнѣй становилась
Оскорбленная испанка
И въ слезахъ припоминала,
Нитки четокъ обрывая,
Какъ бѣжала изъ Парижа,
Не имѣя смѣны платья,
Свитой брошена, спасаясь,
Какъ любая куртизанка
Въ грязномъ, уличномъ фіакрѣ...
И Евгения шептала:
„Если мужъ мой самозванецъ,

То спаси, меня, мой Боже,
Отъ судьбы Маріи Мнишевъ!..“

И мерещелись теперь ей
Голоса парижской черни,
Разъяренной, безощадной —
И Евгенія дрожала,

Шевеля едва губами:
„О, спаси, Maria Santa!..“
И, невидимая гостья,
Немезида засмѣялась.

VI.

По Женевѣ черезъ площадь
Мчится скромная карета:
Сквозь приподнятыя стекла
Шляпка женская мелькнула.

Немезида неведимкой
Проскользнула въ дверь кареты,
И усѣлась скромно рядомъ
Съ королевой Изабеллой,

На лицѣ ея усталомъ
Мысли тайны читая...
Были грустны эти мысли
У замчатной королевы;

Власть, запачканная кровью
Многихъ подданныхъ, не смѣетъ
Ужь мечтать о прежнемъ тронѣ
Для себя, для сына даже;

Всѣмъ испанцамъ ненавистны
Мать и сынъ, и это знаетъ
Королева Изабела.

— „Влескъ, могущество, корона

Бриліанты и Марфори —
Все потеряно на вѣки!
Все потеряно!“ Такъ грустно
Королева разсуждала,

Въ глубину кареты прячась,
Чтобы скрыть свои рыданья,
И, увидя эти слезы,
Немезида засмѣялась.

VII.

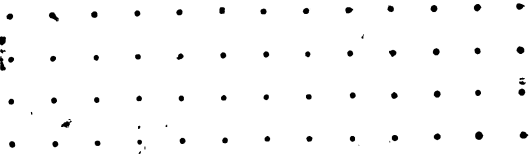
Подъ швейцарскимъ тѣмъ же небомъ
Графъ Шамборъ живетъ въ Женевѣ.
Позабывъ о туалетѣ
И ногтей не чистя даже,

Онъ сидитъ передъ каминомъ
И, задумавшись о скиптрѣ
Милой Франціи, щипцами
Коесь ворочаетъ въ каминѣ.

Онъ печаленъ. Немезида
Всѣ его читаетъ думы;
Графъ Шамборъ не прочь бы править
„Добрый городомъ Парижемъ“,
Но напрасны всѣ усилья!
О себѣ напоминая
Парижанамъ, онъ безъ пользы
О своей любви къ отчизнѣ
Заавлялъ во всѣхъ газетахъ;
Безполезно толковалъ онъ
О своемъ происхожденьи:
Городъ Клодвига, Клотильды,
Городъ Карла, Женевьевы
И Людовика святаго
Не зоветъ къ себѣ на царство
Графа славнаго Шамбора...
Недогадливыхъ французовъ
Не крушить его изгнанье,
Не крушить, что, вмѣсто скинтра,
Кочергу въ рукахъ онъ держитъ,
Чтобъ сгребать въ каминѣ угли...)
Графъ Шамборъ три дня не брился,
И, взглянувши на Шамбора,
Немезида засмѣялась.

VIII.

. . . . .
. . . . .

IX.

Въ Баденъ-Баденѣ съ террасы
Смотритъ блѣдный незнакомецъ,
Всѣмъ чужой; лишь Немезидѣ
Самъ его извѣстенъ прежній,

Немезида въ немъ узнала
Тотчасъ Франциска Второго.
Королемъ онъ былъ когда-то
Для Неаполя, теперь же

И черты его портрета
Позабыты всѣми стали.
Незамѣченный онъ ходитъ
И прохожій ни единый

Шляпы снять предъ нимъ не хочетъ...
Но когда Иванъ Тургеневъ,
Появившись на террасѣ,
На него взглянулъ въ лорнетку

И ему не поклонился,
То не могъ слезы невольной
Скрыть король, а Немезида
Отошла и засмѣялась.

Х.

Немезида въ Ватиканѣ.

Ночью въ тайное собранье

Созвалъ старыхъ кардиналовъ

Графъ Мастаи-де-Феретти,

(Ній IX назывался

Такъ, когда еще не былъ папой), —

Чтобъ рѣшить, что надо дѣлать

Для спасенья града Рима.

Долго, долго Ній IX

Говорилъ передъ собраньемъ,

Что весь шаръ земной погибнетъ,

Если Викторъ-Эммануиль

Вѣчный городъ не оставитъ,

Гдѣ единый только папа,

Обладая свѣтской властью,

Можетъ царствовать, какъ прежде;

Долго, долго Ній IX

Устрашалъ весь міръ проклятьемъ,

Если рабски не признаетъ

Міръ его непогрѣшимость.

И хотя при этой рѣчи

Порывалось засмѣяться

Все собранье кардиналовъ

И улыбка шевелилась

На лицѣ у папы даже,
Но приличье сохраняя,
Съ строгимъ видомъ все стояли
И въ концѣ сказали: "Амен!"

Амен!" Только Немезида
Смѣха скрыть была не въ силахъ
И ея громовнй хохотъ
Раздался по Ватикану.

Покойники.

Новогодняя фантазія.

I.

Покойники!.. На городскомъ владбищѣ
Есть скромный рядъ намъ дорогихъ могилъ
Послѣднее, безмолвное жилище
Могучихъ и убитыхъ рано силъ,
Но слава ихъ, нетлѣнная и чище
Сіянія полуночныхъ свѣтилъ,
Живеть въ молвѣ и будетъ жить въ насъ
Какъ грезы объ утраченной свободѣ.
Хоть нѣтъ вѣнковъ на скромныхъ ихъ вѣкахъ
Какъ на забытомъ гробѣ пилигрима,
Хоть женщины, съ улыбкой на устахъ,
Другимъ неся цвѣты, проходятъ мимо,
Но въ многихъ молодыхъ еще сердцахъ
Воспоминаніе о нихъ неутомимо
Лелѣется и думы шевелить:
Для мысли нѣтъ могилъ и хладныхъ плитъ.
Исходить свѣтъ для будущей науки
Изъ мертвыхъ буквъ упорныхъ ихъ трудовъ,

Плодовъ безсонницъ, горечи и муки,
И пѣсни ихъ подъ каждый бѣдный кровъ
Внесли свои пророческіе звуки,
И дороги напѣвы чудныхъ строфъ
Для юноши съ горячимъ взглядомъ львенка
И въ темнорусыхъ локонахъ ребенка.

Такъ пусть на ихъ могильную траву
Насыпала зима свои сугробы,
Крестъ сломанный валяется во рву,
Какъ памятникъ небрежности иль злобы,
Но мертвыми я ихъ не назову:
Здѣсь прахъ одинъ, разрушенные гробы,
Но пѣсни ихъ, труды и писмена
Не позабудетъ цѣлая страна...
И покойниковъ здѣсь мы въ гробахъ скоронили:
Покойники сами себя пережили—
Въ могилѣ.

II.

Дальше... Мы въ свѣтломъ жилищѣ.
Въ немъ въ могильныхъ крестовъ,
Но для земныхъ червяковъ
Много найдется въ немъ пищи:
Въ этомъ жилищѣ готовъ
Видѣть я тоже кладбище.

Пышный, но мрачный, какъ гробъ,
Залъ освѣщенъ былъ огнями.

Гости бродили тѣнями...
Лысиной иль сѣдинами
Каждый увѣчанъ былъ лобъ.
Дивія мнѣнья и толки
Старыхъ, отжившихъ глушцовъ,
Злобныхъ, какъ осенью волки,
Слушалъ я, какъ мертвецовъ,
Ночью возставшихъ изъ гроба
И посѣтившихъ банкеты....
Милыхъ покойниковъ злоба!
Намъ-ли ты сдѣлаешь вредъ?..
Я любовался на группу
Этихъ развалинъ живыхъ,
Мумій ходячихъ... Изъ нихъ
Каждый подобенъ сталъ трупу:
Мертвый и желтый, какъ воскъ,
Дряхлый какъ самъ предрасудокъ, —
Въ немъ не работаетъ мозгъ
И не варить ужъ желудокъ

Женщинъ побольше, вина!..
Плате ненужное сбросьте,
Чтобъ не была такъ сильна
Буря ихъ старческой злости,
Свѣжей гирляндой вѣнковъ
Лысины ихъ накрывайте,
Съ оргій во гробъ провожайте
Этихъ живыхъ мертвецовъ.
Иль вакханалій не надо?

Чу! вотъ чиновный монголь
Выступилъ съ словомъ изъ ряда;
Длинную рѣчь ретрограда
Слушаетъ жадно весь столъ...
Спичъ изъ проклятій, одышки,
Кашля, оборванныхъ словъ:
„Спенсеръ... безчинство... мальчишки“..
Вызвалъ изъ разныхъ угловъ
Крики и—дрогнули стѣбла,
Столъ ходуномъ заходилъ:

Каждый старикъ походилъ
На сѣверу Дамокла...

Нѣтъ предѣла угрозамъ задорнымъ,—
Вдругъ... никто не видалъ,
Какъ вошла въ свѣтлый залъ

Чья-то тѣнь невидимкой, вся въ черномъ.
Серебристыя косы спадали назадъ,
А глаза... такъ печаленъ былъ гордый ихъ взглядъ,
Словно цѣлаго свѣта страданья
Отражали въ себѣ, но черты
Были холодны, какъ изваянье
Непонятной для насъ красоты.

Тѣнь явилась, какъ смерти нежданной видѣнье,
Но никто не замѣтилъ ея появленья,
Только мнѣ она сдѣлала жестъ:
„Отойди и смотри въ сторонѣ“!..

• И у старцевъ на каждой спинѣ
Начертила рукой бѣлый крестъ

И сказала, схвативши бокаль на столѣ:

„Въ новый годъ я явилась на пирь

„Хоронить въ ихъ лицѣ отживающій мирь,

„Обреченный давно ужь землѣ...

„Новый годъ ровно въ полночь придетъ...

„Новый годъ—это новыя силы,

„Новой мысли широкой полеть,

„Но покойниковъ полночь зоветь

„На покой, въ ихъ могилы,

Въ Новый Годъ..

„Полно жъ злобствовать въ жизни и охать,

„И на бархатѣ мягкихъ подушекъ

„Возбуждать задремавшую похоть

„На продажной груди потаскушекъ...

„Новый годъ веселить только слухъ,

„Слухъ твой, юноша, жизнь начинающій:

„Новый годъ—обновленія духъ,

„А для васъ и для дряхлыхъ старухъ

„Новый годъ—есть полночный пѣтухъ,

„Вамъ о смерти одной возвѣщающій...

Бой полночныхъ часовъ перервалъ тѣ слова,

Но умолкъ онъ едва —

Призракъ смерти косою замахнулся

И...

Я поднялъ глаза и—проснулся.

ДВѢ СОБАКИ.

Сказка.

(Изъ Роберта Борнса).

Есть небольшой шотландскій островокъ,
Носящій короля стариннаго названье
(О Койлѣ-королѣ еще живетъ преданье).
Быль ясный лѣтній день, прошелъ полудня срокъ,
Когда два пса до дому пробирались
И на пути случайно повстрѣчались.

Одинъ изъ нихъ вельможи сытый песъ,
Для барскаго живущій развлеченья,
По кличѣ — Цезарь быль. Онъ гордо хвостъ свой несъ
И каждый смѣло дѣлалъ заключенье,
Смотря на складъ его отъ головы до ногъ,
Что онъ шотландскою собакой быть не могъ,
А родился далеко очень гдѣ-то.

На немъ ошейникъ мѣдный быль надѣтъ
Съ замкомъ и буквами: то лучшая примѣта,
Что онъ ученъ и знаетъ жизнь и свѣтъ.
Породистый и статный, онъ, однако,

Не чванился породой дорогой:
Съ нимъ поболтать могла часокъ-другой

Забитая цыганская собака.

На рынкѣ-иль у мельницы, подчасъ,
Увидя, что бѣжить дворняжка-собачонка,
Привѣтствуя ее, начнетъ онъ лаять звонко
И съ нею болтовню заводитъ каждый разъ.

Другой же песъ, веселый, умный, рыжий,
Принадлежалъ крестьянину давно
И жилъ съ нимъ, словно съ другомъ, за одно,
Служа ему забавой и охраной.

Собаку эту Лютомъ всѣ зовуть:
Еи хозяинъ Богъ вѣсть, почему-то,
Еи нѣкогда придумалъ кличку Люта.

Понятливый, проворный, вѣрный Лють
Скакалъ чрезъ рвы и разныя преграды,
Все понималъ, едва ему мигнуть,
И Люту всѣ въ деревнѣ были рады,
Мохнатая, волнистая спина
У пса была блестяща и черна,
Грудь бѣлая, и тонкой шерсти пряди
Его хвоста вились красиво сзади.

Другъ друга намъ любилъ, и о томъ,
Что въ мирѣ удавалось имъ пронюхать,
Потолковать минуточку одну хоть,
Помахивая весело хвостомъ,

Они любили также; но уныло
Они сошлись теперь и видно было,
Что у друзей не радость на умѣ
(Они устали; время шло къ обѣду).
И вотъ, усѣвшись рядою на холмѣ,
Они о людяхъ начали бесѣду.

Цезарь.

Дивился я не разъ, любезный Лють,
Тому, какъ пси, тебѣ подобныя живутъ
И, роскошь испытавъ, вздыхаю иногда я,
За вашей горькой долей наблюдая.
Нашъ лордъ, тебѣ извѣстно, какъ живетъ,
Въ довольствѣ и теплѣ, что вздумалъ — ѣсть и пить,
По колокольчику бѣжить къ нему прислуга,
Захочетъ — встать, захочетъ — спать онъ легъ,
И золотомъ всегда наполненъ туго
Его, какъ хвостъ мой, длинный кошелекъ.
За разною страпней, печеньемъ и вареньемъ
Хлопочутъ повара у насъ всегда.
Сперва за столъ садятся господа,
Потомъ вся челядь ѣсть съ остервенѣньемъ
Господскіе обѣдки; даже тотъ,
Нашъ конюхъ, запаршивѣвшій уродъ,
Обѣдаетъ сытнѣй, чѣмъ фермеръ всякій.
Чтожъ до того, что ѣсть и пить бѣднякъ
Въ убогой хижинѣ — я не пойму никакъ...
Гораздо лучше даже быть собакой.

лють.

Да, Цезарь, нашъ несчастный селянинъ,
Ворочая камнями для плотинъ,
Копая рвы, работою тяжелой
Не разгибая до ночи спины,
Хлѣбъ черствый добываетъ для жены
И для семьи несчастной, полуголой.
Всѣхъ надобно обути и приодѣть,
Отъ скудной платы какъ сберечь излишекъ?
Когда жъ ему случится заболѣть,
Богъ вѣдаетъ, чѣмъ накормить мальчишекъ,
Базалось бы, имъ тутъ и околѣть,
Но видно—ихъ судьба хранить на свѣтѣ:
Ростутъ и здоровѣютъ эти дѣти.

ЦЕЗАРЬ.

За то въ какомъ пренебреженъ вы!..
Подумай: тѣхъ, кто дѣлаетъ плотины,
На нивѣ хлѣбъ растить, копаетъ рвы—
Считаютъ ихъ презрѣннѣе скотины!.
Гнушаются всѣ бѣднымъ мужикомъ,
Какъ я—какимъ нибудь вонючимъ барсукомъ.
Вд мнѣ все сердце кровью обливалось,
Когда, порой, мнѣ слышать удавалось,
Какъ фермеровъ несчастныхъ поносишь
Нашъ управляющій: ногами въ землю билъ,
Имущества послѣдняго лишалъ ихъ.

7

И бѣдняговъ измученныхъ, усталыхъ,
Запуганныхъ—видъ безнадеженъ былъ.
Богачъ живетъ, ничѣмъ не озабоченъ,
А бѣдные, скажи, несчастны очень?

ЛЮТЬ.

Да, но не такъ, какъ думаешь, другъ, ты,
Жизнь не легка для нихъ отъ нищеты,
Но такъ они привыкли къ ней, что мало
Она пугать и устрашать ихъ стала.
Имъ улыбается и счастье иногда,
Когда спины хоть день имъ гнуть не надо:
Вѣдь послѣ безконечнаго труда
Досуга часъ—есть лучшая отрада.
Въ концѣ рабочаго и трудового дня
Семья и дѣти—вотъ ихъ утѣшенье:
Имъ дорога малютка болтовня,
Они за кружкой пива въ воскресенье
Толкуютъ о дѣлахъ своей страны,
О томъ, что новые налоги быть должны,
Хотя и такъ конца нѣтъ всѣмъ налогамъ...
Такъ съ дружествомъ бѣдняки бесѣдуютъ о многомъ.
Когда жъ настанетъ осень, за серпы
Брестьянинъ честный весело берется
И звонко смѣхъ веселый раздается,
И сыплются остроты изъ толпы.
Любовь и жизнь!.. Невзгоды всѣ забыты...

Когда жъ настанетъ ночь подъ новнй годъ,
Запрутъ крестьяне двери у воротъ:
— „Жена! скорѣ пива намъ неси ты...“
Кричатъ мужа, и трубки ихъ дымать,
И старики о прошломъ говорятъ,
И слышенъ хохотъ доброй молодежи,
Такъ что я самъ развеселяюсь тоже
И лаямъ отвѣчаю на ихъ смѣхъ.
Но все жъ ты правъ, — скрывать мнѣ для чего же? —
Нерѣдко съ обѣднякомъ случается тотъ грѣхъ,
Что онъ до тла приходитъ въ разоренье,
И расхищаетъ все его имѣнье
Пройдоха, негодяй какой-нибудь,
Чтобъ этимъ проложить скорѣйшій путь
Къ вельможѣ именитому, пригрѣться
И въ душу заплести къ нему уземъ,
Чтобъ въ парламентъ англійскій жотомъ
Для блага всей Британіи втереться.

ЦЕЗАРЬ.

Ну, нѣтъ, мой другъ, ты въ этомъ не силенъ.
О благѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи.
Прихвостникъ сильныхъ лордовъ, можетъ онъ
Мѣнять свой взглядъ при каждой новой встрѣчѣ.
Онъ шляется по гульбищамъ, вутитъ,
Заклады держитъ, пьянствуетъ въ кредитъ,
Безъ пошлости не дѣлаетъ ни шагу.

Иль отправляется через Кале или Гагу
Свѣтъ посмотре́ть—въ Парижъ или Мадридъ,
Проматывать отцовскія имѣнья,
На бой быковъ взглянуть для развлечения,
Испанецъ на гитарѣ побренчать,
Въ Венеціи въ гондолѣ прокатиться
И силу водъ нѣмецкихъ испытать,
Чтобъ, разжирѣвъ, въ отчизну воротиться,
Чтобъ смѣть съ себя лобзаній вашихъ слѣдъ,
Италіи прекрасныя сеньеры...
О благѣ Англій не говори же,—нѣтъ,
Не отъ такихъ людей ей ожидать опоры:
Они ея несчастье и позоръ...

лють.

Таеъ вотъ на что мотають съ давнихъ поръ.
Свои доходы эти щельперы!
Таеъ вотъ куда идутъ тѣ мѣдныя гроши,
Оторванные прямо отъ души
Голодныхъ бѣдняковъ!..

Безпутныя столицы!..

Ужели жизнь спокойная въ глуши,
Гдѣ пышныя не мчатся колесницы,
Скучнѣе жизни бѣшеныхъ столицъ?..
Средь поселянъ есть много честныхъ лицъ
И бьется сердце честное въ ихъ груди:
Что за бѣда, что въ зиму эти люди

Порубать лѣсъ хозяйскій иногда,
Подстрѣлить зайца, — экая бѣда! —
Иль надъ любовницею владельца посмѣются...
Но расскажи мнѣ, Цезарь, какъ живутъ
Богатые? Имъ неизвѣстенъ трудъ,
Отъ холода счастливица не трасутся...
Чай, горе имъ не снится и во снѣ?

ЦЕЗАРЬ.

Ну, нѣтъ, мой другъ. Когда бъ, подобно мнѣ,
Ты ихъ узналъ, ты думалъ бы иначе.
Они не мерзнутъ въ холодъ словно влячи,
Работою не надрываютъ спинь
И доживаютъ мирно до сѣдинь,
Но люди ужъ такъ глупы отъ рожденья:
Ихъ хоть воспитывай и вздумай обучать,
Они, не видя бѣдъ, начнутъ скучать,
Иль сами для себя придумаютъ мученья,
Иль станутъ другъ на друга нападать,
Тѣмъ больше одержимые тоскою,
Чѣмъ менѣе для жалобъ есть причинъ...
Окончивши работу за сохою,
Въ семью спѣшитъ довольный селянинъ;
Красавица, сидящая за пралкой,
Хочетъ весело, осиливъ трудъ денной, —
Но у господъ и барынь всѣхъ иной
Удѣлъ въ довольствѣ, въ жизни праздно-жалкой.

Они слоняются безъ цѣли цѣлый день,
Усталые,—имъ жить и думать лѣнь,
Они болны болѣзнію особой—
Тоскою, перемѣшанной со злобой,
Ихъ сонъ тяжелъ, ихъ вѣчная хандра,—
На всѣ балы, собранья, вечера,
Гдѣ роскошь, блескъ и волны аромата,
Бредеть за ними нынче, какъ вчера,
Всегда, вездѣ... И въ оргіяхъ разврата
Стараются спастись отъ тоски
И юноши, и даже старики,
Отъ грязныхъ ласкъ и отъ вина пьянѣя.
А утромъ жизнь еще для нихъ пошлѣе.
Разряженныхъ красавицъ ходить рядъ...
О чемъ онѣ, однако, говорятъ?
Для нихъ нѣтъ клеветы, нѣтъ сплетни неприличной,
И съ любопытствомъ, съ жадностью обычной
Онѣ скандалы ловятъ на лету,
А по ночамъ со взглядомъ воспаленнымъ
Азартную игру ведутъ на чистоту,
Въ ущербъ своимъ помѣстьямъ разореннымъ,
На карту ставя фермера гумно,
И горо бѣдняка развратницамъ смѣшно.
Конечно, не во всѣхъ такое возвращенье,
Есть исключенія; но я скажу одно,
Что очень рѣдки эти исключенья.

* * *

Но солнце ужъ спустилось за горой
И сумерки росли на небосклонѣ;
Жуеъ зажуужжалъ вечернею порой
И замычали жалобно въ загонѣ
Усталыя коровы. Небеса
Синѣли, стали звѣзды разгораться...
Тогда, встряхнувши шерстью, оба пса
Съ мѣстъ поднялись, готовые сознаться,
Что человѣкъ несчастнѣе собакъ,
И разошлись, но порѣшили такъ,
Чтобы на дняхъ имъ снова увидаться.

П О Т О П Ъ.

ПОЭМА

Альфреда де-Виньи.

(Посвящ. М. К. Гайю).

I.

Земля еще не потеряла
Той первобытной чистоты,
Когда впервые съ высоты
Над нею солнце засіяло
Улыбкой розоваго дня, —
И формы первыя храня
Царила дѣвственно природа...
Ничѣмъ не могъ смущаться взоръ;
Подъ облаками небосвода
Терялись выси грозныхъ горъ,
И ровной цѣпью ихъ громады
Тянулись стройно безъ преграды.
Лѣса, какъ пышныя сады,
Въ долинахъ высились мѣстами
И ихъ душистые плоды

Мѣшались съ дикими цвѣтами.
Не стѣснены въ своемъ руслѣ
Бѣжали рѣки прямо въ море,
Гдѣ подъ водой, какъ въ хрусталѣ,
Родился жемчугъ на просторѣ.
Все говорило на землѣ,
Въ своихъ законахъ неизмѣнной,
О дѣтствѣ міра и вселенной,
О первородной красотѣ,—
Но люди были ужь не тѣ.

* * *

До срока націи созрѣли
И отъ разврата одряхлѣли.
Родъ человѣческой лишь могъ,
На свѣтѣ радости не зналъ,
Богохула и проклиная,
Благословлять одинъ порокъ.
Являлась ранняя кручина
Въ морицахъ царственнаго лба;
Равно тяжка была судьба
И для раба, и властелина,
Въ грязи влачившаго свой санъ.
У тридцати различныхъ странъ
Ужь были собственныя битвы,
Свои пророки и молитвы,
Свое величье и свой гнетъ,
И не одинъ уже народъ

Ии́лъ свои воспомина́нья,
И на могилахъ мертвецовъ.
Пѣлъ про великія дѣянья
Почившихъ дѣдовъ и отцовъ.
Смерть въ мірѣ властвовала смѣло,
Коснѣлъ въ грѣхахъ усталый свѣтъ,
Несчастье міра тяготѣло
Не надъ людьми одними... Нѣтъ!..
Иныя высшія созданья
Сходили въ міръ съ людьми дѣлать
Земное счастье и страданье,
И не однажды, можетъ быть,
Видали смертную. Младенецъ
Съ прекрасной матерью игралъ
И ангель, неба поселенецъ,
Младенца сыномъ называлъ.
Земли несчастной преступленья
Дошли до неба, наконецъ,
И взоръ тоски и отверженья
Отвелъ отъ міра самъ Творецъ.

* * *

На небѣ ночь. Заря заката
Потухла медленно вдали,
А по уступамъ Арарата,
Всходя къ вершинѣ, тихо шли
Пастухъ и дѣвушка. Какъ дѣти,
Они одни на бѣломъ свѣтѣ,

Подобно первенцамъ земли,
Сердцеъ невинностьъ сберегли.
Они росли свободно оба
Въ пещерахъ горъ, въ лѣсной глуши;
Мірекая ложь, мірская злоба
Не осеврили ихъ души.
Прекрасны, какъ созданья юга,
Обнявши съ нѣжностью другъ друга,
Они безмолвно шли впередъ.
Казалось, будто бы съ высотъ
Они на небо уносились,
На небо, гдѣ они родились.
И если бы на ихъ челѣ
Печати не было страданья,
Ихъ приковавшаго къ землѣ,
То эти чистыя созданья
Могли казаться въ вѣкъ чудесъ
Для развратившагося края
Двумя видѣньями изъ рая,
На сроеъ сошедшими съ небесъ.

* * *

Вершины грозной Арарата
Они достигли... Ночь прошла,
Но подъ горой еще была
Окрестность сумракомъ объята,
Влѣднѣли звѣзды въ небесахъ,
Къ востоку бѣгъ свой направляли

И постепенно исчезали
Въ кровавыхъ солнечныхъ лучахъ,
Земль бросая взглядъ печальный,
Какъ будто жаль имъ повидать
Всѣхъ тѣхъ, кто могъ свой жребій дальній
По ихъ мерцанью угадать.
Надъ лѣсомъ, медленно всплывая,
Явилось солнце и потокъ
Сіянья хлынулъ и, пылая,
Пожаромъ вспыхнулъ весь востокъ...
Земля дремавшая проснулась,
При блескѣ солнца встрепенулась,
Какъ бы его благодаря
За то, что новая заря
Ей нѣжнымъ свѣтомъ улыбнулась, —
А тамъ, надъ массой темныхъ горъ,
Гдѣ къ небу ихъ вздымались кручи,
Свинцовыя нависли тучи,
Закрывъ отъ глазъ небесъ просторъ,
И словно молча угрожали
Зловѣщей бурей землѣ,
И въ ихъ нѣмой, недвижной мглѣ.
Какъ змѣи, молніи сверкали.
Бружились птицы въ вышинѣ,
Въ ихъ пѣсняхъ жалоба звучала:
Что міру горе угрожало,
Какъ будто поняли онѣ.

* * *

Катилось солнце. День багровый
Въ поляхъ разсвѣля мракъ суровый.
Но если бѣ люди той порой
Внизу ходили подъ горой,
То стоя на ея вершинѣ
Не разглядѣлъ бы ихъ въ долинѣ
И самый зоркій, острый взглядъ:
Такъ былъ высокъ тотъ Араратъ.
Казались точками въ пустынѣ
Съ горы большіе города,
И рѣки тонкими штрихами
Вдали терялись безъ слѣда.

* * *

И на горѣ подъ облаками,
Гдѣ воздухъ чистъ и ясенъ былъ,
Обнявъ сестру свою руками,
Пастухъ съ подругой говорилъ,
Любуясь дѣтски божьимъ міромъ,
И вмѣстѣ съ голубымъ эфиромъ
Ихъ молодые голоса
Неслись, казалось, въ небеса:

* * *

— „Смотри, какъ жизнь кругомъ прекрасна!
Какъ хороша еще земля
И какъ надъ нами небо ясно!
Смотри, цвѣтутъ еще поля!..

Хоть день еще по горнымъ скатамъ,
Буда доносить вѣтерокъ
Ихъ запахъ съ солнечнымъ закатомъ,
Ты насладись ихъ ароматомъ,
Моя подруга, мой цвѣтокъ!
Поля свои благоуханья
Несутъ Творцу, какъ фидамъ,
И улета къ небесамъ
Какъ будто просятъ состраданья
Землѣ, которой такъ нужна
Любовь разгнѣваннаго Бога...
Но участь міра рѣшена...
Чу! уже громъ грохочетъ строго,
Чтобъ понялъ осужденный свѣтъ,
Что для него пощады нѣтъ,
И тучи, словно привидѣнья,
Встанутъ, чтобъ волю Провидѣнья
Исполнить...

Но, взгляни, мой другъ:

Еще свѣтло пока вернутъ.
На грудь ко мнѣ, моя подруга,
Склони голову безъ испуга,
Усни, какъ птичка въ бурю спать,
И дальній громъ пусть не страшитъ
Тебя раскатомъ отдаленнымъ.
Когда жъ надъ міромъ обновленнымъ
Заблещетъ вновь небесный сводъ
И солнце вѣчное взойдетъ,

То разбужу тебя тогда я...
И ты, подруга молодая,
Съ улыбкой взглянешь послѣ сна
На небосклонъ безъ тучи жмурей...

Своей головкой бѣлокурой
Скленилась къ юношѣ она.
Вдали царилъ тишина,
Казалось, все внизу дремало,
Лишь только молнія одна
Въ недвижномъ воздухѣ сверкала...

* * *

— „Всему конецъ!“ Прощался вслухъ
Съ землей торжественно пастухъ:
„Всему конецъ! Ты, міръ несчастный,
Прости! Родныя небеса
И горы родины прекрасной,
Луга, пещеры и лѣса,
И ты, оазисъ благодатный,
Гдѣ находилъ я ароматный
Всегда тѣнистый уголокъ —
Прости, прости! Послѣдній срокъ
Переживаютъ люди въ свѣтѣ
И завтра безпощадный рокъ
На нашей проклятой планетѣ
Все истребить — и съ высоты

Въ пустыню солнце взглянуть прямо...
Не отъ меча погибнешь ты,
Потомство жалкое Адама,
Не отъ болѣзней, нищеты,
Не отъ душевныхъ потрясеній,
Нѣтъ, родъ людской, узнай свой стыдъ:
Тебя стихія побѣдитъ
Не торопясь, какъ злой твой геній;
Твоя земля подъ массой водъ
Погибнетъ, тихо утопая,
И уже ангелъ не найдетъ
Земли, надъ бездною пролетая.
Надъ міромъ ночи тишина
Смѣняться будетъ днемъ безмолвнымъ
И не утрамъ въ величьи полномъ
Безъ пользы солнце станетъ жечь
Гладь мертвыхъ водъ, горя въ эфирѣ,
И человѣческая рѣчь
Не прозвучитъ ужъ въ цѣломъ мірѣ..
О, для чего я изучилъ
Пути таинственныхъ свѣтилъ,
Науку темную пустыни?
Зачѣмъ, зачѣмъ дано мнѣ нынѣ
Всезнаеве вѣщихъ пастуховъ?
Зачѣмъ понятно мнѣ теченье
Полночныхъ звѣздъ и ихъ значенье?
Я, стоя выше облаковъ,
Еще вчера съ горы высокой,

О, звѣзды! полночью глубокой
Смотрѣлъ на васъ, чтобъ вы могли
О близкой участи земли
Мнѣ рассказать, и неизмѣнный
И вѣчный путь вашъ надъ вселенной
Запомятая, я слѣдилъ
На горныхъ высяхъ и откосахъ,
И на пескѣ потомъ чертилъ
Вашъ слѣдъ пастушескій мой носохъ.“

* * *

„Въ ту ночь безсонную ко мнѣ
Явился ангель. Свѣтъ струился
Съ его чела и въ тишинѣ
Онъ надо мною наклонился
И горько плакалъ и съ тоской
Мнѣ говорилъ: „Зачѣмъ въ могилѣ
„Съ твоею матерью покой
„Не раздѣлили я?... Какъ любили
„Другъ друга мы!.. но вѣчный Богъ
„Мнѣ той любви простить не могъ:
„Я согрѣшилъ и былъ наказанъ...
„А та, что жизнь тебѣ дала,
„Къ которой я былъ такъ привязанъ,
„Взята могилою была.
„Мой Эмануиль!.. Имя это
„Ношу и я... Творца мировъ
„Передъ грядущей карой свѣта

„Я умоляю, чтобъ Саваоѣ
„Спасъ, пощадилъ тебя... Иди ты
„На Араратъ, мой бѣдный сынъ,
„И тамъ молись, молись одинъ,
„Не отвращай отъ неба взора
„И позабудь про мѣръ земной,
„Гдѣ все должно погибнуть скоро.
„Законъ небесъ—законъ иной:
„Тамъ, гдѣ караетъ Провидѣнье,
„Безсильно наше сожалѣнье.
„У неба договора нѣтъ
„Съ людьми и быть его не можетъ:
„Тотъ, кто изъ праха создалъ свѣтъ,
„Свѣтъ этотъ въ прахъ и уничтожитъ.
„Иди. Когда Творецъ небесъ
„Моею тронется мольбою,
„Тогда приду я за тобою“ ...
И ангелъ отъ меня исчезъ.
Я зарыдалъ отъ горькой вѣсти
И вотъ взошелъ на Араратъ,
Но не одинъ, а съ Сарой „вмѣстѣ“ ...

— „О, Эммануилъ, милый братъ!“

Сказала Сара: „Ты дороже,
Ты ближе мнѣ, чѣмъ прежде, сталь;
Твоя судьба съ моей похожа:
Ко мнѣ явился смертный тоже.

„Я—Ноя сынъ“, онъ мнѣ сказалъ:
„И называюсь Иафетомъ.
„Будь мнѣ женою. Въ мѣрѣ этомъ
„Погибнетъ завтра родъ людской, —
„О карѣ той узналъ давно я, —
„И лишь одно семейство Ноя
„Избѣгнетъ смерти“... Но рукой
Махнула я, и безъ отвѣта
Ушла къ тебѣ отъ Иафета.“

* * *

Темнѣе стали небеса,
Пронесся дальній гулъ въ долину,
И на заоблачной вершинѣ
Слились въ молитву голоса
Четы невинно-простодушной...
Недвижно-мертвъ былъ воздухъ душный...
Вотъ грянулъ громъ—грозы пророкъ,
Но слышны были съ Арарата,
Подъ гулъ громоваго раската,
Ихъ голоса: „Суди насъ Богъ!..“

II.

Миръ дрогнулъ. Въ ужасу всѣхъ странъ,
Избрали рѣки путь обратный.
Пронесся гулъ невѣроятный,
Нообъяснимый, непонятный,

И вотъ явился океанъ,
Непобѣдимый, необъятный.
Гигантъ влобоцущій бѣжалъ,
Базнь мировую совершая,
Все безошадно сокрушая,
Что на пути своемъ встрѣчалъ.
Лѣса и рощи рвалъ въ долины,
И побѣдителемъ въ пустыни
Ревѣлъ его могучій валъ,
И какъ трофей за собою,
Трофей, взятые имъ съ бою,
Влачилъ обломки городовъ,
Дворцовъ и храмовъ и судовъ.
Вотъ онъ, бичъ грозный и надменный,
На мигъ разбѣгъ свой удержалъ:
Его какъ будто забавлялъ
Хаосъ и ужасъ всей вселенной,
И вновь, все руша и губя,
Онъ мчался въ бѣшенствѣ жестокомъ
И сокрушительнымъ потокомъ
Бросалъ обломки вокругъ себя.

* * *

Звѣрей невиданныя кости
И береговъ далекихъ гости
Являлись въ чуждыхъ имъ мѣстахъ.
Гдѣ была сѣверная вьга,
Въ сосновыхъ сумрачныхъ лѣсахъ

Встрѣчались кедръ и пальмы юга.
На льдинахъ смѣлая волна
Медвѣдей бѣлыхъ закосила
На дальній, знойный берегъ Нила,
Гдѣ удивляла крокодила
И нарушала сонъ слона.
Напрасно съ буйными волнами
Боролся разъяренный слонъ,
И хоботомъ огромнымъ онъ
Напрасно пальмы рвалъ съ корнями,
Но вмѣстѣ съ ними увлеченъ,
Къ иному мчался новоселью
Въ далекій край, на жаркій югъ,
Дивясь, когда нерѣдко вдругъ
Встрѣчался съ тигромъ надъ газелью.
Покинувъ нильскіе пески,
Съ тоской онъ думалъ на чужбинѣ
О тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у рѣки
Ростутъ густые тростники;
Онъ тосковалъ въ нѣмой кручинѣ
О знойномъ воздухѣ пустыни.

* * *

Невольный ужасъ испытавъ,
Всѣ звѣри дикіе теряли
Свой прирожденный хищный нравъ,
Ложились ницъ и — смерти ждали.
Напрасно къ небу со скалы,

Уже затопленной волнами,
Взлетали смѣлые орлы,
Взмахнувъ могучими крылами,
Но ливнемъ сбитые съ высотъ
Тонули въ темной безднѣ водъ.
Опасность съ тяжкою борьбою
Всѣхъ помирила межъ собою,
Всѣхъ уравниая единый страхъ...
Лишь человѣкъ не покорялся,
Лишь человѣкъ еще старался
Бороться съ гибелью въ волнахъ.
За лишній мигъ существованья
И за клочокъ сухой земли
Еще сражались корабли,
Неслись и вопли, и стenanья, —
Но выше, выше набѣгаль
Несокрушимый, бѣлый валъ,
И побѣдитель съ побѣжденнымъ
Тонули въ морѣ разъяренномъ.
И мѣсто битвы навсегда
Въ волнахъ терялось безъ слѣда.

* * *

Тогда-то новый и ужасный
Явился врагъ: то голодъ былъ.
Онъ надъ планетою несчастной
Базнь роковую довершилъ.
Въ величии зловѣщей власти.

Изъ человѣческихъ сердець
Всѣ человѣческія страсти
Онъ изгналъ... Въ голодѣ, пловець,
Съ глазами, налитыми кровью,
И съ звѣрствомъ блѣднаго лица,
Склонился жадно къ изголовью
Надъ синимъ трупомъ мертвеца.
Людей измученная раса
Кружилась въ бѣшеной борьбѣ
И человѣческаго мяса
Просили женщины себѣ.
Кощунѣ, кляня свой день рожденья,
Свой лютой гододѣ утолялъ:
Изъ жилъ ребенка въ изступленьи
Кровь еще теплую сосалъ,
И растерзать была готова
Мать—первенца, еще грудного...
Таковъ былъ мѣръ, когда сошла
На землю кара истребленья.
Одна любовь пережила
Порокъ людской и преступленья,
Одна любовь тверда была,
И съ дѣтской ясностью чела
Земли избранники не знали,
Что значить страхъ, и безъ тревогъ
Бросались въ гибельный потокъ
И въ морѣ гордо утопали.

* * *

Но Арарата высота
Еще была не залита
И надъ водою возвышалась;
Давно ужъ юная чета
На ней спасенья дождалась,
Но ангель къ дѣтямъ не слеталъ;
Лишь только вѣтеръ бушевалъ,
Громъ дальній эхо повторяло,
Да море ближе подступало.

* * *

Подъ гладью темныхъ, грозныхъ водъ
Земля глубокимъ сномъ почила:
Миръ сталъ безмолвенъ, какъ могила,
Лишь океанъ да небосводъ
Пугали грозною картиной.
Порой, лишь только надъ пучиной
Сверкали, видимы едва,
Дворцовъ верхушки золотыя,
Иплыли, словно острова,
Обломки храмовъ вѣковые.
Вотъ показались въ пѣнѣ водъ
На краткій срокъ два человекъ:
Одинъ — безжалостный деспотъ,
Позоръ царей и власти вѣка;
Другой — развратный, низкій жрецъ.
Предвидя близкій свой конецъ
Они еще вдвоемъ упрямо

Ворелись съ пропастью морской—
Одинъ—склонясь къ колоннѣ храма,
Другой—обнявъ своей рукой
Статую собственную. Оба
Тирана поняли у гроба,
Что имъ лишь развращена
Была ихъ бѣдная страна.
На пирамидѣ одинокой
Еще стоялъ другой деспотъ,
Одинъ, съ тоской своей глубокой,
И смерти ждалъ... Его народъ,
Гробницу ту соорудившій,
Сперва спасенья въ ней искалъ,
Но океана мощный валъ,
Съ лица земли могилы срывшій,
Изъ подземельевъ вырывалъ
Людей и ихъ боговъ священныхъ,
Бальзамированныхъ царей,
Въ тысячелѣтнемъ снѣ негльбныхъ,
И сфинксовъ древнихъ алтарей,—
И гордый памятникъ безумій
И произвола—опустѣлъ.
А царь къ гробницамъ мрачныхъ мужій
Отброшенъ былъ. И онъ смотрѣлъ
Передъ кончиною, въ тревогѣ,
Какъ въ мѣрѣ эти полубоги,
Отъ тлѣнья смерти спасены,
Вторую смерть узнали слова

Въ день разрушеня мірового,
Своей гробницы лишены.
Стихи гордой вѣроломство
Ихъ славу губить въ день одинъ
И каждый дерзкій властелинъ
Погибнетъ, какъ его потомство,
И люди будущихъ временъ
Не будутъ вѣдать ихъ именъ.

* * *

Вотъ, какъ блуждающій дворець,
Морской пучиной окруженный,
Ковчегъ сталъ видѣнъ наконецъ,
И властелинъ изнеможенный
Къ ковчегу руку протянулъ,
Но только на одно мгновенье:
Стыдась невольнаго движенья,
Онъ нагло на него взглянулъ
И крикнулъ: „прочь! искать спасенья
Я не хочу... Плыви туда,
Гдѣ жизнь другимъ спасать ты въ силахъ,
Гдѣ ниже горъ бѣжитъ вода,
И строй другіе города
На человѣческихъ могилахъ.
Подъ массой этихъ темныхъ водъ
Лежитъ погибшій мой народъ,
И царь его одно и то же
Съ нимъ раздѣлить желаетъ ложе.

Подъ пирамидами гнѣтъ
Народъ мой на нѣмомъ погостѣ,
Но исполиновъ этихъ кости
Потомокъ будущій найдетъ
На всякъ горѣ, среди крушеній
Потопомъ сброшенныхъ громадъ,
И эти кости пристыдятъ
Грядущій и усталый рядъ
Всѣхъ измелъчавшихъ поколѣній...“
Такъ говорилъ надменно онъ
Въ величьи царственнаго сана,
Но жгучей молніей сраженъ
Упалъ на камень и снесенъ
Былъ новымъ шкваломъ океана.

* * *

Но все еще на Араратъ
Желанный вѣстникъ не слетаетъ,
Напрасно вдругъ тревожный взглядъ
Пастухъ съ подругою бросаетъ...
А море ближе подступаетъ;
Уже почти у самыхъ ногъ
Кипитъ и прядаетъ потогъ.

* * *

Казнь совершилась. Неизмѣнно
Бругомъ царя морской просторъ,
И вси неприступныхъ горъ
Водой покрылись постепенно.

Напрасно гордое чело
Еще дымилось у волеана,
Но пламя горнаго титана
Съ пучиной спорить не могло,
И ворвались въ его жерло
Съ побѣдой волны океана.

III.

Земля исчезла подъ водой,
Не слышно воплей, криковъ, стона...
И въ мглѣ свинцовой небосклона,
Гдѣ тучи двигались грядой,
Сверкнуло солнце блескомъ алымъ,
Умчался гудъ послѣднихъ бурь
И моря яснаго лазурь
Зажглась и златомъ, и опаломъ;
Волна баюкала волну
Въ своей хрустальной колыбели;
Не нарушая тишину,
Удары грома присмирѣли
И голубой небесный сводъ
Слился съ недвижной гладью водъ.

* * *

Все стихло въ мірѣ безъ возврата.
Исчезъ людей послѣдній слѣдъ,
Но на вершинѣ Арарата

Еще былъ видѣнь силуэтъ
Дѣтей; ихъ туннки льняныя
Въ лохмотья вѣтеръ изорвалъ,
И на уступы вѣковныя
Въ нимъ валъ нерѣдко забѣгалъ.
Уже съ утра надъ ними яро
Гремѣла страшная гроза...
Почти безчувственная Сара,
Закрывъ усталые глаза,
Въ объятыхъ юноши лежала;
Онъ наклонился надъ сестрой
И со щеки его, порой,
Слеза горячая спадала.
Когда же солнце вновь взошло,
Играя радостнымъ сіяньемъ,
Она, поднявъ свое чело,
На мѣръ взглянула съ упованьемъ
И улыбнулась безъ тоски,
Надежду новую лелѣя...
Такъ распускаетъ лепестки
Подъ солнцемъ блѣдная лилея.
— „О Эммануиль! пощадить
Быть можетъ насъ Создатель въ мѣрѣ!
Смотри—вонъ въ голубомъ эфирѣ
Въ намъ голубъ съ вѣткою летить.“
— „Нѣтъ, пролетаетъ голубъ мимо.“
— „Вода уже у нашихъ ногъ.“
— „Но тамъ, на небѣ, гдѣ есть Богъ,

Ты будешь, милый другъ, хранима.“
— „Взгляни, ужъ мы стоимъ въ водѣ:
Ужель спасенья нѣтъ нигдѣ?“
— „Смотри на небо — въ немъ спасенье!
Насъ въ небѣ ждетъ соединенье.“
— „Мы гибнемъ, мы гибнемъ, о Творецъ!“
— „Прими ее ты, мой Отецъ,
Подъ сводомъ неба голубого!
Прими!...“

И было это слово
Послѣднимъ словомъ на землѣ.
И долго, долго на скалѣ
Воролся онъ еще съ волнами,
Поднявши Сару надъ собой,
Но моря бѣшеный прибой
Нахлынулъ съ новыми валами,
И надъ затопленной горой
Ужъ брата не было съ сестрой.
Вода и небо... Совершилось!...
Подъ лономъ водъ весь мѣръ исчезъ
И только радуга небесъ
Въ безбрежномъ морѣ отразилась.

ПЪСНИ, СЦЕНЫ И САТИРЫ.

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ.

На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые.

Г. Гейне.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Дикарь! Тебѣ мила свобода
Твоихъ лѣсовъ, твоихъ степей,
Но что и воля для народа,
Хоть и не носить онъ цѣпей,
Когда онъ дикъ, какъ и природа
Его пустынь... Онъ тотъ же рабъ,
Онъ рабъ невѣжества, преданья;
Онъ также немощенъ и слабъ,
Какъ и младенецъ, въ дѣлѣ знанья.
Пася въ лугахъ свои стада,
Онъ самъ пасется, словно стадо...
Скажи, ужели никогда
Мысль не влѣбла тебя туда,
Гдѣ возвышается громада
Богатыхъ фабрикъ, городовъ,

Гдѣ силой творческихъ трудовъ
За чудомъ въ мирѣ являлось чудо
Ума пытливаго; откуда
Ты не уйдешь побывши разъ?..
Тавѣ брось кибитеу кочевую
И долю предковъ вѣвовую.
Иди со мной!..

ДИКАРЬ.

А есть у васъ, —
Надѣюсь, нѣтъ — голодныхъ нищихъ?

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Да гдѣ-жъ ихъ нѣтъ! Въ иныхъ жилищахъ
Царить такая нищета,
Что страхъ смотрѣть... Но занята
Зато судьбою ихъ печальной
Наука; много дѣльныхъ книгъ
Явилось въ прессѣ соціальной.
И если-бъ каждый бѣдный вникъ —
Съ какою ревностью похвальной
Пустились всѣ о немъ писать,
То онъ благословилъ бы небо...

ДИКАРЬ.

И умерь съ голоду, безъ хлѣба,
Не зная гдѣ его достать?..

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Да, въ ничетѣ не мало зла
На всей землѣ... За то прогрессъ-то
Вездѣ каковъ! Въ Европѣ мѣста
Ты не найдешь, гдѣ-бъ не прошла
Теперь желѣзная дорога.
Въ часъ, — да и то, пожалуй, много, —
Вѣсть перешлешь ты въ Новый Свѣтъ
Къ американскому банкиру.
Каналь прорыли въ пять—шесть лѣтъ
Межъ двухъ морей, на диво міру...
Девизъ нашъ — миръ, намъ ближній — братъ;
Живемъ мы тихо, нетревозно.

ДИКАРЬ.

Такъ, значить, нѣтъ у васъ солдатъ?

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Да развѣ жить безъ нихъ возможно?
За то съ врагомъ мы въ бой пойдёмъ —
Окончимъ съ славою войну ту:
Вѣдь подъ игольчатымъ ружьемъ
Шесть-семь враговъ падеть въ минуту...
Затѣмъ, нашъ судъ правдивъ вполне,
Въ своей семьѣ не знаемъ бурь мы...

*

ДИКАРЬ.

А есть у васъ въ Европѣ тюрьмы?
Сперва отвѣть на это мнѣ.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Есть, и построевъ самыхъ прочныхъ,
Различныхъ видовъ и системъ:
Для заключеній „одиночныхъ“,
Иль такъ, чтобъ можно было всѣмъ
Сходиться вмѣстѣ арестантамъ.

ДИКАРЬ.

А ваши жены каковы?
У нѣмцевъ, чтоль, у англичанъ тамъ,
Онѣ свободны, какъ и вы?

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Онѣ у насъ свободны лично,
Хотя не дѣлать нашихъ правъ,
Что было-бъ вовсе не логично;
Но миръ веселья и забавъ
Для нихъ открытъ, и мы отлично
Женъ одѣваемъ, холимъ женъ;
Онѣ нарядны и богаты.

ДИКАРЬ.

Иди же прочь отъ дикаря ты!
Тебѣ—плохой товарищъ онъ.
Иди въ блистательнымъ жилищамъ,
Въ своимъ солдатамъ, тюрьмамъ, нищимъ,
Куй позолоченную цѣпь
Женѣ—наложницѣ, рабынѣ,
А я уйду съ вибиткой въ степь,
Я васъ свободнѣй и въ пустынѣ.

---

* * *

Когда невольно съ языка
Злость, иль проклятіе сорвется,
Ихъ прямо высказать въ лицо
Всегда кому нибудь найдется.
Когда жъ любовь со дна души
Захочетъ вырваться наружу,
Какъ подъ землей бѣгущій ключъ,
Не замерзающій и въ стужу,
Тогда, кругомъ бросая взглядъ,
Своихъ желаній устыдишься,
И вмѣсто благодатныхъ слезъ
Недобрымъ смѣхомъ разразишься.

БЕЗУМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Сознавши смутно немощь вѣка,
Какъ Диогены позднихъ лѣтъ,
Мы въ мірѣ ищемъ „человѣка.“
„Гдѣ онъ? кричимъ: кто дастъ отвѣтъ!“
Безумцы! Знайте: въ полной силѣ
Когда бы къ намъ явился онъ,
Его бь мы тотчасъ ослѣпили,
И онъ бродилъ бы, какъ Самсонъ,
Пока при общемъ осмѣяньѣ
Нашъ буйный пиръ не посѣтилъ
И распатавъ колонны зданья,
Съ собой всѣхъ насъ не схоронилъ.

Поэтъ и Гробовщикъ.

ГРОБОВЩИКЪ.

Быть можетъ—въ томъ не прекословлю —
Свела не даромъ насъ судьба
Здѣсь подъ одну и ту же кровлю;
Но мой удѣлъ—не твой. Готовлю
Я для покойниковъ гроба,
Футляръ, для нихъ довольно тѣсный,
А ты—ты дѣятель извѣстный.
Живой пѣвецъ живыхъ идей,
Ты, какъ пророкъ среди людей,
Съ грядущихъ дней сорвавъ завѣсу,
Ведешь послушную толпу
И освѣщаешь ей тропу
И къ возрожденью, и къ прогрессу.
Все оживляетъ и живить
Поэта творческая сила,
А я—червякъ могильныхъ плитъ
И мой удѣлъ—одна могила:
Я—гробовщикъ, а ты—пѣвецъ...

ПОЭТЪ.

А дѣла нашего вѣнецъ
Одинъ и тотъ же... Въ этомъ свѣтѣ,
Чтобъ въ немъ счастливыи жили дѣти,
Чтобъ запахъ гнили не убилъ
Ихъ молодыхъ и свѣжихъ силъ
Въ могучемъ, полномъ ихъ разцвѣтѣ,
Какъ ты, готовлю я гроба
Всему, что предано коснѣнью
И мысли грязному растлѣнью
И неподвижности раба;
Всему, что къ жизни ужъ не чутко,
Что просить спячки да оковъ...
Зловѣщій лепетъ предрасудка
И нетерпимость стариковъ,
Плоды новѣжества, разврата,
Цинизмъ съ соблазномъ на губахъ —
Вотъ все, что можетъ безъ возврата
Навѣкъ почить въ моихъ гробахъ.
Гробовщики съ тобой мы оба...
Мнѣ всѣхъ ихъ вдругъ не схоронить,
Но если три, четыре гроба
Удастся мнѣ имъ сволотить,
То я на ихъ счастливой тризнѣ,
Гдѣ вѣрно не увижу слезъ,
Сказалъ бы, что прогрессу жизни
Я кашлю пользы — да принесъ.

ГРОВОЩИКЪ.

Поэтъ! ты гражданинъ полезный!
Недаромъ ты волнуешь кровь...
Всегда звучитъ твой стихъ желѣзный
Любовью къ правдѣ — и любовью
Слышна въ твоёмъ негодованьи.
Твои стихи вездѣ поэтъ
Всегда отзывчивый народъ,
Въ нихъ находя свои страданья.
Въ нихъ много силы, только нѣтъ
Въ твоихъ стихахъ одной бездѣлки,
Нѣтъ одного — прости, поэтъ —
Вполнѣ старательной отдѣлки.

ПОЭТЪ.

Сегодня утромъ, гробовщикъ,
Въ тебѣ художникъ овазался,
Когда ты долго любовался
Изящнымъ гробикомъ... Старикъ!
Его готовилъ ты не къ срову:
И позументы и атласъ,
Примѣря спереди и сбоку,
Къ нему кроилъ не торопясь.
Но въ дни войны, чумы повальной,
Ты-бъ дѣлалъ рядъ простыхъ гробовъ,
Безъ позументовъ, безъ гербовъ,

И безъ отдѣлки погребальной:
Двѣ, три доски и гробъ готовъ...
Когда рѣзня идетъ въ стѣнахъ
И льется кровь въ народныхъ схваткахъ,
Постыдно думать о ножнахъ
И объ узорныхъ рукояткахъ...
Таковъ — поэтъ. Не можетъ онъ,
Движеньемъ общимъ увлеченъ,
Версификаторомъ холоднымъ
Являться въ смутные года;
Стихомъ и жгучимъ и свободнымъ
Онъ откликается тогда,
Гремитъ, какъ громъ за темной тучей
И поражаетъ цѣлый міръ
Не сладкой музыкой созвучій,
А правдой огненныхъ сатиръ.

Послѣдняя иронія.

У свѣжей насыпи кургана
Мы собрались... Снѣга кругомъ,
И блѣдно-розовымъ пятномъ
Смотрѣло солнце изъ тумана.

Въ могильный склепъ мы гробъ спесли.
И, по обычаю, въ печали,
На врышеу гроба мы бросали
Горсть свѣжей глины и земли...

Пока могила зарывалась,
Бѣднякъ! я думалъ о тебѣ:
Въ твоей нерадостной судьбѣ
Насмѣшка горькая сказалась.

И проклиналъ, и боясь
Тебя при жизни, съ наглою ложью,
Вслѣдъ за тобой съ трусливой дрожью
Клеветники бросали грязь.

Еще не стихла волчья злоба
Твоихъ враговъ, какъ ты угасъ,

И вотъ друзья тебѣ сейчасъ
Бросали грязь на крышку гроба.

Но ты ужъ спишь!.. Спать мертвымъ сномъ
Владбища снѣжная поляна,
И смотреть солнце изъ тумана
Въ мѣръ блѣдно-розовымъ пятномъ.

ЖАСУЩНЫЙ ВОПРОСЪ.

ГРАЖДАНИЪ.

Молчи, толпа!.. Твой дѣтскій ропоть
Тревожитъ мирный сонъ гражданъ.
Ужели былъ напрасно данъ
Тебѣ на свѣтъ долгій опытъ?..
Тебя, капризную толпу,
Ведемъ мы къ истинѣ, къ наукѣ
И, яркій свѣточъ взявши въ руки,
Твою житейскую трапу
Мы озаряемъ блескомъ знанья.
Среди блестящаго собранья
Мы проливаемъ много слезъ,
Слагая рѣчь за бѣдныхъ братій,
За всѣхъ, кто много перенесъ
Обидъ, гоненій и проклятій.
Твои невзгоды и тоску
Мы чтимъ въ созданіяхъ поэта
И среди земскаго совѣта
Даемъ мы мѣсто мужичу;

Всему, что сирю и убого,
Мы сострадали столько разъ
И Ломоносова дорога
Открыта каждому изъ васъ.
Чего жъ вамъ надо? Не робѣя
Вкушайте знанья сладкой соевъ:
Сплетемъ лавровый мы вѣнокъ
Для гениальнаго плебея
И—будь онъ селянинъ простой,
Предъ нимъ преклонимся мы дружно.
Чего же вамъ, безумцы, нужно?
Того-ль, чтобъ дождиеъ золотой,
Какъ манна, подалъ прямо съ неба,
Балуя праздностью народъ?
Чего-же вамъ недостаетъ?
Чего-жъ хотите?..

толпа.

Хлѣба! Хлѣба!..

ВѢЧНАЯ НЕВѢСТА.

Молода, безсмертна, какъ природа,
Какъ невѣста, сходить въ міръ свобода.
Передъ ней, благовѣрно-тихъ,
Міръ не разъ склонялся, какъ женихъ,
И не разъ межъ нихъ—землѣ казалось—
Обрученъ тайна совершалась,
И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ
Близокъ былъ божественный союзъ.
На челѣ богини новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный,—
Но при видѣ брачнаго вѣнца
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица,
И съ себя роняя покрывало
Каждый разъ невѣста исчезала...
И до нынѣ сходить въ міръ она,
Цѣломудріемъ своимъ защищена,
Оставаясь вѣчно для вселенной
Недоступной, чистой и вѣчной.

ПРАЗДНИЧНАЯ ДУМА.

Христось воскресь! Я помню времена:
Мы этотъ день съ волненьемъ невозвратнымъ
Встрѣчали кружкой добраго вина
И честнымъ поцалуемъ троекратнымъ.
Пылалъ румянецъ юношескихъ лицъ,
Въ рѣчахъ срывались искренность и сила
И общее лобзанье свято было,
Какъ чистый поцалуй отроковицъ.
Но шли года. Рѣдѣлъ кружокъ нашъ тѣсный,
Жаръ юности въ друзьяхъ моихъ исчезъ
И не съ кѣмъ встрѣтить праздникъ нашъ воскресный
И не кому сказать: Христось воскресь!..

Христось воскресь! Напрасно ждать отвѣта...
Однихъ ужъ нѣтъ, другіе далеко,
Среди снѣговъ, гдѣ сѣверное лѣто
Такъ сумрачно, такъ грустно-коротко.
Къ другимъ же, измѣнившимъ намъ, собратьямъ
Я только сожалѣнье сохраню
И грязнымъ ихъ циническимъ пожатьемъ

Своей руки теперь не осверню.
Ихъ воздухъ—заразительнѣй больницы...
Скорѣй пойду я въ стѣнь иль въ темный лѣсъ,
Гдѣ пѣснями отвѣтять только птицы
На громкій мой привѣтъ: Христось воскресь!..
За всѣхъ, убитыхъ пошlostью житейской,
Ничтожныхъ честолюбцевъ, мѣдныхъ дбовъ,
За всѣхъ льстецовъ въ сѣтельной лавейской,
Забывшихъ въ грязь съ усердіемъ рабовъ
Ихъ благородной молодости грезы
И честную, какъ молодость, любовь—
• Не разъ во мнѣ вскипала гнѣвно кровь,
А на глазахъ наворачивались слезы.
Бругъ безворыстныхъ, пламенныхъ повѣсь
Погибъ въ средѣ ничтожной и развратной
И не съ кѣмъ встрѣтить праздникъ благодатный
И не кому сказать: Христось воскресь!
Какъ послѣ битвы, въ сказкѣ древней, витязь
Межъ трупами живыхъ бойцовъ искалъ,
Я звалъ своихъ: „кто живъ еще? проснитесь!“
Но мнѣ никто на зовъ не отвѣчалъ.
Лишь отъ бойцовъ, любимыхъ мной когда-то,
Въ мой уголокъ несло издадека
Шипящее проклятье ренегата
Иль купленный доносъ елветника...
Никто связей съ прошедшимъ ужъ не цѣнитъ
И недоувѣрчиво смотрю теперь вокругъ:

Цинически предасть вчерашній другъ
И женщина любимая измѣнить.
Куда зовуть наука и прогрессъ,
Никто нейдетъ... Напрасно ожиданье!..
И не кому сказать: Христось воскресъ!
И нѣтъ людей... Вкругъ — мертвое молчанье.

Но, стойте... Чу! мы слышимъ дѣтскій крикъ:
Вѣдь это наши собственныя дѣти;
Ихъ лепеть и ребяческій языкъ
Вѣщуютъ возрожденіе на свѣтѣ.
Они растутъ близъ вырытыхъ могилъ,
Они дѣтьми ужь лучше насъ по виду...
Признаемъ же всю немощъ нашихъ силъ
И по себѣ отслужимъ панихиду...
А ты, подь сводомъ сѣверныхъ небесъ
Ростущее, иное поколѣнье —
Прими въ священный праздникъ воскресенья
Мой праздничный привѣтъ: „Христось воскресъ“!

РЕНЕГАТЪ.

По недóвольной, кислой минѣ,
По безобидной воркотнѣ,
По отвращенью къ новизнѣ
Мы узнаемъ тебя допынѣ,
Крикунъ сороковыхъ годовъ!..
Когда-то, съ смѣлостью неожиданной,
Среди россійскихъ городовъ, —
Теоретически-гуманный,
Ты развивалъ передъ толпой,
Изъ первой книжки иностранной,
Либерализмъ еще туманный,
Радикализмъ еще слѣпой.
Каратель крѣпостнаго ига,
Ты рабство презиралъ тогда,
Желалъ свободнаго труда;
Ты говорилъ красно, какъ книга,
О пользѣ гласнаго суда.
Предвѣстникъ лучшаго удѣла,
Такую рѣчь бросалъ ты въ свѣтъ:
„И слово самое есть дѣло,

„Когда у всѣхъ насъ дѣла нѣтъ!..“
Глашатай будущей свободы,
Ты, въ дни печали и невзгодъ,
Сидѣлъ у моря — ждалъ погоды
И намъ указывалъ впередъ.

Но вотъ пришло иное время,
Свободнѣй стала наша рѣчь
И рабства тягостное бремя
Свалилось съ крѣпкихъ русскихъ плечъ.
Открытый судъ съ толпой „присяжныхъ“
Къ намъ перешелъ изъ чуждыхъ странъ;
Но сонмъ ораторовъ, отважныхъ
Вдругъ отошелъ на задній планъ.
Защитникъ слабыхъ, подневольныхъ,
Перемѣнивъ свой взглядъ, свой видъ,
Теперь, въ разрядѣ „недовольныхъ“,
Порядки новые бранить.
Какъ промотавшійся повѣса,
Смолкъ либеральный лицемеръ
Въ толпѣ друзей полу-прогресса,
Полу-свободы, полу-мѣръ...
Движеньемъ новымъ сбитый съ толку,
Вездѣ чужой, гдѣ нуженъ трудъ,
Борить онъ прессу въ тихомолку
И порицаетъ гласный судъ;
Изъ-за-угла и не безъ страха
Бросаетъ камни въ молодежь

И оперетки Оффенбаха

Въ немъ возбуждаютъ злости дрожь. —

За то, порой, по крайней мѣрѣ,

Отводить душу онъ: готовъ

Отхлопать руки всё въ партерѣ,

Когда дають „Говоруновъ.“

О, ренегаты! Вамъ укоровъ

Мы не пошлемъ... Казнить къ чему-жъ.

Давно разстриженныхъ фразеровъ,

Сороковыхъ годовъ вликушь!..

Ихъ гнѣвъ и старческая злоба

Уже безсильны въ наши въ дни, —

Такъ пусть у собственнаго гроба

Теперь бѣснуются они!

ПѢСНЯ

О ПРАВЫХЪ И ВИНОВАТЫХЪ.

(Посвящается А. Н. Рыбаковской).

Преданьями міра богаты,
Друзья мои, вѣрьте вы мнѣ:
Мы всё безъ вины виноваты
Иль всё мы невинны вполнѣ.
Отъ каждаго дѣда до внука
Исторія вѣчная шла—
Разврата, невѣжества, зла
И жи круговая порука.
Въ далекомъ прошедшемъ одномъ
Всѣ наши бѣды, всѣ утраты...
Иль нѣтъ виноватыхъ кругомъ,
Иль всё виноваты.

Во имя великихъ идей,
Какъ солнце сіяющихъ въ жизни,
При каждомъ проступкѣ людей
Мы ихъ предаемъ укоризнѣ,
Презрѣнью, проклятью, суду,
Мы въ гнѣвѣ своемъ лицемѣримъ
И рѣдко чужую бѣду

Бѣдою мы общемо мѣримъ.
До нынѣ еще не поймемъ
Мы, жалкимъ пристрастьемъ объаты,
Что нѣтъ виноватыхъ кругомъ
Иль—всѣ виноваты.

Виновенъ-ли тотъ, кто былъ радъ
Надъ сильнымъ рабомъ потѣшаться,
Иль тотъ, наконецъ, виновать,
Кто въ рабствѣ привыкъ унижаться?
Виновенъ ли тотъ, кто деретъ
У мертвыхъ съ кафтана заплатки,
Иль тотъ виновать, кто даетъ
Грабителямъ тайныя взятки?
Виновна-ли женщина въ томъ,
Что ласку низводитъ до платы?
Иль нѣтъ виноватыхъ кругомъ,
Иль всѣ виноваты.

Виновенъ-ли въ мукахъ больной,
А юноша въ томъ, что онъ молодъ?
Виновенъ-ли гвоздь предъ стѣной,
Что бьетъ его въ голову молотъ?
Виновенъ-ли мужъ, что скучна
Семья для него,—почему же?—
Иль ты виновата, жена,
Что любишь другаго—не мужа?
Въ смѣшеніи злобы съ добромъ,
Отъ пышнаго зданья до хаты—

Иль нѣтъ виноватыхъ кругомъ,
Иль всё виноваты.

Виновенъ-ли сятый церокъ,
По виду приличный, свободный,
Иль воръ, изломавшій замокъ,
Въ предчувствіи смерти голодной?
Виновенъ-ли нищій теперь,
Что онъ не воспитанъ, какъ баринъ,
Виновенъ-ли звѣрь, что онъ звѣрь,
Дикарь, что живетъ какъ дикарь онъ?
Печальная дума! Во мнѣ
Не можешь заснуть никогда ты:

Иль всё мы невинны вполне,
Иль всё безъ вины виноваты.

ПѢВЦУ.

Пѣвецъ! Когда желашь ты
Народной памяти въ отчизнѣ,
Пой въ этой жизни не цвѣты,
Но пой о томъ, что темно въ жизни.

Счастливымъ быть не всякій могъ.
Но въ каждомъ сердцѣ человѣка
Найдется темный уголокъ,
Гдѣ затаились слезы вѣка.

СЪ МОРСКАГО БЕРЕГА.

На морскомъ берегу я сижу
И въ туманѣ вечернемъ слѣжу,
    Какъ внизу предо мною,
Исчезая въ дали безконечной,
Убѣгаетъ волна за волною,
А у скалъ слышенъ ропотъ ихъ вѣчный.

Безпредѣльно ты, синее море!..
Но еще безпредѣльнѣй просторъ
Моря слезъ, проливаемыхъ съ горя
Человѣчествомъ съ давнихъ ужь поръ:
Въ этомъ морѣ безбрежномъ, холодномъ
Стонуть гордыя волны во мглѣ
    И по цѣлой землѣ
Разливаются стономъ народнымъ.

Холодна въ синемъ морѣ волна
И глубоки пучины морскія;
Но еще холоднѣй глубина,
Гдѣ таятся страданья людскія.

Въ синемъ морѣ, на днѣ,
Въ непробудной его тишинѣ,
Драгоцѣнные перлы скрываются;
Но житейское море темнѣй
Глубиною своей,
И пучиной его пожираются,
Словно жадною пастью чудовища,
Столько жертвъ и замученныхъ силъ,
Что въ виду ихъ могилъ
Такъ ничтожны морскія сокровища...

Поминки.

(Весенняя дума).

Мимо оконъ, все чаще весною,
Погребальные поѣзды тянутся,
А за ними печали растутъ, какъ волна за волною:
Жены мертвыхъ въ надеждахъ обманутся,
Дѣти ихъ сиротами останутся;
Сыновья, удаляясь на вѣчный покой,
Унесутъ въ гробъ съ собою мечты золотыя,
И польются, польются рѣкой
Слезы матери, слезы святыя.
И все чаще проходятъ печальные
Подъ окномъ кортежи погребальные;
У толпы городской перепуганной видъ,
Самый воздухъ способствуетъ сллину,
И все чаще и чаще могильщика заступъ стучить,
Пробивая замерзшую глину...
Но утѣшится...

Долгъ отдавъ почившимъ на печальной гризнѣ,
Похоронимъ мертвыхъ и вернемся къ жизни.

Нечего томиться намъ напраснымъ страхомъ:
Смерть неумолимо каждымъ новымъ взмахомъ

Грознаго оружья надъ толпой живущей
Расчищаетъ мѣсто юности грядущей.

Съ каждымъ новымъ взмахомъ валится въ могилу
Все, что только давить молодую силу:

Старыя преданья съ поколѣньемъ старымъ,
Дикость предрасудковъ съ самодурствомъ ярнымъ

И застои упорный, врагъ людей давнишній...
Что ни день — спадаетъ съ жизни тормазъ лишній,

Что ни день, то гибнуть грубыя понятья,
Произволь и рабство... Такъ утѣшьтеся, братья!

Рвите съ темнымъ прошлымъ роковыя нити
И свои поминки въ праздники обратите.

Заднія комнаты.

Въ домахъ купеческихъ, въ помѣщичьихъ хоромахъ,
Еъ торжественному дню крестинъ и именинъ,
Сбираясь угостить на славу всѣхъ знакомыхъ,
Преображается лѣнивый славянинъ.
Въ парадныхъ комнатахъ онъ наблюдаетъ зорко
За чистотой. Скребуть, метуть полы,
Въ парадныхъ комнатахъ съ утра идетъ уборка.
Съ старинной мебели снимается чехлы.
Изъ сундуковъ съ наслѣдными дарами
Является хрусталь, и бронза, и фарфоръ,
Покои устилаются коврами,
И съ потолоковъ причудливый узоръ
Гирляндами повисшей паутины
Снимается; изъ золоченыхъ рамъ
Свѣжѣе смотрять старыя картины.
Все для другихъ готовится...

А тамъ,

Въ тѣхъ заднихъ комнатахъ, гдѣ не бывають гости,
Гдѣ цѣлая семья и дышетъ и живетъ,
Во всѣхъ углахъ, куда свой взглядъ ни бросьте,

Нечистоту и грязь найдете круглый годъ:
Чадъ кухни, копоть, рваные диваны,
Тяжелый, спертый воздухъ съ полутьмой
И стѣны съ паутиной бахромой,
Гдѣ флегматически блуждаютъ тараканы.
Лохмотья роскоши, каеъ язвы скрытыхъ ранъ,
Здѣсь выдаютъ всю истину открыто
И шепчутъ повѣсть внутренняго быта
Въ парадныхъ комнатахъ пирующихъ славянъ.

* * *

Не тѣже-ли парадные хоромы
Напоминаетъ намъ общественный нашъ бытъ,
Который такъ обставили хитро мы
Кулисами! Все ново, все блестять,
Подмостки привѣтливо кѣ подмосткамъ,
Каеъ золото горитъ на солнцѣ мишура
И все, что насъ коробило вчера,
Стирается подъ европейскимъ лоскомъ.
Каеъ барский домъ, привѣтливый съ лица,
Кулись общественныхъ насъ тѣшить подмалева,
Но въ заднихъ комнатахъ намъ всегдѣ дышать не ловко,
Когда заглянемъ въ нихъ мы съ чернаго крыльца.

НЕПОЧАТЫЯ МѢСТА.

Нѣтъ, не въ столицѣ, не при устьѣ
Гранитомъ скованной Невы,
А тамъ, въ уѣздномъ захопустѣ
Ищите русской жизни вы.

Здѣсь европейское обличье
Скрываетъ абрисъ русскихъ лицъ,
Здѣсь всѣ годятся безъ различья
Въ граждане избранныхъ странъ;

Здѣсь всюду „принципы“ и „али“,
Протесты противъ тьмы и зла,
Здѣсь разговорами о дѣлѣ
Мы замѣняемъ всѣ дѣла

Привыкнувъ къ толкамъ бесполезнымъ
Спѣшите, сѣвъ на параходъ,
Туда, гдѣ въ городѣ уѣздномъ
Жизнь первобытная идетъ.

Тамъ до-петровская дремота
И таже вѣковая лѣнь;

Отъ прочихъ дней одна суббота
Отличена, какъ банный день.

Въ затишьѣ мертвомъ рѣчки вскрыть
Уже есть пища для ума;

Родить исправница — событие,
Падеть корова — кутерьма,

Найдеть судъ — волненья на годъ,

И разнится отъ года годъ,

По урожаю день и ягодъ

Съ чумою на рогатый скотъ.

Побудьте мѣсяцъ въ этой сферѣ,

Чтобъ не забыть о ней весь вѣкъ:

Тамъ полу-люди, полу-звѣри,

Тамъ истый русскій человѣкъ.

МИРАЖИ.

E quinci sien le nostre viste sazie.

Dante.

I.

Переживая новый періодъ,
Довольно намъ играть другъ съ другомъ въ прятки;
На все бываетъ въ мірѣ свой чередъ,
И чѣмъ глядѣть впередъ намъ безъ оглядки,
Посмотримъ съ любопытствомъ мы назадъ,
На всё явленья пройденной дороги.
Лѣтъ за десять сведемъ свои итоги
И, наблюдая жизни новый складъ,
Займемся мы, не предаваясь бреднямъ,
Своимъ десятилѣтіемъ послѣднимъ.

II.

Мы поняли въ затишьи позднихъ дней,
Что все же десять лѣтъ прошло не даромъ.
Они должны на родинѣ моей
Быть памятны всѣмъ рутинерамъ старымъ:
Отсушницамъ, развѣнчаннымъ пѣвцамъ
(Пришлось себѣ отходную пропѣть имъ),

Съ надеждами обманутыми дѣтямъ
И безъ крестьянъ оставшимся отцамъ,
Въ которыхъ всё волнегья унялись бы,
Когда бы имъ оставили ихъ избы.

III.

Гдѣжь та, гдѣ та горячая пора?
Кипѣла жизнь, являлись вокругъ таланты;
Для прессы, для журнальнаго пера
Бросали офицеры аксельбанты;
Закутавшись въ таинственный вуаль,
Являлась гласность къ намъ и, какъ диктаторъ,
Былъ всюду принятъ каждый литераторъ.
Смотрѣла съ упованьемъ юность въ даль
И, сбитая движеньемъ новымъ съ толку,
Ворчала старость только втихомолку.

IV.

Торжественно встрѣчали мы канунъ
Какой-то новой эры небывалой;
Свой вѣковѣчный, нравственный колтунъ
Мы прирывали, съ храбростью не малой,
Шумихой современныхъ звонкихъ фразъ,
Отъ либераловъ не было отбою
И, искренно довольная собою,
Какъ лучшая изъ всѣхъ живущихъ расъ,
Русь принялась, на удивленье внукамъ,
За книжки по естественнымъ наукамъ.

V.

То былъ эпидемическій куражъ
Наивной лжи, поэзія обмана,
Національной гордости миражъ;
То былъ прогрессъ танцклассовъ и канкана,
Дешевыхъ обличительныхъ статей,
Когда сѣдые даже генералы,
Спѣшили постригаться въ радикалы,
А барыни, забывъ своихъ дѣтей,
Считали дѣломъ моднымъ и веселымъ
Тасканье по воскреснымъ нашимъ школамъ.

VI.

Необходимость „женскаго труда“
Онѣ признали всѣ безъ исключенья,
Хоть сами—это, впрочемъ, не бѣда—
Сбивались на таблицѣ умноженья,
Домашній бытъ считали за ничто
И, хоть брала ужасная зѣвота,
Всѣ въ запуски читали Молешота.
Потомъ—увы!—за домино-лото
Я въ клубѣ видѣлъ ихъ и, вы поймете,
Тамъ шла ли рѣчь у нихъ о Молешотѣ?!

VII.

Какъ не похожи наши времена
На прежнія!.. А было то давно ли?

Въ быту чиновномъ каждая жена
Вдругъ приходила въ мысли: что въ неволѣ —
Что съ мужемъ жить подъ кровлею одной:
Что ничего нѣтъ хуже и печальнѣй
Владычества межъ кухней и спальней,
А потому—жена рѣшала—оба
Должны мы жить и дѣйствовать особо...

VIII.

— „Вы знаете, я съ мужемъ разошлась...“
Мнѣ разъ сказала дачная сосѣдка.
— „Что жь, онъ тираномъ, что ли, былъ для васъ?“
— „Ахъ, нѣтъ! Онъ добръ, мы ссорились такъ
рѣдко...“
— „Такъ вы его не любите?“ — „О, нѣтъ,
Онъ для меня на свѣтѣ всѣхъ дороже...“
И барыня заплакала. — „Такъ что же
Вамъ жить мѣшаетъ вмѣстѣ?“ И отвѣтъ
Все жь былъ таковъ, что нужно разойтись имъ,
Чтобъ человекъ вполнѣ былъ независимъ.

IX.

Въ тѣ дни немногихъ труженицъ я зналъ,
Но всѣ онѣ трудились скромно, тихо;
Имъ нравился въ наукѣ не скандалъ,
Съ какимъ иная модная шутиха
На лекціяхъ сидѣла развалилась,
Въ театрахъ храбро шикала актѣрамъ,

Иль всёжъ мѣшала громкимъ разговоромъ,
Въ публичной библіотекѣ являсь,
Гдѣ въ курсахъ акушерскихъ среди зала
Рисунковъ соблазнительныхъ искала.

X.

Во всемъ пересолить мы—мастера,
Такую Богъ славянамъ далъ натуру.
Вступивъ на путь прогресса и добра,
Мы бросимся сейчасъ въ карикатуру,
И всякій принципъ здравый и святой
Мы сдѣлаемъ комическимъ и пошлымъ;
Однакоже, въ томъ недалекомъ прошломъ
Съ какой-то добродушной простотой
Кичились мы въ стихахъ плохихъ и прозой
Общественной своей метаморфозой.

XI.

Гдѣ жъ та пора? Бойцы, гдѣ ваша рать?
Лежать въ пыли заброшенныя книжки;
Прижатая, жалкая печать
Обдѣлываетъ грязныя дѣлишки,
Затишье прежнее пришло само собой,
Зловѣщій штиль—въ житейскомъ мертвомъ морѣ...
Таеъ сказку старую мы пережили вскорѣ:
Опять сидитъ старуха предъ избой,
Нежданой пережвѣною убита,
А передъ ней—разбитое корыто.

КАИНЪ И АВЕЛЬ.

(Съ французскаго.)

Племя Авеля, будь сыто и одѣто,
Фен добрыя покой твой охранять;

Племя Каина, безъ пищи и безъ свѣта,
Умирай, какъ пресмыкающійся гадъ.

Племя Авеля, твоимъ счастливымъ внукамъ
Небеса цвѣтами усыпаютъ путь;

Племя Каина, твоимъ жестокимъ мучамъ
Въ мѣръ будетъ ли конецъ когда нибудь?

Племя Авеля, довольство—манной съ неба
На твое потомство будетъ нисходить;

Племя Каина, бездомное, безъ хлѣба,
Ты голодною собакой станешь быть.

Племя Авеля, сиди и грѣйся дома,
Гдѣ очагъ семейный ярко запылалъ;

Племя Каина, постель твоя—солома,
Въ стужу зимнюю дрожишь ты, какъ шаваль.

Племя Авеля, плодишься ты по свѣту,
Пѣсню счастья поютъ тебѣ съ пеленъ;

Племя Каина лишь знаетъ пѣсню эту:
Вопль дѣтей своихъ и стоны чахлыхъ женъ.

* * *

Племя Авеля! свѣтло твое былое,
Но грядущаго загадка намъ темна...

Племя Каина! Терпи, и иго злое
Грозно сбросишь ты въ инныя времена.

Племя Авеля! Слабѣя отъ разврата,
Измельчаетъ родъ твой, старчески больной...

Племя Каина! Ты встанешь—и тогда-то
Подъ твоимъ напоромъ дрогнетъ шаръ земной.

Бѣдняку.

(Изъ Бюргера.)

Пока ты можешь день-деньской
Трудиться ради пропитанья,
Стыдись, съ протянутой рукой,
Просить, какъ нищій, подавня.
Когда жъ надежды никакой
На силы нѣтъ, — безъ колебанья,
Благослова родимый край,
Ложись и молча умирай. —

ПОДРУГА ССЫЛЬНАГО:

(Изъ Барри Корнуэлла).

Пятномъ проклятья вѣчнаго съ позоромъ
Твое чело, мой другъ, заклеяно;
Останется твоимъ нѣмымъ укоромъ
Неизгладимо страшное пятно.

Твое чело съ печатью отверженья,
Но я прикрою страшную печать...
Моя любовь, мои благословенья
Тебя повсюду стануть провожать.

Въ твоей душѣ надежды нѣтъ прекрасной;
Забуть людьми, забыть родной страной,
Ты, милый мой, мой бѣдный, мой несчастный,
Ты не забудь одною только мной.

Предъ смертью тигръ склоняетъ даже шею
У милыхъ ногъ подруги прежнихъ игръ;
То какъ же мнѣ тигрицею твоею
Не быть, мой другъ, мой пораженный тигръ!...

НЕ МОЛИСЬ ЗА МЕНЯ.

Не молись за меня!.. Можетъ быть, это грѣхъ,
Но въ мольбу я не вѣрю, не вѣрю судьбѣ;
Помолись, моя милая, лучше за тѣхъ,
Кто еще не измученъ въ борьбѣ.

Помолись и за тѣхъ, въ комъ есть вѣра въ себя,
Укрѣпи ихъ въ надеждѣ, любовью возвысь...
Я любви не ищу, слишкомъ много любя...

За меня, добрый другъ, не молись.

Не молись!.. Если бъ сталъ за меня ангелъ самъ
Возносить свои гимны въ лазурную высь,
То молитвы его не дошли бъ къ небесамъ...

Такъ и ты за меня не молись...

* * *

По недвижнымъ чертамъ молодого лица,
По глазамъ, по улыбкѣ твоей не узнаешь,
Что ты, бѣдная, гордо и молча страдаешь,
Что страданью глубокому нѣтъ и конца.
Ты страдаешь втройнѣ, — только я это видѣлъ, —
За себя, за растрату погубленныхъ силъ,
За того, кто ревниво тебя ненавидѣлъ,
И потомъ за того, кто терзая любилъ.

Ненавистная дочь, ты семьей проклиналась,
Какъ жена, жизнь свою ты должна проклинать,
И какъ мать, безконечно несчастной являлась:
У тебя сына отняли, бѣдная мать!..
Но безъ слезъ и безъ жалобъ, чтобъ вызвать участие,
Вѣры въ лучшій и свѣтлый удѣлъ лишена —
И какъ дочь, и какъ мать, и жена,
Затаила въ себѣ ты всю горечь несчастья
Съ цѣломудріемъ гордой души...

Ты не бросилась въ воду въ полночной тиши,
Не искала въ развратѣ спасенья
И его золотой, обаятельный грѣхъ
На рѣсницы твои сладкихъ сновъ искушенья

Никогда не сводилъ... Ты была не изъ тѣхъ
Слабыхъ душъ, что въ могилѣ находятъ забвенью,
Иль въ безумномъ развратѣ забыться хотять,
Словно дать имъ забвенью безумный развратъ.

Нѣтъ, страдальца гордая, жить ты осталась,
Неубитая жизнью, и тѣ,

Что дивились спокойной твоей красотѣ,

Если ты между ними порою являлась —

Никогда не прочтутъ, можетъ быть,

Въ темныхъ взорахъ, глубокихъ какъ море,

Сколько муки и жгучаго горя

Ты умѣла въ себѣ затаить.

ЖЕНЩИНЪ.

Подъ гулъ трескучихъ, модныхъ фразъ,
Уставъ отъ горя и неволи,
Ты ожидала среди насъ
Какой-то лучшей, свѣтлой доли.

Въ средѣ тупыхъ и злыхъ людей
Рутины, тьмы и предрасудка—
За торжествомъ иныхъ идей
Слѣдила, женщина, ты чутко.

Мы вѣримъ въ счастье на обумъ,
Когда кругомъ не видимъ счастья...
Запуганный и робкій умъ
Повѣрилъ въ призракъ полновластья.

„Гражданскъ—мѣсто и права!“
Тебѣ кричали... Гдѣ жъ все это?
То все одни „слова, слова,“
По выраженію Гамлета.

Въ родной семьѣ у очага
И на общественной аренѣ

Свободу женщинъ, какъ врага,
Встрѣчали мы: „Цари на сценѣ,
Будь фигуранткой, грабь насъ, тѣшь
Бокетствомъ, граціей, приданымъ,
Но чтобъ права одни и тѣ жъ
Дѣлить съ мужчиной?!.. Ты жалка намъ!“
Пойми жъ теперь, кто ты для насъ,
И скрой иронию печали:
Ты—или кукла на показъ,
Иль львица въ свѣтлой, бальной залѣ,
Иль мать, скорбящая весь вѣкъ,
Жена, наложница, вакханка,
Но ты для насъ не „человѣкъ“,
Игрушка ты, а не гражданка.
На мигъ обманута судьбой,
Влачишь ты прежній жребій жалкій
Очаровательной работой,
Иль обезчещенной весталкой.

РОКОВЫЕ КОНТРАСТЫ.

(Изъ Барри Корнуэля.)

Подъ открытомъ небомъ.

Непогода и вѣтеръ. Осенняя ночь
Холодна; дождикъ съ вечера льется,
А на улицѣ въ жалкихъ лохмотьяхъ трясется,
Силясь холодъ ночной превозмочь,
Нищеты беззащитная дочь,
Одинокая, всѣми забытая,
Горемъ убитая.
Не бросаетъ никто ей участя вокругъ,
Но за ней ходить слѣдомъ единственный другъ
Темной ночью и въ вѣтеръ, и въ холодъ,
И повсюду слѣдить день-деньской.
Этотъ другъ неотвязчивый—голодъ.
Онъ могучей, вострятой рукой
Свою жертву за горло хватаетъ
И ей мрачно шептать начинается:
„Ждешь чего ты въ бесплодной борьбѣ
Съ нищетою безысходною?“

Ничего не дожидаться тебѣ:
Ты живешь и умрешь ты голодною.“

Подъ крышею.

Стонетъ вѣтеръ. Осенняя ночь холодна,
А подъ крышею въ покоѣ богатоѣ
Ночь въ веселыя проводить счастливецъ безъ сна,
Упоенный виномъ и развратомъ.
Пиръ полночный кипитъ у любимца судьбы;
Онъ безопасно съ друзьями сидитъ у камина.
По его мановенью нѣмые рабы
Льютъ гостямъ ароматныя вина.
Отъ вина развязался языкъ, и летитъ
Среди шутокъ, веселья и спора
Ночь осенняя скоро,
И хозяину съ наглостью льстятъ
Лизоблюды и домашній обжора.

Подъ открытымъ небомъ.

А она на морозѣ дрожить,
Исхудалая, стыдъ потерявшая, блѣдная...
А вѣдь были же дни: эта женщина бѣдная
Знала тоже дѣвическій стыдъ,
Знала счастье и, гордо-прекрасная,
Не краснѣла за каждый свой шагъ.
А теперь тяжела ея доля ужасная;
Эта доля: презрѣнье, безчестія мракъ,

Брань, толчки негодая развратнаго,
Вѣчный голодъ и вѣчный позоръ...
Пала въ омутъ она—и съ тѣхъ поръ
Ей назадъ не вернуть невозвратнаго...
Пышный городъ великъ и богатъ,
Но среди оживленныхъ жилищъ его
Люди женщину ту награждать
Иль проклятьемъ, иль саваномъ нищаго.
На кладбищѣ разроютъ сугробъ,
Прахъ остывшій безмолвно схоронится;
Каждый встрѣчный, нахмуривши лобъ,
Отъ могилы твоей посторонится,
И никѣмъ на сосновый твой гробъ
Ни единой слезинки не сронится...
Спи же ты подъ доской гробовой,
Жертва бѣдная міра нечистаго,
И пусть тамъ, надъ твоей головой
Этотъ міръ веселится неистово.

Подъ крышей.

А этотъ пресыщенный сибарить,
Который на подушкахъ мягкихъ спить,—
Вѣдь это онъ въ минуту роковую
Довѣрчивую дѣвушку увлекъ
И вышвырнулъ потомъ ее на мостовую
Къ ногамъ толпы на горе и порокъ.
Позоръ и ложь и клятвѣпреступленье!
Такихъ людей безъ чести и стыда

Ужель падить общественное мнѣнье?
Но загляните только вы туда,
Въ роскошный домъ.

Хоть никому не ново,
Что для того развратника большого
Ужъ ничего святого въ жизни нѣтъ,
Но шлютъ ему красавицы привѣтъ,
Его рѣчамъ съ волпеніемъ внимають,
Вокругъ его толпится рой друзей
И матери счастливцу предлагаютъ
Своихъ прекрасныхъ, чистыхъ дочерей...

РОКОВОЕ ЧИСЛО.

(Философско-наблюдательные стансы.)

Изъ всѣхъ извѣстныхъ міру чиселъ,
Являвшихся символомъ зла,
Міръ человѣческій зависѣлъ
Всегда отъ одного числа.

Его значеніе безмѣрно
Вездѣ, куда ни посмотри,
И трепещу я суевѣрно
Передъ зловѣщей цифрой—три.

Она въ исторіи всесвѣтной
Опасна въ мирѣ и войнѣ:
Республиканскій флагъ трехцвѣтный
Деспотамъ страшенъ и во снѣ.

Трехгранный штывъ, къ стыду столѣтій,
Рѣшаетъ участь цѣлыхъ странъ,
И Бонапартъ, по счету—третій,
На гибель былъ французамъ данъ;

Безъ страха не могу смотрѣть я
На роковыя смуты ихъ:
У парижанъ сословье третье—
Гроза сословіи остальныхъ.

Не даромъ мнѣнья въ Тьерѣ *) старомъ
Мѣнялись три-раза пока,
И есть у Бисмарка не даромъ
На головѣ три волоска **).

Не даромъ каждое издание
Съ трехъ разъ теряетъ свой кредитъ:
Получить третье замѣчанье—
И на полгода замолчить.

Не даромъ трижды Петръ отрекся
И горько, горько зарыдалъ;
Затѣмъ, скажу безъ парадокса:
Изъ трехъ друзей одинъ—фискаль.

Мартъ мѣсяць, третій мѣсяць года
Несетъ недуговъ всѣхъ приливъ;
Бушуютъ въ мартѣ средь народа
Холера, оспа, или тифъ...

---

*) Tiers—*третій*.

**) Три волоска на головѣ германскаго канцлера почти столько же теперь популярны, какъ нѣкогда сѣрый скюртукъ Наполеона I, зонтикъ Луи-Филиппа, или дубинка Петра Великаго.

Палачъ съ трехвосткой ненавистень;
Смѣшонъ вступившій въ третій бракъ,
И въ сказкахъ истина всѣхъ истинъ,
Что третій сынъ всегда — дуракъ.

Нѣтъ счастья у супруговъ дома,
Когда межъ ними третій сталь;
Въ „шагу учебномъ въ три приема“ —
Капральской жизни идеаль.

На цифру три такъ смотрять плохо,
Что, по завѣту старины,
Повсюду гвалтъ и суматоха
Когда три свѣчки зажжены.

Боясь тринадцатымъ куплетомъ
Своихъ читателей смутить,
Еще одинъ куплетъ три этомъ
Могу я имъ же посвятить:

Чтобъ горя въ жизни не имѣть имъ,
Во избѣжанье всякихъ бѣдъ,
Шепнулъ бы я еще о третьемъ...
Да, жалко, времени мнѣ нѣтъ.

Золото.

(Изъ Т. Гуда.)

Золото, золото, ярко блестящее,
Все покупавшее, все продававшее,
Въ наши карманы съ трудомъ попадавшее,
И изъ кармана легко уходящее!
Юношѣ ты продаешь наслажденія,
Старость беречь тебя жадно старается;
Ты достаемся цѣной преступленія:
Изъ-за тебя цѣлый миръ пресмыкается,
Грабятъ, воруютъ, въ крови обагряется...
Изъ-за корысти въ пылу изступленія
Люди другъ другу могилы готовили:
Золото! красно ты такъ не отъ крови-ли?
Изъ-за тебя, ненавистное золото,
Наши мольбы переходятъ въ проклетія,
И отъ тебя, какъ отъ тяжкаго молота
Сто нетъголодная нищя-братія.
Передъ тобою богачъ преклоняется,
Въ мирѣ измѣнчива жатва богатая,
И, какъ чебанъ твой не разъ измѣняется,
Ты измѣняешь намъ часто, проклятое!..

---

* * *

Жизнь человечества сложилась
Изъ элементовъ мощныхъ двухъ:
Въ немъ — и животныя инстинкты,
И духъ боговъ, безсмертный духъ.
То какъ орелъ взлетая къ небу,
То въ грязный падая потокъ,
Ты, человѣкъ, попеременно,
Былъ то животное, то богъ.
Но если бъ въ мѣръ теперь явился
Богopodobный человѣкъ,
То подъ копытами животныхъ
Погибъ бы онъ въ нашъ славный вѣкъ.

ГОДИВА.

(Изъ Теннисона.)

Я повѣзда ждалъ утромъ въ Ковентри;
Облокотясь у моста на перила,
На городскія башни я смотрѣлъ
И городское древнее преданье
Невольно мнѣ на умъ пришло...

На свѣтъ

Не мы одни, мы, дѣти позднихъ лѣтъ,
Готовые смѣяться надъ прошедшимъ
И толковать о правдѣ и неправдѣ,
Не мы одни любили свой народъ
И гнетомъ нашихъ братьевъ возмущались.
Жила когда-то женщина и долго
О подвигъ ея не позабудутъ.
И имя этой женщины—Годива.
Графъ Леофрикъ, Годивы мужъ жестокий,
Поступками своими въ Ковентри
Пугаль народъ; когда на цѣлый городъ
Тяжелую онъ подать наложилъ,
То множество рыдавшихъ матерей

Съ младенцами въ рукахъ пришло къ Годивѣ
И слышала Годива общій вопль:
„Отдавши подать, съ голода умремъ мы!“

Пошла Годива къ мужу. Грозный графъ
Попался ей на встрѣчу въ галлерей,
Собаками своими окруженный,
И стала говорить ему она
О просьбѣ бѣдныхъ женщинъ и съ мольбою
Молила: „Пощади ихъ! Вѣдь они
Отъ подати умрутъ голодной смертью!“
Но удивленный графъ ей отвѣчалъ:
„Да ты и ноготь пальца пожалѣешь
Отдать за этотъ вздоръ!“ — „О, вѣтъ, готова
Я жизнь отдать“, отвѣтила Годива, —
„И это докажу я, чѣмъ ты хочешь,
Какое ни предложишь мнѣ условье.“
И злобный графъ ей отвѣчалъ со смѣхомъ:
„Когда проѣхать можешь ты нагая
По городу, то подать отъѣню я.“
Затѣмъ ушелъ онъ быстрою походкой,
Собаками своими окруженный.

Въ душѣ Годивы буря поднялась,
Въ ней цѣлый часъ борьба происходила,
Но жалость побѣдила наконецъ
Ея смущеніе. Герольду повелѣла,
При звукѣ трубъ, Годива объявить
Народу объ условіи тяжеломъ,

Которымъ можно снять съ него налогъ,
И если къ ней любовь живетъ въ народѣ,
То пусть никто до самого полудня,
Пока она по улицамъ поѣдетъ,
Не выглянетъ изъ оконъ и воротъ,
Пусть городъ весь въ домахъ своихъ запрется.
Потомъ Годива скрылась въ свой покой;
Украшенный орлами брачный поясъ
Съ себя сняла и на одно мгновенье
Промедлила, какъ лѣтняя луна
Въ волнистыхъ и прозрачныхъ облакахъ,
Потомъ тряхнула смѣло головою,
Вкругъ пояса разсыпалась коса
И, сбросивши одежду торопливо,
Съ крыльца Годива робко соскользнула
И вралась отъ колонны до колонны.
Вотъ къ главнымъ воротамъ она пришла,
Гдѣ ждалъ ее въ парадной сѣрѣ конь,
Подъ пурпуромъ и золотомъ сверкавшій.
По городу поѣхала Годива,
Лишь только цѣломудріемъ одѣта;
Былъ воздухъ тихъ и робкій вѣтерокъ
Не смѣлъ смутить ее своимъ дыханьемъ.
Какъ сотни глазъ, смотрѣли окна зданій,
И лай собакъ невольно вызывалъ
Стыдливости румянецъ на щекахъ
Трепещущей Годивы; каждый шагъ
Ея коня огнемъ въ ней отзывался,

Но вотъ она проѣхала весь городъ
И черезъ арку поле увидала
Съ душистыми весенними цвѣтами.
Потомъ она поѣхала назадъ,
Лишь только цѣломудріемъ одѣта,
На улицѣ не встрѣтивъ ни души.
Одинъ нашелся только негодай,
Который, просверливши щель въ окошкѣ,
Взглянулъ и въ тужъ минуту навсегда
Лишился зрѣнья...: Этого не зная,
Проѣхала Годива мимо. Вдругъ
По звуку трубъ узналъ счастливый городъ,
Что полдень наступилъ и что Годива
Спасла народъ отъ подати тяжелой
И вѣчно жить останется въ народѣ.

СЕСТРЪ.

(Изъ Леопарди).

Ты кинула свой тихій, отчій кровь;
Миръ призраковъ и дорогихъ видѣній
Смѣнило море будничныхъ волненій...
Несчастливая! Заранѣ я готовъ
Позоръ и стыдъ твоей грядущей жизни
Оплакивать въ страдающей отчизнѣ.
Сестра! Я отъ тебя не утаю
Твоей судьбы удѣлъ ужасный:
Должна ты подарить Италиі несчастной
Несчастную и жалкую семью.
Въ странѣ рабовъ мы слабы какъ въ пустынѣ
Гдѣ не подъ силу намъ съ стихіями борьба;
Здѣсь на рукахъ у матери-рабыни
Въ ребенкѣ каждомъ видимъ мы раба.
Вотъ почему твой брачный пиръ мнѣ сбученъ,
Какъ похоронный праздникъ межъ гробовъ;
Твоей судьбой печальной я измученъ,
Сестра-страдалица, мать будущихъ рабовъ!

КОРОЛЕВСКОЕ ПЛАТЬЕ.

(Изъ Андерсена.)

I.

На бѣломъ свѣтѣ жилъ да былъ
Одинъ король когда-то.
Въ дѣла онъ царства не входилъ,
Но наряжаться такъ любилъ
Роскошно и богато,
Что въ день разъ двадцать-пять
Привыкъ костюмъ мѣнять.
О немъ не толковали:
Король сталъ заниматься,
А прямо объясняли:
„Изволить одѣваться.“

II.

Разъ въ городъ пронесся слухъ,
Прошелъ и въ царской свитѣ—
(Вѣдь къ разнымъ шлетнямъ кто же глухъ?)

О вѣздѣ въ городѣ чудныхъ двухъ
Ткачей, и что ткачи тѣ
Скорѣй, чѣмъ въ пять минутъ,
Такія ткани теуть,
Что отъ начала свѣта
Подобныхъ не бывало,
Но только платье это
Секретъ одинъ скрывало:

III.

Кто былъ способенъ и уменъ,
Тотъ видѣлъ это платье,
Но если же, въ несчастью, онъ
Былъ въ этотъ мѣръ глупцомъ рожденъ,
То было вѣроятье,
Что для того глупца
Съ изнанки и лица
Та ткань совсѣмъ незрима,
Хотя смотри онъ въ оба
На ткань неумоимо
До самой двери гроба.

IV.

Король, узнавъ о томъ, и дня
Прожить не могъ въ покоѣ:
— „Будь это платье у меня,
Весь дворъ по платью оцѣня,

Я зналъ бы, что такое
Весь мой придворный штатъ:
Вѣдь глухихъ, говорятъ,
И близъ меня есть много...
Избавлюсь отъ заразы.“
И приказалъ онъ строго
Ткачамъ послать заказъ.

— V.

Взглянуть на ткань, въ нѣмой борьбѣ,
Король желалъ ужасно;
Хоть онъ увѣренъ былъ въ себѣ
И въ избранной своей судьбѣ,
Но—все-таки опасно.
„Пошлю, подумаю ояъ,
Министра: онъ уменъ,
Ояъ служить мнѣ примѣрно,
И знаю я заранѣ,
Оцѣнить онъ навѣрно
Достоинства той ткани.“

VI.

Министръ въ обманщикамъ ткачамъ
Явился и—ужасно!—
Ткань не видна его очамъ,
Лишь хитрымъ онъ внималъ рѣчамъ:
„Не правда ли, прекрасно?“
Ну, что онъ могъ сказать,

Чтобъ чести не ронять?
О тупости министра
Весь край бы вдругъ услышалъ...
И сталъ хвалить онъ быстро:
„Рисунокъ дивный вышелъ!..“

VII.

Весь дворъ у плутовъ побывалъ,
Чтобъ тканью любоваться,
Но каждый скрылъ среди похвалъ,
Что ничего онъ не видалъ...
Какъ въ глухости сознаться?
Назваться дуракомъ?..
И надъ пустымъ станкомъ,
Гдѣ не было ни нитки,
Художниковъ искусство
Хвалили всѣ въ избыткѣ
Восторженнаго чувства.

VIII.

Бъ ткачамъ король явился самъ
И слышалъ толки въ свитѣ:
„Вотъ подивитесь чудесамъ!..
Что за узоръ!.. Вотъ здѣсь... а тамъ...
Король, сюда взгляните...“
Король же думалъ такъ:
„Неужли я дуракъ?
Лишень совсѣмъ понятъ?“

Не вижу эту твадь я...“
Но высказалъ желанье
Имѣть такое платье.

IX.

Король, ткачей своихъ хваля,
Къ нимъ прѣзжаетъ снова,
Ждетъ платья, деньги имъ суля,
И плуты тѣшутъ короля,
Что платье ужь готово:
— „Примѣрите вашъ нарядъ
Извольте,“ говорятъ:
„Раздѣньтесь и примѣрите...“
Раздѣлся, мальчикъ слово,
Напуганный до смерти,
Король безпрекословно.

X.

Пришелъ въ восторгъ весь кругъ вельможъ
Предъ королемъ раздѣтыми:
(Раздѣтый, чувствовалъ онъ дрожь)
— „Смотрите, какъ король хорошъ
Въ нарядѣ новомъ этомъ!..
Что за фасонъ притомъ!..
По городу пойдѣмъ,
Всѣ станутъ удивляться...“
Король промолвилъ слово:

*

— „Чтожь, можно отправляться?“

— „Извольте! все готово!“

XI.

Король по улицамъ идетъ

Подъ балдахиномъ пышнымъ,

А вокругъ него бѣжитъ народъ,

Хвалу одеждѣ воздаетъ

Съ привѣтомъ, ясно слышнымъ:

„Позволь взглянуть! Позволь!“

И думаетъ король:

На что жь это похоже?..

Мнѣ за себя обидно:

Всѣ видятъ то, о Боже,

Что мнѣ совсѣмъ не видно!..“

XII.

Изъ оконъ, точно какъ изъ ложъ,

Смотрѣли дамы, молодежь,

Врича единогласно:

— „О, какъ нарядъ его хорошъ!“

И какъ онъ спитъ прекрасно!..“

Но мимо мальчишекъ шель:

— „Да онъ почти что голъ!..“

Ребенокъ кивнулъ звонко...

И поняли всѣ разомъ,

Что только у ребенка

Нашелся здравый разумъ.

ВСЕМИРНЫЙ РЫНОКЪ.

(London).

(Изъ Барри Корнуэля.)

Еще я въ дѣтствѣ слышалъ часто:
Не мало въ Лондонѣ добра, —
Тамъ золотая мостовая,
Тамъ стѣны всѣ изъ серебра;
Тамъ красотой своей всеильной
Ужвють женщины плѣнять,
Тамъ можно — люди говорили —
И все купить, и все продать.

* * *

Вотъ, наконецъ, попалъ я въ Лондонъ. —
То было яснымъ лѣтнимъ днемъ, —
Весь день по городу я рыскалъ,
То въ экипажѣ, то пѣшкомъ.
Я отъ волненья вспыхнулъ разомъ,
Когда сказалъ возница мнѣ:
— „Вотъ Лондонъ! Города богаче
Ты не найдешь въ другой странѣ“ ..

* * *

Я сталь разспрашивать, и что же?
Гдѣ жь, Лондонъ, блескъ роскошный твой?
Нѣтъ стѣнь серебряныхъ въ столицѣ,
И золотой нѣтъ мостовой.
Красивыхъ женщинъ очень много,
Но смѣлость ихъ — могла смущать...
Да, въ этомъ городѣ возможно
И все купить, и все продать.

* * *

Всѣ блага жизни, блага міра
Здѣсь стали люди продавать.
Морякъ поставитъ жизнь на карту
И дочь продастъ любая мать;
Идетъ патентами торговля,
Торгъ самый страшный — не позоръ,
И жизнь товарища за деньги
Продастъ для висѣлицы воръ.

* * *

Поэтъ торгуетъ вдохновеньемъ,
Судья — достоинствомъ судей,
И люди сильные повсюду
Безсильныхъ продаютъ людей.
Продажно слово моралиста,
Кругомъ азартная игра,
И женщина собой торгуетъ
До гроба или... до утра.

* * *

За деньги гордое искусство.
Впадаетъ въ мелочность, въ развратъ,
За деньги дѣвственная роза
Отдастъ свой первый ароматъ;
За деньги гонить и позорить
Людей невинныхъ клевета,
И гибнуть жертвою корысти
Любовь, невинность, красота.

* * *

Прощай же, Лондонъ, темный рынокъ,
Гдѣ все продажно безъ стыда,
Гдѣ дремлетъ сытое богатство,
Гдѣ стонетъ горькая нужда, —
Гдѣ все реветъ, смѣется, плачетъ —
Отъ „сильныхъ міра“ до шута,
Пока не ляжетъ на кладбищѣ
Подъ сѣнь могильнаго креста.

СЦЕНА ИЗЪ „КАИНА“,
ВАЙРОНА.

ВЪ БЕЗПРЕДѢЛЬНОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

КАИНЪ.

Не падая, по воздуху иду я,
Хотя боюсь упасть.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вѣрь мнѣ—и воздухъ
Тебя поддержитъ: воздухъ мнѣ подвластенъ.

КАИНЪ.

Но не грѣшна-ли вѣра эта?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вѣрь

И будешь цѣль. Сомнѣнье—гибель. Таеъ
Изрекъ тотъ духъ, что гордо называетъ
Меня злымъ духомъ въ сонмѣ херувимовъ,
И эту мысль они передаютъ
Тѣмъ существамъ ничтожнымъ, у которыхъ
Есть ощущенья жалкія одни,

А знаній нѣтъ. Въ невѣдоньи глубокомъ
То слово всѣ они боготворятъ,
Которое до слуха ихъ коснулось,
И называютъ зломъ или добромъ
Все то, что имъ, рабамъ, ни скажутъ свыше.
Я не таковъ. Ты вѣрь мнѣ, иль не вѣрь,
А всежь увидишь новыя міры ты
Внѣ своего ничтожнаго мірка,
И за сомнѣнье въ жизни очень краткой,
За то, что ты узнаешь отъ меня—
Не испытаешь жгучаго страданья.
Придетъ тотъ часъ, когда одинъ изъ смертныхъ,
Заброшенъ въ море, смертному же скажетъ:
„Ты вѣрь въ меня и по волнамъ иди“,
И тотъ пойдетъ и не погибнетъ... Я же
Не говорю, что вѣрь въ меня; условій
Такихъ не предлагаю для спасенья...
Лети со мной надъ безднами пространства
И я тебѣ картины покажу,
Которыхъ отрицать ты не посмѣешь—
И то—картины прошлыхъ, настоящихъ
И будущихъ міровъ...

К А И Н Ъ.

О, добрый духъ,
Иль злой—кто-объ ни былъ ты,—скажи мнѣ:
Ужель я землю вижу?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Праха спнѣ!

Какъ ты глядишь, не узнавая праха,
Который даль отцу существованье?

КАИНЪ.

Ужель? вонъ эта точка голубая,
Скользящая въ эфирѣ безконечномъ
Съ другою точкой меньшею, похожей
На свѣтляка, что блещетъ на землѣ
Среди ночей?... И это рай нашъ? Гдѣ же
Его ограда, стражи?..

ЛЮЦИФЕРЪ.

Покажи

Расположенье рая.

КАИНЪ.

Невозможно.

Чѣмъ дальше мы летимъ съ тобой въ эфирѣ
Подобно свѣту солнца, тѣмъ все меньше
Становится земля, окружена
Сіяніемъ, подобнымъ блеску звѣздъ,
И съ нашимъ удаленіемъ, какъ будто
Она межъ звѣздъ желаетъ потеряться
И мириады звѣздъ родятся въ небѣ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но что бы думалъ ты, когда бы зналъ,
Что есть міры, громаднѣй чѣмъ земля,

Міры созданій высшихъ, и число ихъ
Гораздо больше всѣхъ земныхъ пылинокъ,
Но все жъ они плодятся безконечно,
Какъ атомы воздушные, — живутъ
И думаютъ о смерти постоянно...
Несчастные!..

КАИНЪ.

Я бы гордился мыслью,
Которая обнять все это можетъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но если мысль высокая такая
Сольется съ рабской массой существа
И, зная все, постигнуть пожелаетъ
Всѣ знанія, то эти знанья будутъ
Ей все же недоступны. Эта мысль
Подавится тяжелой цѣпью нуждъ,
Нуждъ призрачныхъ и жалкихъ, и ничтожныхъ, —
И лучшее изъ вашихъ наслажденій —
Есть мелкій, но пріятный вамъ развратъ,
Служившій только средствомъ къ возрожденью
Другихъ существъ, во всемъ тебѣ подобныхъ
И обреченныхъ смерти. Лишь однихъ
Избранниковъ ждетъ счастье...

КАИНЪ.

Духъ! О смерти
Одно я знаю, что она ужасна.
Я слышалъ отъ родителей о томъ

Наслѣдствѣ возмутительномъ, которыми
Обязанъ имъ не меньше жизни я,
Наслѣдствѣ, сколько знаю я, несчастномъ.
Но если, духъ, должно случиться то,
Что ты сказалъ—(а внутренній мой голосъ
Ужъ шепчетъ мнѣ пророческую муку
Той истины)—позволь мнѣ здѣсь погибнуть
И умереть... Давать намъ жизнь затѣмъ,
Чтобы страдать и послѣ умереть намъ,
Не то-ли же, что сѣять смерть повсюду
И увеличивать убійство.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Весь

Ты не умрешь, и что-то есть такое,
Что пережить должно тебя...

КАИНЪ.

Объ этомъ

Не говорилъ мнѣ ангель, насъ изгнавшій
Изъ рая съ смертнымъ приговоромъ. Но
Пусть гибнетъ все во мнѣ, что гибнетъ въ людяхъ,
Я все жъ силенъ той искрой божества,
Которая есть въ ангелахъ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Я самъ

Одинъ изъ нихъ. Но хочешь ли быть мною?

КАИНЪ.

Кто ты—не знаю я. Какъ ты силенъ,

Я вижу. Ты показалъ мнѣ много—
Вещей непостижимыхъ, непонятныхъ
И недоступныхъ для моихъ понятій,
А всё мои понятія ниже всѣхъ
Моихъ желаній...

люциферъ.

Что твои желанья!

Униженная гордость ихъ живетъ,
Чтобъ пресмыкаться въ прахъ съ червяками.

каинъ.

Но ктожь ты самъ съ такой гордыней духа,
Властитель и природы и безсмертья,
А между тѣмъ, какъ будто, вѣчно грустный?

люциферъ.

Я то, чѣмъ я кажусь тебѣ. Скажи мнѣ:
Желаетъ ли безсмертнымъ быть?

каинъ.

Не ты ли

Мнѣ говорилъ, что я безсмертнымъ буду
Помимо воли. Это неизвѣстно
Мнѣ было прежде. Если жь неизбѣжно
Должно такъ быть, то дай возможность мнѣ
Понять безсмертье. Счастье въ немъ, или нѣтъ?

люциферъ.

Его ты уже понялъ прежде, чѣмъ
Меня узналъ ты.

КАИНЪ.

Какъ же это?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Понялъ—

Страданіемъ.

КАИНЪ

Такъ быть безсмертнымъ значить—

Всегда страдать?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ты угадалъ, и это

Твои потомки будутъ знать, какъ мы.

Но посмотри! какъ все кругомъ прекрасно!

КАИНЪ.

О, ты эфиръ чудесный, безграничный!

Вы, массы звѣздъ, усыпавшія небо!

Что вы? О, что такое этотъ воздухъ

Лазурный, безпредѣльный, гдѣ летимъ мы,

Какъ листья по теченью рѣкъ Эдема?

Чтожь, есть движенью вашему конецъ?

Иль вы должны носиться безконечно

Надъ безднами воздушнаго пространства,

Гдѣ отъ безсмертья словно въ опьяненьи

Моя душа?.. О, Боже, боги міра!

Ктобъ ни были вы всѣ, но вы прекрасны!

Какъ безконечно, дивно хорошо

Все, созданное вами! О, позвольте

Мнѣ вѣчнымъ сномъ забыться, умереть,
Какъ атому (коль умираетъ атомъ),
Иль дайте мнѣ проникнуть въ ваши силы
И знанія... Нѣтъ, я не достоинъ, —
Хоть я и прахъ, — всего того, что видѣлъ...
О, духъ! Пусть я умру, иль все увижу
Гораздо ближе...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Развѣ же теперь
Не близокъ ты? Взгляни на землю.

КАИНЪ.

Гдѣ же?

Я вижу только блескъ однихъ свѣтилъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Смотри сюда...

КАИНЪ..

Не вижу.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А земля

Блеститъ.

КАИНЪ.

Вотъ это?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Да.

КАИНЪ.

Могу ли вѣрить?

Да на землѣ ночные свѣтляки
Въ травѣ и росяхъ въ сумракѣ полночномъ
Гораздо ярче блещутъ, чѣмъ тотъ міръ,
Боторый носитъ всѣхъ ихъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Вотъ ты видѣлъ
Міры и червяковъ. Тѣ и другіе
Имѣютъ блескъ. Чтожь думаешь о нихъ ты?

КАИНЪ.

Что всѣ они по своему прекрасны,
Что ночь, равно стоящая надъ ними
И красоту дающая имъ всѣмъ,
И робкому земному свѣтляку
И всѣмъ свѣтиламъ въ быстромъ ихъ теченьи—
Руководима вѣмъ-то...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Кѣмъ же?

КАИНЪ.

Самъ

Ты покажи мнѣ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Смѣешь ли взглянуть ты?

КАИНЪ.

А какъ мнѣ знать? До этихъ поръ я могъ же
Смотрѣть на все, что ты мнѣ показалъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Впередъ же!.. Но кого ты хочешь видѣть:
Иль смертныхъ, иль безсмертныхъ? говори.

КАИНЪ.

Но что они такое?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Объясни мнѣ —

О чемъ ты думалъ?

КАИНЪ.

Только лишь о томъ,

Что видѣлъ я.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А прежде что желалъ ты

Понять?

КАИНЪ.

Лишь то, чего не видѣлъ я

И видѣть былъ не долженъ — тайну смерти.

ЛЮЦИФЕРЪ.

А потому тебѣ я покажу

То, что мертво, — какъ прежде показалъ я

На то, что никогда не умираетъ.

КАИНЪ.

Такъ.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Ну, впередъ на нашихъ мощныхъ крыльяхъ!

КАИНЪ.

Какъ разсвѣаемъ воздухъ мы! Вокругъ звѣзды,
Мелькаютъ... Гдѣ жъ земля моя? На землю
Мнѣ укажи.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Она осталась сзади.

Она гораздо меньше предъ вселенной,
Чѣмъ ты предъ ней... Но ты не думай, смертный,
Что отъ земли избавленъ. Ты вернешься
На землю вновь и прахъ сольется съ прахомъ.
Таковъ безсмертья вашего удѣлъ.

КАИНЪ.

Куда же ты ведешь меня?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Туда,

Что уже было раньше насъ съ тобою:
То первообразъ міра, предъ которымъ
Міръ настоящій — только лишь обломки.

КАИНЪ.

Какъ! онъ не созданъ вновь?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Міръ, какъ и жизнь,
Начала не имѣютъ. Укажу я
Тебѣ и то, что было прежде насъ,
И то, что намъ казалось непонятнымъ.
Есть вещи, для которыхъ нѣтъ въ природѣ

Начала и конца, и много есть
Явленій, лишь по виду безконечныхъ,
Но мелкихъ и ничтожныхъ, какъ ты самъ.
Одно лишь время только и пространство,
Какъ вѣчность, неизмѣнны. Жизнь на срокъ
Смерть только праху назначаетъ;—ты же
Есть прахъ, и можешь то понять, что было
Когда-то съ прахомъ. Это ты увидишь.

КАИНЪ.

Духъ! Пусть я прахъ, но я готовъ все видѣть,
Что хочешь ты.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Впередъ же!

КАИНЪ.

Но какъ быстро
Въ эфиръ гаснутъ звѣзды, а давно ли
Онъ росли при нашемъ приближеніи.

ЛЮЦИФЕРЪ.

То — все міры.

КАИНЪ.

Есть рай на нихъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Быть можетъ.

КАИНЪ.

И люди есть?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Есть высшія созданья.

КАИНЪ.

И зѣви есть тамъ?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Могутъ ли безъ нихъ

Жить люди? Будто близъ двуногихъ тварей

И гадъ дышать не смѣтъ.

КАИНЪ.

О, какъ быстро

Бѣгутъ свѣтила!.. Духъ! куда мы мчимся?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Въ міръ призраковъ, гдѣ прошлаго видѣнья

И будущаго тѣни:

КАИНЪ.

Мракъ все гуще

И гуще... звѣзды потухаютъ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Все же

Ты видишь.

КАИНЪ.

Страхъ сковалъ меня. Ни солнца,

Ни мѣсяца, ни яркихъ звѣздъ не видно

И въ пропасти эфира голубаго

Разлить печальный сумракъ... Все жь я вижу

Какой-то міръ особый, непохожій
На тѣ міры, что видѣлъ на пути я,
Гдѣ дышетъ жизнь роскошная, гдѣ мы
Съвозъ ихъ лучи умѣли разглядѣть
Поверхность ихъ съ долинами, горами...
Тѣ мечутъ искры яркія; другіе
Огромной массой водъ покрыты, третьи,
Какъ поясомъ, обвиты чистымъ свѣтомъ,
Вращаются со спутниками... Здѣсь же
Все кажется и темнымъ, и ужаснымъ....

ЛЮЦИФЕРЪ.

Но ясно все... Желалъ ты видѣть смерть
Съ умершими?

КАИНЪ.

Нѣтъ, не желалъ того я.
Когда жъ узналъ, что за грѣхи отца
И онъ, и я, и всѣ мои потомки
Подвластны этой смерти—я хочу
Взглянуть на смерть заранѣ...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Такъ смотри же!

КАИНЪ.

Вкругъ — тьма одна...

ЛЮЦИФЕРЪ.

И такъ да будетъ вѣчно.
Ворота въ царство тьмы теперь отворимъ.

КАИНЪ.

Какъ облака, волнуются туманы...

Что здѣсь?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Войди жь!

КАИНЪ.

А можно воротиться?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Воротись. На все свое есть время.

Здѣсь очень тѣсно съ будущимъ въ сравненьи,

Когда все царство смерти заселишь ты

Съ потомками своими.

КАИНЪ.

Облака

Вкругъ насъ рѣдѣютъ, быстро разлетаясь...

ЛЮЦИФЕРЪ.

Впередъ!

КАИНЪ.

А ты?

ЛЮЦИФЕРЪ.

Не бойся. Лишь со мною

Ты могъ повинуть миръ свой... Такъ впередъ,

Впередъ-же!..

(Исчезаютъ въ облакахъ.)

ДВА ТРИУМФА.

I.

Какой-то драмѣ, пошлой, вялой,
Театръ— кресель до райка—
Безумно хлопалъ цѣлой залой
И даже какъ-то ржалъ слегка.

Триумфъ обидный!.. Но безмѣрно
Ты, авторъ, радъ!.. Пойми, бѣднякъ:
Театръ былъ полонъ,— это вѣрно,—
Да пусты зрители-то какъ!..

II.

Въ сто разъ обиднѣй это ржанье
Свистковъ озлобленныхъ, порой...
Когда вошелъ съдой герой
Въ національное собранье:
„Долой съ трибуны!“ въ крикъ одинъ.
Смелись преступные холопы
И изгнанъ былъ, въ стыду Европы,
Святой, великій гражданинъ,

И скрылся на скалѣ суровой:
Пріютъ орла—у облаковъ...
Какой еще вѣнокъ терновый
Почетный бѣшеныхъ свистковъ!

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ПѢСЕНЪ Г. ГЕЙНЕ.

I.

Завѣщаніе.

Завѣщанье свое принимаю съ писать.

Скоро, скоро въ гробу перестану страдать:

Муки жизни твое сердце мое истомили,

Что дивлюсь — почему я давно не въ могилѣ.

О, Луиза, подруга моя по судьбѣ!

Я двѣнадцать рубахъ завѣщаю тебѣ,

Сотню блохъ — счетъ блохамъ я веду на удачу —

И моихъ триста тысячъ проклятій въ придачу.

Добрый другъ! Помяну я, въ дни несчастій и бѣдъ

Ты былъ щедръ — не на помощь — на добрый совѣтъ.

Такъ и я не оставлю тебя безъ совѣта:

Вмѣстѣ съ самкой скотовъ расплоди ты для свѣта.

Вѣру въ тартаръ и въ рай неизвѣстныхъ мнѣ странъ

Завѣщаю я разомъ: тебѣ, Богдыханъ,

И познанскому равнину: жребій вы бросьте,

Чтобъ вопросъ о наслѣдствѣ покончить безъ слости.

О нѣмецкой свободѣ святня мечты,

Пузыри эти мыльные, цензоръ мой, ты

Получи отъ меня, хоть я долженъ признаться:
Пищей этой едва ли удобно питаться.

Всѣ дѣянья, которыхъ свершить я не могъ,
Планъ спасенья отчизны отъ бурь и тревогъ
И рецептъ отъ изжоги — послѣдствія пьянства,
Завѣщаю тебѣ я, родное дворянство...

Завѣщаю ночной, бѣлоснѣжный колпакъ
Я кузену, который настойчиво такъ
Защищалъ бѣдняковъ въ дни былые заодно,
А теперь, какъ римлянинъ, молчать сталъ упорно.

Охранителю нравовъ въ Штутгартѣ родномъ
Пистолеты дарю, — хоть изъ нихъ ни въ одномъ
Нѣтъ заряда, но все же они, можетъ статья,
Для внушенія страха женѣ пригодятся.

Швабской школь, ползущей въ прогрессѣ назадъ,
Въ вѣрномъ оттискѣ я завѣщаю свой .....
Мой портретъ ей ненуженъ и жертвую смѣло
Потому вѣрный снимокъ съ другой части тѣла.

Шесть бутылокъ съ слабительной горькой водой
Завѣщаю пѣвцамъ, у которыхъ худой
Есть недугъ, возбуждавшій мое сожалѣнье:
Постоянный, упорный застой вдохновенья.

Заключеніе. Если бѣ никто не желалъ
Получить, что я каждому здѣсь завѣщалъ,
Въ этомъ случаѣ я, — мой завѣтъ безусловный —
Папѣ римскому жертвую все по духовной.

II.

ЗВѢЗДЫ И ЛЮДИ.

Каждый разъ, какъ на нашей холодной землѣ
Молодые сердца разбиваются,
Изъ эфира недвижныхъ, полночныхъ небесъ
Звѣзды, глядя на насъ, улыбаются.

„О, несчастные люди! онѣ говорятъ:
Съ сердцемъ любящимъ въ мѣръ вы приходите,
Но мученья любви васъ приводятъ къ тому,
Что другъ друга въ могилу вы сводите.

„Но для насъ непонятна земная любовь,
Приносящая людямъ страданія.
Потому и бессмертны мы, звѣзды небесъ,
Въ безконечномъ, холодномъ сіяніи.“

---

* * *

Столица шумная въ волненьи...
Есть пища новая умамъ:
О предстоящемъ наводненьи
Слухъ темный ходитъ по домамъ.
Счастливыцы жизни, сна не зная,
Не могутъ страха превозмочь,
Лишь только пушка крѣпостная
Встревожить ихъ въ глухую ночь,
Столицу грозно извѣщая,
Что выше колець поднялась
Вода на пристани въ тотъ часъ.
Но бѣдники—иное дѣло,
Они испуга далеки...
Еще недавно чье-то тѣло
Пристало къ берегу рѣки.
Сошлась толпа надъ мирно-спящей,
Усопшей женщиной... Вдали
Какъ будто выросъ изъ земли
Хожалый, съ бляхою блестящей,
И вотъ въ участокъ близъ лежащій
Трупъ мертвой женщины свезли.

Кто жъ эта мертвая?— Къ чему же
Вопросъ тотъ: жизни не вернешь!
Еще, пожалуй, будетъ хуже,
Когда спрашивать начнешь...
Бѣдняжкѣ видно улыбалась
Въ грядущемъ — бѣдность иль тюрьма,
Она потопа не дождалась
И въ воду кинулась сама.

ДОБРЫЕ СОВѢТЫ.

Сколько люди мнѣ совѣтовъ
Надавали, правый Боже!
Отплату за тѣ услуги
Я совѣтами имъ тоже.

Люди-братья! Люди-сестры!..
Дружно мѣръ вы раздѣлите:
Сестрамъ — спальня, сестрамъ — кухня,
Братья — шаръ земной возьмите.

Полюбите всѣ другъ друга:
Если хлѣба нѣтъ у брата,
Пусть онъ будетъ тѣмъ утѣшенъ,
Что сосѣдъ живетъ богато.

Если счастье надоѣло,
Говори нелицемерно
Всѣмъ въ глаза святую правду:
Попадешь въ бѣду навѣрно.

Если честнымъ человекомъ
Хочешь жить ты до кладбища,

То веревку своей покрѣпче
И давься на ней, дружище.

Если глупость скажешь—это
Пусть тебя и не тревожить:
Слово умное, какъ выстрѣль,
Испугать насъ только можетъ.

Если мужъ съ женой не ладить,
То для опыта, на смѣну,
Пусть любовницу возьметъ онъ
И—женѣ познаетъ цѣну.

Если бѣдная супруга
Всѣ пороки видитъ въ мужѣ,
Пусть отдастъ себя другому:
Этотъ вдвое будетъ хуже.

Если въ домъ умалишенныхъ
Попадешь ты, къ Штейну, что-ли,—
Знай, что ты умнѣ многихъ
Проживающихъ на волѣ.

ДѢЛОВЫЕ ЛЮДИ.

Отъ люльки до могилы,
Покорные судьбѣ,
Чтобъ хлѣбъ добыть себѣ,
Мы тратимъ наши силы.
Безъ пользы люди мрутъ,
Растутъ безъ пользы дѣти;
Трудъ „избранныхъ“ на свѣтѣ
Единственный есть трудъ.
Чтобъ бѣдность не заѣла,
Ты, добрый нашъ народъ,
Льешь часто кровь и потъ...
Да развѣ это дѣло?

* *
*

Кипить въ своихъ раздорахъ
Бездѣльниками миръ...
Напяливъ виць-мундиръ,
Испишетъ цѣлый ворохъ
Бумагъ чиновный людъ,
И гордостью объято
Все сердце бюрократа,

Окончившаго трудъ.
На всѣхъ глядитъ онъ смѣло,
Строчить до смерти радъ...
Наивный бюрократъ!
Да развѣ это дѣло?

* *
*

Жизнь Марса безъ печали...
Мундиръ ему въ лицу;
Онъ утромъ — на плацу,
А вечеромъ — на балѣ.
Военный артикулъ
Онъ изучилъ серьезно;
Онъ дамѣ граціозно;
Подставитъ въ клубѣ стулъ;
Онъ пулю безъ прицѣла,
Почти что за глаза,
Готовъ всадить въ туза...
Да развѣ это дѣло?

* *
*

Продажному писакѣ
Не мало есть труда:
Быть въ-время всегда
Тамъ, гдѣ зимуютъ раки.
Какъ фиговымъ листкомъ,
Прикрывшись фразой звонкой,
При случаѣ, сторонкой,
Сфискалить онъ тайкомъ.
Гнетъ спину, сушить тѣло,

Идей компанчивость,
Но вотъ одинъ вопросъ:
Да развѣ это дѣло?

* *
*

Извѣстности всемирной
Художникъ ждетъ за трудъ,
Создавъ „Сосны“ этюдъ,
Иль торсъ вакханки жирной.
Давно не дорожа
Достоинствомъ и честью,
Стихи разводитъ лестью,
Лирической ханжа.
Онъ выбралъ для удѣла
Санъ клубнаго пѣвца.
Но спросимъ мы льстеца:
Да развѣ это дѣло?

* *
*

Легально либераленъ
Салонный паразитъ.
Онъ общество дивитъ:
Всѣ тайны модныхъ спаленъ
На Сенѣ и Невѣ,
Скандалы всѣхъ странъ свѣта,
Двуногая газета,
Онъ носить въ головѣ.
Напрасно бѣ скрыть хотѣла
Одна изъ дамъ свой грѣхъ,

Онъ знаетъ все и всёхъ...

Да это развѣ дѣло?

* * *

„Народной подоплекой“

Плѣнень славянофиль,

Но чѣмъ онъ освѣтилъ

Народный мракъ глубокій?

Толкуеть филантропъ

Всю жизнь о бѣдныхъ лихо,

И тихо сходить въ гробъ,

А нищій гибнетъ тихо.

— „Тюрьма источникъ зла!“

Юристъ рѣшаетъ зрѣло,

А тюрьмамъ — нѣтъ числа...

Такъ гдѣ же въ мѣрѣ дѣло?

* * *

Такъ гдѣ же въ мѣрѣ дѣло?

Есть груда дѣльныхъ книгъ,

Но мѣръ нашъ не привыкъ

Еще читать ихъ смѣло;

Есть гении, — народъ

Не понялъ ихъ при жизни:

Живой пророкъ въ отчизнѣ

Пріюта не найдетъ.

Ложатся въ гробъ живые

За мертвыми во слѣдъ;

Есть люди „дѣловые“,

А дѣла нѣтъ, — какъ нѣтъ.

*

НА САМОМЪ
ИНТЕРЕСНОМЪ МѢСТѢ.

I.

Въ нашъ вѣкъ прогресса, знанья, свѣта,
Кровавыхъ битвъ и всякихъ бѣдъ,
Что шагъ,—то образъ для поэта,
То для прозаика сюжетъ.
Вихрь жизни въ расприхъ жаркихъ, въ спорахъ,
Ну такъ и мечется въ глаза...
Но есть такіе тормоза,—
Намъ нужно помнить,—при которыхъ,
Смиряясь молча каждый разъ,
Пѣвцы съ прозаиками вмѣстѣ
Должны оканчивать разсказъ
На самомъ интересномъ мѣстѣ.

II.

Свободна мысль,—конечно, такъ,—
Но не всегда свободно слово;
Намъ моралистъ твердить сурово,
Что нашъ языкъ—нашъ первый врагъ.

Чтобъ оградить свою карьеру
И не попасть въ невольный грѣхъ,
Должны мы всё сердиться въ мѣру
И въ мѣру выражать нашъ смѣхъ.
Иной по долгу, тотъ изъ мести
На каждомъ словѣ ловить насъ,
Такъ какъ тутъ не прервать рассказъ
На самомъ интересномъ мѣстѣ!..

III.

Жизнь — дантовскій, чудесный лѣсъ,
Но если-бъ будущаго тайна
Была угадана случайно,
Жизнь потеряла-бъ интересъ.
Любви нѣтъ въ мирѣ безъ волненья,
Какъ знанья безъ гипотезъ нѣтъ;
Силень намёками поэтъ
И мысли вѣчное движенье
Такъ увлекаетъ насъ весь вѣкъ,
По одиночкѣ и всѣхъ вмѣстѣ,
Что жизнь кончаетъ человекъ
На интересномъ самомъ мѣстѣ.

IV.

Французско-прусская война
Была-бы по сердцу всегда намъ,
Когда бы Бисмаркомъ она
Была окончена Седаномъ.

Герой второго декабря
Попался въ плѣнъ. Еще ли мало?
Но крови пролились моря,
Земля отъ пушекъ застонала
И Бисмаркъ въ ужасъ двѣ страны
Повергъ за призракъ ложной чести
И прекратить не могъ войны
На интересномъ самомъ мѣстѣ.

V.

Я предсказалъ бы въ наши дни
Успѣхъ романамъ многимъ, драмамъ,
Когда бъ кончались они
На интересномъ мѣстѣ самомъ.
Назваться мудрымъ можетъ тотъ
Среди общественной арены,
Кто сходить въ-время со сцены,
Иль въ-время перо кладетъ;
Кто въ юныхъ грезахъ о невѣстѣ
Любовью сердце освѣжить,
Но Гименея избѣжить
На самомъ интересномъ мѣстѣ.

VI.

Блаженъ, кто нити рветъ интригъ
На самомъ мѣстѣ интересномъ,
Кто, встрѣтаясь съ сыщикомъ извѣстнымъ,
Умѣетъ сдерживать языкъ;

Кто не былъ „по дѣламъ печати“
Гонимъ, какъ истинный мудрецъ,
Иль просто даже, наконецъ,
Кто умереть умѣеть кстати...
Интересуютъ насъ вдвойнѣ
Всѣ въ мирѣ новости и вѣсти,
Когда вдругъ хорваны онѣ
На самомъ интересномъ мѣстѣ.

VII.

А ты, нашъ будущій поэтъ,
(Не обращаюсь къ настоящимъ
Затѣмъ, что, кажется, ихъ нѣтъ),
Чтобъ поколѣньямъ восходящимъ
Ты пользу книгою принесъ
И почитался какъ феноменъ,
Будь какъ оракулъ полутеменъ,
Какой бы ни рѣшалъ вопросъ,
И только вспомнишь объ арестѣ
Прекрасной книги, мой пѣвецъ,
То смѣло подпиши „конецъ“
На самомъ интересномъ мѣстѣ.

VIII.

О, сдержанность! Тебя пою!
Съ неволей, лада поневолѣ,
Такъ приучилъ къ смиренной долѣ
Я музу пыльную мою,

Что сталъ „поэтомъ безъ укора“
И не страшусь въ сознаньи силъ
Ни прокурорскаго надзора,
Ни красныхъ, цензорскихъ чернилъ.
А вы, читатели, вы взвѣсьте
Мои слова. Ихъ смыслъ глубокъ:
Читать умѣйте между строкъ
На интересномъ самомъ мѣстѣ.

ЛѢСНИ О СУЕВЕРІИ.

(Три картинки.)

I.

Спать покойно сиротъ притѣснитель,
Воръ общественный, сытый грабитель...
Предъ животою лампадка горить...
Спать онъ сладко... Вы знать не хотите-ль:
Отчего же такъ сладко онъ спитъ?

* * *

Оттого, что склоняясь на ложе,
Нынче вечеромъ думалъ онъ: „Боже!
Мнѣ простишь вѣснѣшенія ты:
Я грѣховенъ, но вѣрую тоже,
Я молюсь и держу всѣ посты.

* * *

Всѣ считаютъ меня за Іуду,
Сталъ противенъ я бѣдному люду,
Но для церкви, пожалуй, отдамъ
Капиталь, — рыбу даже не буду
Ѣсть по пятницамъ и по средамъ!..“

* * *

Вотъ задачи простая разгадка:
Цѣлый день можетъ спину онъ гнуть,
Цѣлый день пресмыкается гадко,
Но—покается въ ночи, чтобъ сладко
Возлѣ нѣжной супруги заснуть.

II.

Люди такъ привыкли смѣло
Все скупать и подкупать:
Совѣсть, разумъ, душу, тѣло,
Что для нихъ простое дѣло
Черезъ подкупъ добывать,
Даже божью благодать.

* * *

Цѣлый Римъ въ смятенѣ... Зала
Въ Ватиканѣ вся полна
Духовенствомъ... Занимала
Вѣчный Римъ та вѣсть не мало,
Что на ложѣ кардинала,
Имъ насильно растлѣна,
Пала дѣвушка одна.

* * *

— „Кардинала Гильдебрандта!“
Крикъ толпы не умолкаетъ:
„Смерть ему!..“ „Maria Santa!“
Говорилъ самъ кардиналь:
„Согрѣшилъ я... силенъ демонъ,

Но мнѣ папа грѣхъ простилъ,
Какъ прощать всеиленъ всеѣмъ онъ,
И колѣна я склонилъ
Предъ тобою... Неужель я
И Мадонной не прощень?..“

И надѣлъ на ризу онъ
Дорогое ожерелье.

III.

Знойно небо. Полдень жгучій
Надъ землею словно спить.
За скалою притаился
И добычи ждетъ бандить,
На дорогу смотреть зорко.
Чу, вотъ пѣсня!.. Въ знойной мглѣ,
Межъ корзинъ, склонясь лѣнливо,
Ѣдетъ путникъ на ослѣ.
Вотъ онъ ближе... Пѣсня громче
Раздается... Стой, ѣздокъ!..
Но убійца суевѣрный,
Прежде чѣмъ взвести вурокъ,
Шляпу снялъ, перекрестился, —
Благороднѣйшій бандить —!
И бѣднякъ, не кончивъ пѣсни,
Мѣткой пулей былъ убитъ!

СМЕРТЬ.

O, Death! thou dunnest of all duns!

Byron.

О, смерть! заимодавецъ нашъ безсонный!
Ты въ двери къ намъ стучишься день и ночь,
Сперва слегка, какъ ростовщикъ смущенный,
Страхъ къ должнику желавшій превозмочь,
Но наконецъ, отказомъ раздраженный,
Когда его не разъ прогонять прочь,
Онъ требуетъ немедленной расплаты,
Ворвавшись въ кредиторскія палаты.

* * *

О, смерть! Тебѣ принадлежитъ весь свѣтъ, —
Лишь къ слабой красотѣ не прикасайся...
Иль для тебя другой добычи нѣтъ?
Ты кровью многихъ націй упивайся,
Неистовый, обжорливый скелеть,
Надъ славою героевъ потѣшайся,
Но красоты — то лучшій даръ земли —
Своимъ дыханьемъ мертвымъ не пали.

СИРЕНА.

(Изъ Г. Мура).

Я слышалъ преданье. Съ глубокой тоской
Сирена жила подъ пучиной морской
И на берегъ моря, гдѣ ива стояла,
Она выходила и все поджидала
Бого-то, — и слезы въ полуночный часъ
На влажныя кудри роняла изъ глазъ,
И по вѣтру стоны и вопли носились:
Пловцы, ихъ услыша, въ испугѣ крестились,
Завидя сѣвось сумракъ полоску земли...
Но стоны сирены до неба дошли .
И чудо съ сиреной тогда совершилось:
Въ прекрасную арфу она обратилась,
А кудри красавицы въ струны свились
И грустные звуки отъ нихъ повеслись.

* * *

Такъ годы промчались, но струны звучали,
Исполнены прежней, глубокой печали,
И только рукою коснусь я до нихъ,
Угрюмѣй становится каждый мой стихъ.

Родинѣ.

Какъ мать свою, которая меня
Родила въ свѣтъ, вспоила и вскормила,
Но послѣ не дала такого дня,
Чтобъ этотъ день она не отравила—
То жалобой, за каждый шагъ вина,
За каждое движенье негодуя,
То холодомъ мнѣ душу леденя,
—Такъ и тебя, о родина, люблю я!..
Люблю тебя я, какъ постылый сынъ:
Ты мнѣ чужда, ты мачихой мнѣ стала,
Но въ сердцѣ у меня есть уголокъ одинъ,
Гдѣ та любовь еще не умирала.

---

* * *

Въ могилу рано. Жажда жизни
Еще, какъ въ юности, сильна,
Хотя ведетъ меня она
Отъ укорины къ укорины,
Къ бесплоднымъ жалобамъ о томъ,
Что потерялъ неосторожно,
Что прежде было такъ возможно
И оказалось глупымъ сномъ.
Смѣясь бессильно надъ судьбою,
Надъ тѣмъ, что дорого для всѣхъ,
Мнѣ даже сталъ противенъ смѣхъ,
Смѣхъ жалкій надъ самимъ собою.

---

* * *

Не ищи цвѣтовъ весеннихъ
Подъ обвалами сугроба,
Не ищи любви въ томъ сердцѣ,
Гдѣ отчаянье и злоба,
Не проси того у жизни,
Дать что она не въ силахъ,
Не бесѣдуй ты о счастьѣ
Съ мертвецами въ ихъ могилахъ.
Наше сердце постепенно
Такъ мы портимъ и калѣчимъ,
Что тебя и радъ любить я,
Да любить-то только — нечѣмъ...

ДИКІЕ СНЫ.

Я уснулъ, и въ какомъ-то безумномъ бреду
Мнѣ приснился волшебный, невиданный свѣтъ:
Будто, въ дивномъ саду
По цвѣтамъ я иду
И безсмертныя птицы поютъ мнѣ привѣтъ.
И киваютъ цвѣты мнѣ головками вслѣдъ.
Вотъ селенья людей: лица — кровь съ молокомъ,
Я не встрѣтилъ убогой избы ни одной,
Съ нищетою селянинъ лишь по сказкамъ знакомъ...
Что за дикіе сны снятся людямъ весной!..

* * *

Изъ-за рощъ поднимались, росли города:
Пышной роскоши въ нихъ не найти и слѣдовъ,
Но порокъ и нужда
Не свивали гнѣзда,
Подъ тяжелымъ ярмомъ непосильныхъ трудовъ,
Въ самыхъ дальнихъ и темныхъ углахъ городовъ.
О свободѣ гражданской, о братской любви
Споровъ нѣтъ тамъ, какъ здѣсь на планетѣ земной,

Но свобода и братство у всѣхъ есть въ крови..
Что за дикіе сны могутъ сниться весной!..

* * *

Не мрачить чистыхъ душъ преступленія тьма,
И желѣзныя цѣпи для ногъ и для рукъ,

Эшафотъ и тюрьма

Для людскаго ума

Тамъ еще — непонятный, неслыханный звукъ.

Рѣчи, странныя мнѣ, раздаются вокругъ:

Какъ про звѣрскій разбой, о войнѣ говорятъ,

И нигдѣ, проносясь надъ счастливой страпой,

Я нигдѣ не видалъ ни штыковъ, ни солдатъ...

Что за дикіе сны могутъ сниться весной!..

* * *

Это вѣчное счастье въ волшебной странѣ,

Вѣчный блескъ незакатаго дня

Въ заколдованномъ снѣ

Были тягостны мнѣ,

И въ бреду безконечно смущали меня.

Грѣшный міръ нашъ земной, міръ печали и слезъ,

Тамъ сжился, тамъ сроднился со мной,

Что шепталъ я невольно, очнувшись отъ грезъ:

Что за дикіе сны прилетаютъ весной!..

РОКОВАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Памяти ученика гимназіи Николенко, окончившаго жизнь самоубійствомъ.)

I.

Свидѣтели явленій настоящихъ,
Мы видимъ цѣлый рядъ передъ собой
Событій вопіющихъ, говорящихъ,
Какъ много въ жизни плачущихъ, скорбящихъ,
Неволю, нищету невыносящихъ,
До диваго безумья доходящихъ,
Со дня рожденья проклятыхъ судьбой.
Подъ тучею невидимаго гнета,
Какъ ошалѣлый, мечется народъ:
Что дѣлаетъ — не отдаетъ отчета;
Въ весельѣ общемъ чуется забота,
Звучитъ всегда болѣзненная нота;
Жить, даже жить пропала въ насъ охота,
И въ воздухѣ зловѣщее есть что-то,
Поющее про роковой исходъ.

* * *

*

Нѣтъ дня почти, чтобъ вѣсть не приходила,
Волнующая каждаго изъ насъ.
Какая-то таинственная сила,
Холодная, какъ самая могила,
Сердца людей, которымъ все постыло,
Самоубійства призракомъ смутила
И обрекла на жертву, каждый разъ
Побѣдой упиваясь съ наслажденьемъ.
Подъ чарами той силы, человекъ
Съ горячешнымъ, тоскливымъ изступленьемъ.
Кончаетъ жизнь безумнымъ преступленьемъ,
Считая смерть единственнымъ спасеньемъ,
Пускаетъ пулю въ лобъ, иль по каменьямъ
Скользя, летитъ съ крутыхъ обрывовъ рѣкъ...

II.

А этотъ мальчикъ бѣдный!.. Если слезы
Не выдумки поэтовъ, не удѣлъ
Лишь слаонервныхъ женщинъ и не грезы
Мечтателей, и если кто кипѣлъ
Хоть разъ одинъ той злобой благородной,
Въ которой скрыта жгучая любовь,
То эта рано пролитая кровь
По прихоти судьбины безъисходной
Иль въ каждомъ злое чувство возродить,
Или заставить плакать всѣхъ на-взрыдъ.

* * *

Онъ только началъ жить и развиваться,
Несчастный этотъ мальчишъ... Дѣтскимъ снамъ,
Казалось бы, не долженъ былъ являться
Ирравный призракъ смерти по ночамъ;
Но юноша ему сопротивляться
Не могъ — и выстрѣлъ долженъ былъ раздаться...
Ужь если дѣти начали стрѣляться,
То каково на свѣтѣ жить всѣмъ намъ!

* * *

Пусть разъянять стараются причины
Безвременной, насильственной кончины
Умы, всегда холодные... Къ чему?
Возврата въ миръ нѣтъ болѣе ему,
Не оживутъ подбошенные силы
Отъ размысленій мудрости сѣдой;
Но изъ его вновь вырытой могилы
Протестъ мы слышимъ жизни молодой,
Проклятiе всему, что въ вихрѣ свѣта
Мѣшаетъ мыслить, чувствовать, дышать,
И заставляетъ юность прибѣгать
Къ веревкѣ или къ дулу пистолета.

* * *

Куда жъ бѣжать? Гдѣ скрыться, наконецъ,
Отъ призрака зловѣщаго? Напрасно!
Надѣвши свой отравленный вѣнецъ,
За нами неотвязчиво и страстно
Слѣдить онъ будетъ всюду, ежечасно,

Какъ женщина ревнивая, какъ тѣнь,
Мозгъ воспалилъ, волнуя ночь и день,
Съумѣеть въ душу каждаго ворваться,
Самосознанье всякое губя,
И станетъ тихо, молча, дожидаться...

Ужъ если дѣти начали стрѣляться,
То какъ же намъ ручаться за себя?!..

ОДИНОКІЙ ПѢВЕЦЪ.

Тамъ, гдѣ сонъ царить глубокій,
Сонъ могильный, безъ конца,
Гдѣ живаго нѣтъ лица,
Слышенъ голосъ одинокій
Позабитаго пѣвца.

Какъ въ цвѣтушіе дни лѣта
Не доходитъ до гробовъ
Голосъ жизни, ропотъ свѣта,
Такъ свободный стихъ поэта,
Не волнуетъ кровь рабовъ.

Для чего же раздается
Голосъ твой, родной пѣвецъ?
Въ чьемъ ояъ сердцѣ отзовется,
Если въ мѣрѣ не найдется
Всеотзывчивыхъ сердець?

Горечь слезъ и горечь смѣха
Слышимъ въ пѣсняхъ мы твоихъ.
Но зачѣмъ поешь ты ихъ?
Развѣ можно ждать успѣха
Посреди глухонѣмыхъ!

ДВѢ СУДЬБЫ.

Завидуя когда-то
Ихъ счастью безконечно,
Не могъ я знать, конечно,
Что сгнбнуть безъ возврата
Они для свѣта оба:
Она — подъ крышей гроба,
Оплакана чужими,
А онъ — подъ небесами
Таковыми... а какими,
Поймете вы и сами:
Сперва о нихъ тужили,
Сперва ихъ вспоминали,
Но новыя печали,
Какъ тучи, плыли, плыли,
И скоро всѣ забыли
Обоихъ ихъ невольнo...
И насъ всѣхъ жизнь томила.
Летѣли дни за днями...
Ее взяла — могила,
Его взяла... Довольно!..
Досказывать, какъ больно, —
Поймете вы и сами.

ПОДЪ РОДНЫМЪ КРОВОМЪ.

(Изъ Гейне.)

Воздухъ лѣтняго вечера тихъ былъ и свѣжъ...
Въ городъ Гамбургъ прїѣхаль я къ ночи;
Улыбаясь, смотрѣли съ небесъ на меня
Звѣздъ блестящія, кроткія очи.

Мать старушка меня увидала едва,
Силы ей въ этотъ мигъ измѣнили,
И, всплеснувши руками, шептала она:
„Ахъ, дитя мое! Ты ль это, ты ли?

„Ахъ, дитя мое! ровно тринадцать ужъ лѣтъ
Какъ тебя не видала я!.. Слушай:
Вѣдь съ дороги ты голоденъ, вѣрно, теперь,
Такъ садись поскорѣй и покушай.

„У меня, милый мой, есть и рыба и гусь,
Апельсины есть... Хочешь чего же?“

— „Такъ давайте мнѣ рыбу и гуся на столъ,
Апельсиновъ давайте мнѣ тоже.“

И когда я съ охотою ужинать сталъ,
Мать съ восторгомъ меня угощала
И теряясь и путаясь часто въ словахъ,
За вопросомъ вопросъ предлагала:

„Ахъ, дитя! На чужой сторонѣ, можетъ быть,
Дни твои были горьки и тяжки...
Хороша ли хозяйка-жена у тебя
И умѣетъ ли штопать рубашки?“

— „Рыба, милая матушка, очень вкусна,
Но безъ словъ нужно ѣсть это блюдо,
А не то—подавиться я костью могу,
Такъ вы мнѣ не мѣшайте покуда.“

Только съ вкусною рыбой управился я,
Какъ увидѣлъ и гуся съ ней рядомъ,
Вновь разспрашивать матушка стала меня,
Вновь вопросы посыпались градомъ:

„Ахъ, дитя мое! Гдѣ же привольнѣе жить—
У французовъ, иль дома? И кто же
Изъ различныхъ народовъ, которыхъ ты зналъ,
Для тебя по душѣ и дороже?“

— „Гусь нѣмецкій, родимая, очень хорошъ,
Но французы гусей начинаютъ
Лучше нѣмцевъ; къ тому же и соусы ихъ
Аппетитъ мой скорѣй возбуждаютъ.“

Апельсины за гусемъ явились послѣдъ,
Заявляя свое мнѣ почтенье,

И такъ сладки казались, что я ихъ тогда
Выше всякаго ставилъ сравненья.

Мать распрашивать снова пустилась меня,
Неудержимая въ добрыхъ порывахъ,
И, болтая со мною, коснулась она
Да вопросовъ весьма щекотливыхъ:

„Ахъ, дитя мое! Миѣ расскажи, наконецъ,
Каковы у тебя „убѣжденья?“

Все по прежнему занять политикой ты?
Ты какого въ политикѣ мнѣнья?“

— „Апельсины прекрасны, родная моя,
Апельсины прекрасны, безспорно...“

И когда проглотилъ ароматный ихъ соевъ,
Я отбросилъ ихъ корки проворно.

ПОДЪ НЕБОМЪ

ПРУССИИ,

(Изъ Гейне.)

Съ каждымъ днемъ, слава Богу, рѣдѣетъ вокругъ
Поколѣнія стараго племя;
Лицемѣрныхъ и дряхлыхъ льстецовъ съ каждымъ
днемъ

Рѣже видимъ мы въ новое время.

Поколѣнье другое растетъ въ цвѣтѣ силъ,
Жизнь испортить его не успѣла,
И для этихъ-то новыхъ, свободныхъ людей
Пѣть могу я свободно и смѣло.

Эта чуткая юность умѣетъ цѣнить
Честность мысли и гордость поэта;
Вдохновенья лучи грѣютъ юности кровь,
Словно волны весенняго свѣта.

Словно солнце, полно мое сердце любви,
Каеъ огонь цѣломудренно-чисто;
Сами граціи лиру настроили мнѣ,
Чтобъ звучала она серебристо.

Эту лиру изъ древности мнѣ завѣщаль
Прометея поэтъ вдохновенный:
Извлекаль онъ могучіе звуки изъ струнъ
Къ удивленію цѣлой вселенной.

Подражать его „Птицамъ“ я пробоваль самъ,
Ихъ любя до послѣдней страницы;
Изо всѣхъ его драмъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ,
Драма самая лучшая — „Птицы.“

Хороши и „Лягушки,“ однако. Теперь
Ихъ въ Берлинскомъ театрѣ играютъ:
Въ переводѣ нѣмецкомъ, они, говорятъ,
Въ наши дни короля забавляютъ.

Королю эта пьеса пришлась по душѣ, —
Значить — вкусъ его тонко-античенъ.
Къ крику прусскихъ лягушекъ нашъ прежній король
Почему-то былъ больше привыченъ.

Королю эта пьеса пришлась по душѣ,
Но, однако, должны мы сознаться:
Если бъ авторъ былъ живъ, то ему бы наврядъ
Можно въ Пруссіи было являться.

Очень плохо пришлось бы живому пѣвцу
И бѣдняжка покончилъ бы скверно:
Вкругъ поэта мы всѣ увидали бы хоръ
Изъ нѣмецкихъ жандармовъ навѣрно;

Чернь ругалась бы, право на брань получивъ,
Наглость жалкихъ рабовъ обнаружа,

А полиція стала бы зорко слѣдить
Каждый шагъ благороднаго мужа.

Я желаю добра королю... О, король!
Моего ты послушай совѣта:
Воздавай похвалы ты умершимъ пѣвцамъ,
Но щади и живаго поэта.

Нѣтъ, живущихъ пѣвцовъ берегись оскорблять,
Ихъ оружья нѣтъ въ мѣрѣ опаснѣй;
Ихъ карающій гнѣвъ — всѣхъ Юпитера стрѣлъ,
Всѣхъ громовъ и всѣхъ молній ужаснѣй.

Оскорбляй ты отжившихъ и новыхъ боговъ,
Потрясай весь Олимпъ безъ смущенья,
Лишь въ поэта, король, никогда, никогда
Не рѣшайся бросать оскорбленья!..

Боги могутъ, конечно, карать за грѣхи,
Пламя ада ужасно, конечно,
Гдѣ за грѣшныя подвиги въ вѣчномъ огнѣ
Будутъ многихъ поджаривать вѣчно, —

Но молитвы блаженныхъ и праведныхъ душъ
Могутъ грѣшникамъ дать искупленье;
Подъянъемъ, упорнымъ и долгимъ постомъ
Достигаютъ иныя прощенья.

А когда дряхлый мѣръ доживетъ до конца
И на небѣ звукъ трубный раздастся,
Очень многимъ придется избѣгнуть суда
И отъ тяжкихъ грѣховъ оправдаться.

Адъ другой есть, однако, на самой землѣ,
И нѣтъ силы на свѣтѣ, нѣтъ власти,
Чтобы вырвать могла человѣка она
Изъ его огнедышащей пасти.

Ты о Дантовомъ „Адѣ,“ быть можетъ, слыхалъ,
Знаешь грозные эти терцеты,
И когда тебя ими поэтъ заелеймить,
Не отыщешь спасенья нигдѣ ты.

Предъ тобою раскроется огненный кругъ,
Гдѣ невѣдомо слово — пощада...
Берегись же, чтобъ мы не повергли тебя
Въ бездну новаго, мрачнаго ада.

---

* * *

Въ стихахъ и въ прозѣ, менішій братъ,
Мы о судьбѣ твоей кричали;
О, въ честь тебѣ какихъ тирадъ
Мы въ кабинетахъ не слагали!
А тамъ, среди убогихъ хатъ,
За лампой, въ темномъ сѣновалѣ,
Все тѣ же жалобы звучать
И пѣсни, полныя печали.
Все та же бѣдность мужиковъ;
Все также въ лютые морозы,
Въ глухую ночь, подъ вой волковъ
Полями тянутся обозы...
Терпѣнье то же, тѣ же слезы...
Хлѣбъ не растетъ отъ нашей прозы,
Не дешевѣетъ отъ стиховъ.

ДѢТСКІЙ ПЛАЧЪ.

(Изъ Е. Бареттъ-Броунингъ).

Доносится-ль до васъ, о братья, плачъ дѣтей,
Малютокъ, обреченныхъ на страданья?
Вы можете-ль смотрѣть безъ содраганья
На слезы ихъ? И ласки матерей
Не умиряютъ дѣтскаго рыданья.
Смотри, страна свободная! Кругомъ
Ягнята рѣзвятся или дремлютъ въ сладкой лѣни,
По рощамъ птицы весело поютъ,
Въ лѣсахъ играютъ стройные олени,
Цвѣты благоуханные растутъ
При солнечномъ, благословенномъ свѣтѣ,
А дѣти... что жъ они? — Лишь только плачутъ дѣти;
Не зная дѣтскихъ игръ, ребяческихъ затѣй,
Они живутъ, и слышенъ стонъ дѣтей:
„О, Боже, Боже! дѣти говорятъ,
Измучены мы такъ, что намъ не до веселья;
У насъ нѣтъ отдыха и нѣтъ часовъ бездѣля;
И если насъ поля къ себѣ манятъ,
То лишь затѣмъ, чтобъ на лугу зеленомъ

Лечь и уснуть больнымъ и истомленнымъ.
Что намъ поля, душистая трава,
Когда мы ноги двигаемъ едва!
Что намъ цвѣтокъ, который всѣхъ пѣвнаетъ,
Когда глаза усталость намъ смыкаетъ!
Мы ночь и день глотаемъ сирадъ и дымъ,
Въ угольныхъ коняхъ тачки мы волочимъ,
Иль колесо, измучены всю ночь имъ,
На фабрикахъ безжалостныхъ вертимъ.

„Проглянетъ день—колеса не стоятъ,
Настанетъ ночь—колеса все вертятся,
При каждомъ взмахѣ стонуть и скрипятъ,
И кровью начинаютъ заливаться
Сердца и наши головы. Кружатся
Полъ, стѣны вокругъ насъ и потолокъ,
И окна всѣ, и солнце съ небесами,
И, наконецъ, мы кружимся и сами,
И хочется молить по временамъ:
Остановитесь! отдохъ дайте намъ.“

О, да, остановитесь! Дайте дѣтямъ
Очнуться отъ ужаснаго труда!
Пусть мы на дѣтскихъ личикахъ замѣтимъ
Улыбку молодую иногда,
Пусть ихъ надежда изрѣдка обманетъ,
На лицахъ осушивъ потоки слезъ,
Что не всегда ихъ жизнь томиться станетъ
Подъ вѣчный гулъ вертящихся колесъ!..

Но день и ночь колеса, не смолкая,
Вертятся и вертятся безъ конца,
И чахнутъ, солнца божьяго не зная,
Во мракъ фабрикъ дѣтскія сердца.

ДАВЕРНА

Мелкопечатанный текст, который в основном нечитаем из-за сильного блеска и размытия. Видно лишь фрагменты слов и структуры строк, напоминающие стихотворение.

БАЯДЕРКА.

Индійская легенда.

(Изъ Гете.)

Съ небесъ Магадева, владыка земной,
Незримо на грѣшную землю спустился
И образъ принять челоуѣка рѣшился,
Чтобъ жить вмѣстѣ съ смертными жизнью одной.
Людей предоставивъ ихъ собственной волѣ,
Онъ ходитъ въ народѣ, желая узнать,
Достоинъ ли лучшей, счастливой онъ доли,
Иль въ мѣръ нужно новья кары послать.
Идетъ Магадева, какъ странникъ смиренный,
По улицамъ города, зорко слѣдитъ
За жизнью въ палатахъ, въ избыткѣ согбенной,
А къ вечеру снова въ дорогу спѣшитъ.
Въ предмѣстьи глухомъ, гдѣ души онъ не встрѣтилъ,
У крайняго дома, на шаткомъ крыльцѣ
Онъ падшую женщину скоро замѣтилъ
Съ поддѣльнымъ румянцемъ на дивномъ лицѣ.
— „Привѣтъ мой красавицѣ“! — „Путникъ прекра-
снѣй,

Ты добръ и привѣтливъ, войди въ мой пріютъ...“
— „Но кто ты?“ — „Меня баядеркой зовутъ;
Мой домъ предъ тобой — домъ любви сладо-
страстной“.

И въ бубенъ рукой ударяя, плывесть,
Бружится она въ соблазнительной плясѣ,
Змѣей извиваясь и, полная ласки,
Пришельцу душистый букетъ подаетъ.

И странника нѣжно обвивши руками,
Она увлекаетъ его за порогъ.
— „О, гость мой желанный! Весь домъ свой огнями
Сейчасъ освѣщу я, какъ пышный чертогъ.
Усталъ ты, мой милый, — я стану въ молчаньи
На ложѣ прохладномъ твой сонъ охранять,
Я дамъ тебѣ все, что я дать въ состояньи:
Веселье, покой и любви благодать.“

И богъ просвѣтленный, растроганъ глубоко,
Слова чудной грѣшницы слушалъ въ тиши,
Довольный, что встрѣтилъ подъ грязью порога
Порывъ прекрасной и чистой души.

Предъ нимъ баядерка стоитъ, какъ рабыня,
И дѣтскою радостью свѣтится взглядъ:
Въ душѣ молодой сквозь наружный развратъ
Природнаго чувства сказалась святня.
Роскошный цвѣтокъ обращается въ плодъ;
Надежда смѣнила удѣлъ безнадежный.
Для сердца отъ рабства одинъ переходъ —

Къ любви беззавѣтной и пламенно-нѣжной.
Но тотъ, кто извѣдалъ всѣ тайны судьбы,
Не кончилъ еще своего испытанья,
Готова всѣ ужасы мукъ и страданья
Для сердца прекрасной, но падшей рабы.

Къ щекамъ размалеваннымъ льнетъ онъ губами,
Она же, въ томлени любви, въ первый разъ
Трепещетъ, не выразить чувства словами,
И первыя слезы струятся изъ глазъ.
Въ избыткѣ еще незнакомаго счастья
Къ ногамъ его падаетъ молча она...
Теперь въ ней горитъ не огонь сладострастья,
Ей плата за ласки теперь не нужна...
А тѣни ночныя все гуще ложились
И, словно ихъ очи желая смежить,
Надъ ложемъ любовниковъ тихо спустились,
Чтобъ тайну любви ихъ рсвниво хранить.

Впервые уснула она въ упоеньѣ,
Ласкаясь, смѣясь съ дорогимъ пришлецомъ;
Но было ужасно ея пробужденье:
Гость милый лежалъ передъ ней мертвецомъ...
И, бросившись съ воплемъ, напрасно хотѣла
Усопшаго друга она разбудить:
Онъ мертвъ... Понесли охладѣвшее тѣло
Къ костру, чтобъ послѣдній обрядъ совершить.
Жрецы назади, погребальное гнѣнье...
Безумьемъ сверкнулъ блѣдной грѣшницы взоръ:

Толпу разсѣкаетъ она въ изступленьи,
Бѣжить... Но зачѣмъ ты бѣжишь на костеръ?

Она у носилокъ упала, рыдая,
И слышенъ далеко былъ женщины стонъ:

— „Отдайте мнѣ мужа, иль съ мужемъ туда я

„Пойду, гдѣ сгоритъ надъ могилою овъ.

„Ужели въ ничтожество, въ прахъ обратится,

„Исчезнетъ божественныхъ формъ красота?

„Ужель не раскроются эти уста?

„Одну только ночь дайте мнѣ насладиться!..“

Но хороми жрецы ей пропѣли въ отвѣтъ:

„Равно мы хоронимъ всѣхъ въ мѣрѣ отжившихъ—

„И старцевъ, для свѣта сноиъ вѣчнымъ почившихъ,

„И юношей, рано покинувшихъ свѣтъ.

„Внимай-же ученью жрецовъ: Ни минуты

„Тотъ юноша не былъ супругомъ тебѣ;

„Ты жизнь баядерки ведешь,— потому ты

„Не можешь сгорѣть съ нимъ! Угодно судьбѣ,—

„Слезами напрасно боговъ ты печалишь,—

„Чтобъ въ тихое царство могильнаго сна

„Послѣдовать вслѣдъ за супругомъ должна лишь

„Жена его только,—никто, какъ жена!..

„Сливайтесь-же трубы въ унылые звуки!

„Пусть пламя костра заблеститъ въ вышинѣ,

„И тѣло красавца, сложившаго руки,

„Вы, боги, примите въ священномъ огнѣ!..“

Такъ пѣли жрецы. Освященный вѣвками,
Законъ осуждалъ всѣхъ блудницъ на позоръ...
Тогда баядерка всплеснула руками
И бросилась въ пламя на самый костеръ.
Вдругъ чудо свершилось, незримое въ мирѣ:
Божественный юноша вспрынулъ съ одра
И вмѣстѣ съ подругой, поднявшись съ востра,
Исчезъ въ голубомъ, безпредѣльномъ эфирѣ.
Такъ боги, по благости вѣчной своей,
Всѣмъ людямъ умѣютъ прощать заблужденья
И къ дальнему небу въ огнѣ очищенья
Возносятъ съ собою заблудшихъ дѣтей.

ВЪ ТЕАТРѢ.

ДИРЕКТОРЪ, ПОЭТЪ и КОМИКЪ.

(Изъ Гете).

ДИРЕКТОРЪ.

Совѣтами вы оба иногда

Мнѣ помогать при случаѣ умѣли,
Такъ научите же, что дѣлать, господа,
Чтобъ былъ успѣхъ при нашемъ трудномъ дѣлѣ?
Чѣмъ публику привлечь? Вѣдь не легка
Подобная задача безъ сноровки...
Театръ открыть. Отъ кресель до райка
Толпа волнуется и требуетъ обновки,
Блестящаго спектакля каждый ждетъ,
А публика, — нельзя же не сознаться, —

Намъ хлѣбъ даетъ.

Конечно, угодить бы ей не трудно,
Но передѣлывать въ ней вкусъ,
По меньшей мѣрѣ, было-бъ безразсудно,

И я за это не берусь.

Хотя толпа въ искусствѣ смыслить мало,

За то начитана она ужасно стала.
Ну, какъ же тутъ завоевать успѣхъ.
Чтобъ яркостью и свѣжестью сюжета
Всѣхъ привлекать и новымъ быть для всѣхъ?
Я радъ, конечно, если до разсвѣта
У двери кассы, словно какъ потокъ,
Шумить, реветъ толпа; когда изъ-за билета
Готовы всѣ сбивать другъ друга съ ногъ,
Какъ нищѣ перо въ пекарней... Кто же
Такъ шевелить сердца народныхъ массъ,
Толпы инстинкты смутные тревожа?
Одинъ поэтъ!.. Мой другъ, на этотъ разъ
Ты выведи меня изъ затрудненья.

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, о толпѣ не говори со мной,
Она мертвитъ въ поэтѣ вдохновенья!
Вихрь жизни несдержимою волной
Приноситъ только въ пропасти сомнѣнья...
Нѣтъ, для меня доступнѣй миръ иной,
Миръ счастья среди уединенья,
Гдѣ не теряютъ дивной красоты
Любви и дружбы вѣчные цвѣты.

За тѣмъ ли наши грезы и мечтанья
Разсказывать мы станемъ иногда.
Чтобъ вызвать грубый смѣхъ иль поруганье?
Проходить часто многіе года,

Пока заблещетъ генія созданье,
Непризнанное прежде, какъ звѣзда...
Мишурный блескъ забудутъ все, конечно,
Одно прекрасное живетъ въ потомствѣ вѣчно.

КОМИКЪ.

Въ потомствѣ жить?—Покорный вашъ слуга!..
Жизнь настоящая мнѣ больше дорога.
Когда-бъ я отдался такой химерѣ,
Кто-бъ публику смѣшилъ тогда въ партерѣ?

По крайней мѣрѣ,

Я, какъ живой, жить для живыхъ хочу,

Работаю, смѣшу и хохочу,

Забывши о потомствѣ и о славѣ,

Веселый цѣлый вѣкъ,

И о себѣ самомъ, надѣюсь, думать вправѣ,

Что я не бесполезный человѣкъ.

И такъ, поэтъ, цускай ты въ дѣло разомъ

Фантазію, все страсти, чувства, разумъ,

И наконецъ—прошу не забывать—

И глупостью нельзя пренебрегать.

ДИРЕКТОРЪ.

Дѣйствительно, пренебрегать не надо.

Какъ драматургъ держись такого взгляда:

Пиши, но такъ, чтобъ зритель не дремалъ;

Одна минута скуки—ты пропалъ.

Толпа идетъ въ театръ для развлечения,

Такъ сильныя давай ей ощущенья:

На массу дѣйствуй массой сценъ, картинъ,
Разнообразныхъ дѣйствій, декораций,
И въ этомъ скрыта тайна всѣхъ овацій.
Всѣмъ по немножку дай чего нибудь... Одинъ
Въ театрѣ ищетъ страшныхъ приключеній,
Другой въ него идетъ поохотать,
Чтобъ отдохнуть отъ будничныхъ волненій.
О цѣломъ ты не долженъ хлопотать,
Но частности... вотъ въ чемъ твоя задача,
Твой неуспѣхъ или удача.

поэтъ.

Пойми же, что такое ремесло
Для честнаго художника презрѣнно!..
Иль гаерство вамъ нужно непременно?..
Вотъ до чего растлѣнiе дошло!..

директоръ.

Твои слова, мой милый, устарѣли..
Чтобъ дѣло сдѣлать съ толкомъ, господа,
Всѣ средства хороши для достиженья цѣли,
И нужно избирать для каждаго труда
Орудіе особое всегда.
Куй, говорятъ, желѣзо прямо съ пылу,
И прежде чѣмъ на вѣтеръ тратить силу,
Сообрази-ка лучше, — кто сидитъ,
Какъ зритель, въ нашей залѣ театральной?..
Обжора, потерявшій аппетитъ,
И паразитъ изъ сферы празднои, бальной.

Они бѣгутъ въ театрѣ, какъ въ маскарадѣ,
Спасаются отъ скуки пресыщенья,
И женщинъ занимаетъ ихъ нарядъ
Гораздо болѣе, чѣмъ наши представленья.
Для большинства серьезность не съ руки,
Толпа шумить, парадно разодрѣта,
Кому какое дѣло до тоски,
До идеаловъ гордаго поэта!..
Припомни же: кто ходитъ слушать васъ,
Тотъ думаетъ, забывши о спектаклѣ,
О карточной игрѣ, и въ тетъ же самый часъ
Другой, зѣвая, шепчетъ: „не дуракъ-ли,
Что здѣсь сижу! Давно пора въ танцеласъ!“

Народъ, какъ видишь, неподобенъ:
Повсюду грубость чувствъ и неразвитый вкусъ...
И для глупцовъ, для публики подобной
Ужели ты тревожить станешь музъ?..

Вѣдь это просто безразсудно...
И если ты не вовсе безтолковъ,
Намъ лучше дай побольше пустяковъ,
А иначе желать успѣха трудно...
Но что съ тобой? За правду не взыщи...

поэтъ.

Другихъ рабовъ себѣ ищи!..
Поэта высшее призванье
Не для того, чтобъ тѣшить свѣтъ
И унижаться до кривлянья...

Кто такъ всеиленъ, какъ поэтъ
Надъ робкимъ сердцемъ человѣка?
Кто всѣ стихіи покорилъ
И слезы и страданья вѣка
Въ одной груди своей вмѣстилъ?
Въ круженьи жизни безпокойной,
Неуловимой и нестройной
Чья рѣчь могучая звучитъ,
Людей съ ихъ жизнью примиряя?
Кто больше чувству говорить,
Всѣ ваши страсти усмиряя?
Кто сыплетъ вѣшніе цвѣты
Ковромъ душистымъ къ изголовью
Прекрасной, любящей четы?
Кто вѣетъ съ восторженной любовью
Въ вѣнки зеленые листы
И ими избранныхъ вѣнчаетъ?
Кто на Олимпѣ боговъ сзываетъ?
Одинъ поэтъ! Лишь только онъ
Такою властью одаренъ.

КОМИКЪ.

Власть эта скрыта въ силѣ дарованья,
Такъ докажи же творческую власть,
Любовниковъ избравъ для подражанья:

На первое свиданье

Случайно ихъ приводитъ страсть
Сближаетъ ихъ, волнуетъ постепенно

И, наконецъ,

Союзъ ихъ романическихъ сердець
Къ страданію ведетъ обыкновенно.

Передъ тобой отличная канва,
Но эта тема вовсе не нова
Для современнаго поэта.

Ему пора спуститься съ облаковъ
И въ жизни поискать достойнаго сюжета.

Характеръ каждой публики таковъ:
Она живетъ, но знаетъ жизнь такъ мало,
Что съ ней бы ознакомиться желала.

Міръ заблужденій, муки, горе, смѣхъ,
Минутный блескъ во мракъ вѣчной ночи,

Иль, говоря короче,

Все, что людей интересуеть всѣхъ,
Какъ собственной ихъ жизни отраженье,
Тебѣ даетъ канву для вдохновенья.

Будь въ творчествѣ разнообразенъ такъ,
Чтобъ юноши умѣли въ ходѣ драмы
Смыслъ находить, чтобъ каждый весельчагъ
Смѣялся отъ души отъ мѣткой эпиграммы,

И плакали чувствительныя дамы
Въ извѣстныхъ патетическихъ мѣстахъ.

Въ тѣхъ возбуждай улыбки, въ этихъ страхъ,
И весь партеръ, до зрѣлищъ очень жадный,

Весь театральнй заль,

Сольется въ гулъ восторженныхъ похвалъ,
Довольный только виѣшностью нарядной.

ПОЭТЬ.

Отдай же мнѣ тѣ времена назадъ,
Когда мнѣ жизнь казалась такъ прекрасна
И изъ груди такъ вырывался страстно
Немолчныхъ пѣсень дѣвственный каскадъ;
Когда весь міръ загадкою туманной
Въ видѣніяхъ чудесъ являлся предо мной,
И впереди мой путь земной
Дорогою лежалъ благоуханной;
Когда, бѣднякъ, я былъ богатъ вполне
Избыткомъ силъ, природой данныхъ мнѣ!
Отдай же мнѣ и счастье, и страданье,
Верни любви и ненависти дни,
И юности святныя упованья!
Мою былую молодость верни!..

КОМИКЪ.

Да, молодость, поэтъ, необходима
Для битвы съ зломъ и для борьбы съ судьбой;
Для женщины, которая тобой
Всего на свѣтѣ болѣе любима;
Для шумнаго веселья на пирахъ,
Среди забавъ, безъ горя и кручины;
Но если въ вашихъ волосахъ
Заблещутъ преждевременно сѣдины,
Поэтовъ рѣчь тогда намъ дорога,
Когда она правдива и строга...
Тогда вашъ трудъ есть общее наслѣдство,

Тогда почтимъ мы ваши имена...
Нѣтъ, старость насъ не обращаетъ въ дѣтство,
Но вѣчно юными насъ заставать должна.

ДИРЕКТОРЪ.

Всѣ споры въ этомъ случаѣ напрасны,
Мы лучше прямо къ дѣлу перейдемъ.

Во-первыхъ, разберемъ,
Въ чемъ межъ собой мы несогласны.
Во взглядѣ на искусство, господа?
Но это разногласье не бѣда:

Пусть поэтъ останется поэтомъ,

А мы — при мнѣннн этомъ,

Что для толпы текущихъ нашихъ дней

Варить напитокъ нужно похмѣльннй,

Какъ средство вѣрное отъ скуки.

И ты, поэтъ, что хочешь намъ пиши, —

Тебѣ на то и книги въ руки, —

Лишь были бъ только барыши;

А я спектакль устрою ловко,

Кулисъ наставлю и машинъ,

Готова будетъ въ день одинъ

Какая хочешь обстановка.

Въ изображеннн чудесъ

Свободенъ будь, поэтъ любезный,

Спускайся въ адъ, пари надъ бездною,

Иль возвышайся до небесъ.

ЛѢСНЯ ПРОЛЕТАРІЯ.

Отъ жалобъ жизнь не станетъ краше,
И я молчу подъ гнетомъ бѣдъ.
Какъ вы живете — дѣло ваше,
Какъ я живу — вамъ дѣла нѣтъ.

Что всѣхъ волнуетъ и тревожитъ,
Меня не можетъ волновать,
И обокрасть никто не можетъ,
Затѣмъ, что нечего украсть.

Въ работѣ лѣзу я изъ кожи;
Какъ закалившійся булатъ,
Еще я крѣпокъ... ну, такъ что же? —
Крѣпка тюрьма, но кто ей радъ?

Живу, куда есть снаровка,
Не то — бѣду поправлю вдругъ:
Найдется добрая веревка
И на стѣнѣ хорошій крюкъ.

ЗАОЧНОМУ ДРУГУ!

Заочный друг! чтобъ счастье было прочно,
Прошу тебя, со мной ты встрѣчи не ищи,
Ты лучше продолжай любить меня заочно
И о желаніи увидѣться—молчи.
За встрѣчею придуть, быть можетъ, къ намъ печаль,
Раскаянье, иль ненависть враговъ...
Довольны мы, пока другъ друга не встрѣчали:
Вѣдь люди и боговъ за то лишь почитали,
Что никогда не видѣли боговъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ.

Природа манитъ всѣхъ къ себѣ, но какъ?
По своему глядятъ всѣ на щедроты неба...
Въ лѣсу густомъ сошлись—богатый весельчакъ,
И нищій, безъ угла, безъ паспорта и хлѣба.
Невольнo странники замедлили свой путь,
Увидя пышный лѣсъ, но думали различно:
Одинъ— „ахъ, здѣсь въ лѣсу отлично отдохнуть!“
Другой— „ахъ, здѣсь въ лѣсу повѣситься отлично!“

---

*
*

Когда вдруг воцаряется молчанье
Над обществом, то это вѣрный знакъ
(Какъ дѣлаютъ иныя замѣчанья),
Что родился на бѣлый свѣтъ дуракъ.
Но можно ль согласиться съ этимъ строго?
Зачѣмъ мы предъ собою станемъ лгать:
Въ мѣрѣ дураковъ рождается такъ много,
Что цѣлый вѣкъ пришлось бы всѣмъ молчать.

---

* * *

Избытокъ страданья и счастья всегда
Равно тяжелы, милый другъ;
Чрезмѣрное счастье въ иные года,
По моему хуже всѣхъ мукъ.

Ты знаешь, какъ солнце люблю я весной,
Безъ солнца не веселъ мнѣ день,
Но въ жгучее лѣто, въ полуденный зной,
Бѣгу я въ прохладную тѣнь.

Въ тебѣ слишкомъ много любви и огня,
Но вѣрь, моя милая, мнѣ:

Немножко поменьше люби ты меня

И буду я счастливъ вполне.

АНТИПОДЫ.

(А. В. В—ВУ).

Я расхожусь во всемъ съ тобой,
И какъ люблю тебя—не знаю!
Доволенъ ты своей судьбой,
Свою судьбу я проклинаю.

Ты вѣришь людямъ, ихъ словамъ,
А я повѣрю лучше звѣрю,
За то, что, человекъ я самъ,—
Я и въ себя давно не вѣрю.

За демократа ты слывешь,
Хотя въ душѣ ты баринъ все же,
А я испытываю дрожь
Отъ демократовъ въ барской кожѣ.

Я неживчивъ, кротокъ ты,—
Съ тобой мы люди разной кости,—
Ты часто золь до доброты,
Я постоянно добръ до злости.

Твои всѣ мнѣнья таковы,
Что цензора не будутъ хмуры,

А я отъ ногъ до головы
Нелажу съ мѣркою цензуры.

Ты вѣренъ женщинамъ одной,
Хотя твой бытъ семейный скверенъ,
Я всюду принять, какъ родной,
И многимъ женщинамъ невѣренъ.

Не скажешь глупости ты ввѣкъ
И это глупо очень, право,
А я, какъ умный человѣкъ, —
Дурачусь влѣво и направо.

Ты любишь жизнь, но я боюсь,
Что ты застрѣлишься, мой милый,
Я жъ потому не застрѣлюсь,
Что не дрожу передъ могилой.

МОИ ГРѢХИ.

Лишь только память разшевелишь, —
Припомнишь все, какъ жизнь прошла.
Я въ жизни сдѣлалъ много зла...
Но только самому себѣ лишь.

Я не умѣлъ искусно лгать,
Хотя завидно то искусство,
Но могъ пріятеля прижать...
Къ своей груди въ избыткѣ чувства.

Я презиралъ всѣхъ оргій гуль,
Не походилъ на забіяку,
И даже спину часто гнулъ...
Когда кормилъ свою собаку.

Составить круглый капиталъ, —
Имѣлъ всегда такую страсть я,
И — признаюсь вамъ — взять и брать...
Когда возло мнѣ въ картахъ счастье.

Въ дни юности я вспыльчивъ былъ;
Мнѣ скажутъ дерзость — вспыхнутъ уши,

Я не владѣлъ собой и билъ...
Нерѣдко въ жизни билъ баблуню.
Въ семьѣ моей былъ сущій адъ;
Жена однажды расхворалась
И я тогда былъ очень радъ...
Когда она въ живыхъ осталась.
Боюсь друзей, какъ и враговъ,
(Людская дружба—та же ноша)
Я не платилъ своихъ долговъ...
За тѣмъ, что въ долгъ не бралъ ни гроша.
О, вольнодумство! Много слезъ
И мукъ мнѣ стоило всегда ты!..
Однажды, помню, я донесъ...
Больную нищенку до хаты.
Друзья! Сорваться съ вашихъ губъ
Насмѣшка горькая готова.
Скажите прямо: онъ былъ глупъ!
И будетъ вѣрно ваше слово.
Когда въ гробу я кончу вѣкъ,
Пускай друзья восклинутъ дружно.
„Онъ былъ преглупый человекъ!“
Мнѣ похвалы иной не нужно.
Я говорю не наобумъ
И убѣжденія не скрою,
Что въ дуракахъ бываетъ умъ
И глупы умники, порою.

МАМАША.

Милыя дѣти! Вашъ домъ
Пышенъ, — въ немъ полная чаша;
Добрая ваша мамаша
Въ немъ не подниметь содомъ;
Кротость — въ случайномъ привѣтѣ
И въ выраженіи глазъ...
Все же скажу я про васъ:
Бѣдныя дѣти!

Моды одной новизна
Ей замѣняетъ занятія:
Новая выкройка платья,
Новый романъ — и она
Бабочкой носится въ свѣтѣ
Иль, отогнавши васъ прочь,
Дроза читаетъ всю ночь...
Бѣдныя дѣти!..

— „Какъ это жить безъ труда“?
Мелькомъ замѣтилъ ей кто-то, —
Тотчасъ пришла ей охота

Дѣломъ заняться тогда.
Вздить за дѣломъ въ каретѣ,
Ищеть работы все дни,
Дѣти жъ одни да одни...

Бѣдныя дѣти!

Дали ей нѣсколько книгъ
Для переводовъ... Бѣдняжка!
Ошеломилъ ее тяжело
Собственный русскій языкъ.
Листъ за листомъ въ кабинетѣ
Съ плачемъ она перерветъ
И—за молитвой пошлетъ...

Бѣдныя дѣти!

Въ школѣ дѣтей обучать
Вдругъ въ ней желанье родилось:
Въ школѣ она появилась
Раза четыре или пять,—
Но посѣщенія эти
Скоро наскучили... Дѣнь
Переродилась въ мигрень...

Бѣдныя дѣти!

Вскорѣ прекрасную мать
Сильно смутили спириты;
Были ей тайны открыты
Тѣни людей вызывать...
Скрипнеть доска на паркетѣ,

Подъ поломъ мышь пробѣжить:

— „Это вѣдь духъ“! говорить...

Бѣдныя дѣти!

Новый капризъ взбрелъ на умъ
И съ увлеченьемъ всегдашнимъ
Стала къ спектаклямъ домашнимъ
Шить она новый костюмъ;
Бредить о роли въ „Гамлетѣ“,
Хочетъ въ Офелии пѣть...

Ей-ли за вами смотрѣть,

Бѣдныя дѣти!

Утромъ съ портнихой слѣдить —

Въ пору ей платье пришлось-ли;

На репетиціяхъ послѣ

До ночи роли твердить...

Грезить о пышномъ букетѣ

Въ день представленья, а васъ

Гонить, капризница, съ глазъ,

Бѣдныя дѣти!

Милая мать! День деньской

Жизнью играешь ты смѣло,

Ищешь какого-то дѣла,

Дѣло жъ твое — подъ рукой.

Вслушайся ты: на разсвѣтѣ

Шепчуть въ младенческомъ снѣ

Имя твое въ тишинѣ

Бѣдныя дѣти!

Дѣтская ихъ колыбель
Такъ одинока... забыта...
Вотъ для тебя гдѣ открыта
Въ жизни высокая цѣль:
Матерью будь имъ на свѣтѣ,
Чтобъ не могли мы сказать:
„Бѣдная, жалкая мать!
Бѣдныя дѣти“!

Хорошіе люди.

Надъ всѣми глупцами, забытыми явно,
Надъ всѣми, кто явно обиженъ судьбой,
Смѣяться открыто едва-ли забавно,
А въ бой вызывать ихъ... какой съ ними бой?
Имъ всѣмъ откровенно прощаю грѣхи я
Со всѣмъ недочетомъ убогихъ идей...
Нѣтъ, право, не страшны намъ люди плохіе,
Бояться должны мы „хорошихъ людей“.

Хорошія фразы, хорошія книжки
Они постоянно хранятъ на показъ,
Чтобъ послѣ обдѣлывать ловко дѣлишки
При помощи этихъ и книжекъ и фразъ.
Хорошая мысль стала нынче ловушкой,
Туманомъ для многихъ не зоркихъ судей,
Удобнымъ нарядомъ, доходной гремушкой
Въ рукахъ одного изъ „хорошихъ людей“.

Одинъ изъ „хорошихъ людей“ рысачками
На улицѣ васъ не задавить, — ничуть; —
Подобныхъ нахаловъ онъ самъ, хоть стихами

Изъ старой газеты, вамъ можетъ ругнуть.
Но если, гдѣ нужно, готовъ онъ изъ мести
Явиться одной изъ такихъ лошадей
И словно рысакъ васъ раздавить на мѣстѣ
Одинъ изъ подобныхъ „хорошихъ людей“.

Жмутъ нищему руки „хорошіе люди“,
Онъ имъ безопасенъ... Какой же въ томъ трудъ?
Но тѣхъ, кто отпоръ имъ дастъ въ дикой причудѣ,
Они, коль успѣютъ; такъ просто прижмутъ.
Въ семьѣ голосить либералишка узкій,
Что деспотъ отецъ въ наше время злодѣй,
Но дочь вышла замужъ тихонько,—кутузкой
Грозить ей одинъ изъ „хорошихъ людей“.

Кричитъ онъ повсюду, что бѣднымъ жить худо,
Въ ихъ пользу прочтеть онъ, на это гораздъ,
Хоть „Пѣснь о рубашкѣ“ изъ Томаса Гуда,
Но только рубашки своей не отдастъ.
Карьеру начнетъ онъ—по разнымъ вопросамъ
Статейкой съ приправою модныхъ идей,
А кончить карьеру хорошимъ доносомъ
Одинъ изъ подобныхъ „хорошихъ людей“.

Съумѣетъ онъ, болуясь въ нѣгѣ и въ холѣ,
Аттической солью смутить разный сбродъ,
А дѣло коснись государственной соли,
Казенную соль онъ другой предпочтетъ.
Но къ грязнымъ насильямъ, кривливымъ дебошамъ

Прибѣгаютъ едва-ли такой лиходѣй:
Привыкъ очень къ лоску, къ манерамъ хорошимъ
Одинъ изъ подобныхъ „хорошихъ людей“.

„Хорошіе люди“ проникливы, юрки,
Ползутъ къ намъ отвсюду, изъ разныхъ щелей;
Какъ змѣи бросаютъ дорогою шкурки
Толпы ренегатовъ, вликушъ и вралей. M
Мы видимъ ихъ въ каждомъ журнальномъ гудѣ,
Въ рѣчахъ публицистовъ и старыхъ судей,
И было бы лучше, когда бъ межъ людей
Порѣже являлись „хорошіе люди“.

МИРНЫЕ ГРАЖДАНЕ.

За миръ мы стоимъ постоянно,
Миръ — это всеобщій кумиръ,
А все же, какъ это ни странно,
Какъ владѣ не дается намъ миръ.
Воинственный духъ не ослабитъ
Ничто въ насъ — ни воля, ни гнѣтъ.
Взгляните вы взадъ и впередъ:
Когонибудь гдѣнибудь грабятъ,
Когонибудь кто anybody бьетъ.

* *
*

На дняхъ я былъ въ обществѣ. Въ залѣ
За чайнымъ столомъ, при огнѣ,
Понятно, что мы толковали
О пруско-французской войнѣ.
Все было межъ нами различно:
Понятя, лѣта и чины,
Но всё разсуждали отлично,
Согласно, гуманно, прилично,
Какъ слѣдуетъ, противъ войны.

* *
*

Чиновникъ, имѣющій шатренъ...
На биржѣ разжиться, тогда
Сказалъ громогласно намъ: — „Да!

Война разоряетъ финансы...
Я противъ войны, господа!..“

Жена его, блѣдная дама,
Съ флакончикомъ спирта всегда,
Вздыхала: „Ахъ, это бѣда!

Ужасно! Кровавая драма!...
Я противъ войны, господа!..“

Бурбонъ, возмѣщавшій сначала,
Что ромъ такъ слабъ, какъ вода,
Воскликнулъ: „Война — ограда;

Безъ войны люди дохнуть не могутъ...
Я противъ войны, господа!..“

Съ моноклами два лицезета,
Два юные члены бѣда,
Кричали: „Не тѣ ужь года!

Война — это варварство чисто!
Мы противъ войны, господа!..“

Газетный крикунъ очень жарко
Высчитывалъ сумму вреда
Войны: „Хоть я врагъ навсегда

Дум Бонапарта; Виенарка,
Но противъ войны, господа!

„Любитель“ театра Лёснаго,
Играющій слугъ иногда,
Артистъ, и туда и сюда,
Намъ тоже сказалъ свое слово:
„Да здравствуетъ миръ, господа!“

Какъ мирный поэтъ, безъ сомнѣнья,
Я миръ проповѣдывалъ самъ.
Мы всѣ разошлись въ умиленъ
Бъ двѣнадцати равно часамъ
Съ радужнаго, дачнаго пирра,
Все выпивъ — лафитъ и коньякъ.
Но всѣ эти „граждане мира“
Не кончили вечера такъ.

Газетный крикунъ до разсвѣта
Ругательный пасквиль писалъ;
Два друга лицейскіе гдѣ-то
Свершили въ трактирѣ скандалъ;
Бурбонъ, послѣ толковъ о мирѣ,
Поѣхалъ въ Демидовскій садъ,
И въ спорѣ кушца изъ Сибири
Ударилъ хлыстомъ, говорятъ.

Чиновникъ съ женою не кстати
Подрался, что слышалъ сосѣдъ,
И ночью съ двуспальной кровати
Отправился спать въ кабинетъ.
Артистъ монологъ изъ Гамлета
Выкрикивать съ площади сталъ,
Съ хозяиномъ сѣвнился за это
И ночь всю въ участіе проспалъ.

* * *

Такъ бога раздоровъ и брани
Казнить прогрессивный нашъ клиръ,
Такъ „мирные“ наши граждане
Тенерь проповѣдуютъ „миръ.“

НАШИ РАЗГОВОРЫ.

(Сцены съ натуры).

(Дѣйствіе происходитъ въ разныхъ залахъ одного изъ столичныхъ клубовъ. Постоянно сменяющіяся группы публики.)

I. Въ концертной залѣ.

ТЕТЯ.

Жарь, духота!.. Хоть спѣлъ бы ктонибудь!..

Здѣсь, кажется, концерты по субботамъ?

ПЛЕМЯННИЦА.

Да, тетенька...

ТЕТЯ.

Болтали вы чего тамъ

Съ той барыней, что такъ раскрыла грудь,

Безстыдница, что совѣстно взглянуть?..

Ну-съ, говорите, ну-те, ну-те...

И кто такой вертлявый этотъ франтъ?

ПЛЕМЯННИЦА.

Мы съ ней въ одномъ учились институтѣ,

А съ нами говорилъ кузень ея, ma tante.

ЮНОША СЪ КРИВЫМЪ НОСОМЪ.

Вы, кажется, здѣсь не были на слѣзѣ?

ПЛЕМЯННИЦА.

Нѣтъ, не была.

ЮНОША.

Жаль. Вечеръ удался.

ТЕТЕА *(на ухо племянницѣ)*.

Будь разговорчивѣй. Мужчины вѣдь не волки...

При теткѣ язычекъ, посмотришь, отнялся!

ЮНОША.

Сегодня общій столъ здѣсь и на ужинѣ

Не нуженъ ли билетъ вамъ?

ТЕТЯ *(торопливо)*.

Нуженъ, нуженъ!

Пожалуста, доставьте...

ЮНОША.

Tout suite.

Графъ Кислогубовъ громко звааетъ возлѣ полной дамы.

ДАМА.

Скучаетъ графъ, иль на кого сердить?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, скука доканала...

Ее съ собой возилъ я до канала

Суэскаго и вновь съ собой привезъ...

ДАМА.

Счастливецъ! Вѣроятно, вамъ пришлось

Съ императрицею Евгеніей встрѣчаться?

ГРАФЪ.

Да, много разъ.

Я подарилъ ей даже „Тарантасъ“,
И съ нею привелось однажды мнѣ купаться...
Тамъ вѣдь не то, что на Руси у насъ:
Купаются тамъ оба пола вмѣстѣ
Въ особенномъ нарядѣ — и, по чести,
Я уважать обычай тотъ привыкъ.

ДАМА.

Ви, графъ, по прежнему, еще большой путешень.

ГРАФЪ.

Близъ васъ я постоянно вѣв законовъ
Своей хандры... Да, кстати, васъ цѣня,
Вамъ новость передамъ, отъ вѣвкъ еще салоновъ
Покажѣтъ, какъ секретъ, се храня (*возвышая
голосъ*):

Комедию я кончу въ два въ три дня —
Такою, что когда узнаетъ Гедеоновъ,
То оторветъ съ руками у меня.

нѣкто (*сзади другому*).

Вдвойнѣ успѣлъ! Какъ видишь, занялъ даму
И самъ себѣ проговорилъ рекламу!

РАСПОРЯДИТЕЛЬ КОНЦЕРТА.

Ну, спойте что нибудь... Пѣтъ некому...

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА.

Merci!..

Буда какъ весело пѣвицейъ быть запасной!..

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Да что съ артистами подвлаешь? Проси.

Пороги обивай у нихъ, несчастный...

Поутру слово честное возьмешь

Здѣсь непременно быть и, что жь? —

Пошлешь за ними вечеромъ карету,

Глядишь — больны, иль просто дома нѣтъ.

Ну, спойте же!..

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА.

Я въ платьѣ не такомъ...

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Пить станете не платьемъ, изыскомъ...

МУЖЪ ЛЮБИТЕЛЬНИЦЫ.

Помилуйте!.. Нельзя въ такомъ нарядѣ

Предъ публикой являться на астрахѣ...

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Охъ, эти мнѣ мужья ревнивые... (*увидя дру-
гую любительницу*). Ва! ба!..

Мнѣ посылаетъ васъ сама судьба!..

Родная, поиграйте на роялѣ,

Спасите!.. Слышите: шумѣтъ ужъ стали въ задѣ!..

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА 2-я.

Да я съ собой не захватила нотъ...

РАСПОРЯДИТЕЛЬ.

Что-жъ дѣлать мнѣ?

СЪ ДНЯ БУКИ.

Послушайте-ка, вотъ

Мой внучек здѣсь, — вы стеклышко-то вдѣньте,
Чтобъ разсмотрѣть, — ему восьмой годокъ,
Но онъ бы славно могъ
Сыграть вамъ что нибудь на инструментѣ
Изъ этой оперы... какъ бишь ее, дружокъ?..

МАЛЬЧИКЪ.

Изъ Норин, бабушка...

СВѢДЯ ВУКЛИ.

Да, да, изъ этой Норин.

РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*мальчику*).

Пойдемте же... Произведемъ фуроръ мы...

МАЛЬЧИКЪ (*испугавшись*).

Но я порѣзалъ палець (*испугавшись*), я боюсь...

РАСПОРЯДИТЕЛЬ (*съ отчаяніемъ*).

Я, кажется, сквозь землю провалюсь

Отъ вечеровъ въ подобномъ родѣ...

Въ нашъ вѣкъ нельзя повѣрить никому...

Теперь прочесть придется самому

Ромео молодого въ Катковскомъ переводѣ,

Онъ, благо, нынче въ модѣ...

(На эстраду привносятъ столикъ и двѣ свѣчки для чтенія.
Публика, замѣтивъ это, начинаетъ уходить изъ залы).

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

— А, чтеніе!.. Ну, вечерокъ опять!..

Пусть слушаютъ, кому дремать вдоволь...

— Довольно намъ и одного Сѣрова,

Чтобъ спать на лекціи и въ ужину вставать.

II. Въ гостиной.

РЫЖІЯ ВАНИ.

Вчера не васъ я встрѣтилъ въ маскарадѣ?

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ СУПРУГЪ.

Моя жена не ѣздитъ въ маскарадъ.

ЖЕНА (*тихо*).

Молчите, Бога ради!..

Я тамъ была... (*Громко*) Помилуйте, наврядъ

Порядочная женщина рѣшится

Въ публичномъ маскарадѣ появиться.

ДЛИННЫЙ ШЛЕЙФЪ.

Вы видѣли?

ТАКОЙ ЖЕ.

Еще бы!..

ДЛИННЫЙ ШЛЕЙФЪ.

Что за срамъ!..

Одна, безцеремонно ходить въ задъ!..

Мой мужъ здѣсь членъ, — ему я передамъ,

Чтобъ въ клубъ сюда актрисъ не допускали...

Нельзя же такъ третировать всѣхъ дамъ!..

ВО ФРАЗЪ.

Вы ужинать оставетесь?

ЧЕРНЫЙ ШИВЪОНЪ.

Покуда

Старикъ мой не увидитъ — ни гу-гу!..

• Потомъ меня отсюда
Вѣдь вы домой проводите? •

ВО ФРАКЪ.

Могу!..

ХУДОЖНИКЪ.

Задумаль я картину...

ДРУГОЙ.

Дѣльно это!..

ХУДОЖНИКЪ.

Нѣтъ только одного...

ДРУГОЙ.

Чего же?

ХУДОЖНИКЪ.

Нѣтъ сюжета,

За то костюмъ есть княжескій вполне;

Я даже сшилъ своей женѣ

Костюмъ боярскій тоже...

Я очень склоненъ къ русской старинѣ...

Недостаетъ сюжета только мнѣ...

ДРУГОЙ.

Любезный другъ, я лѣзу самъ изъ кожи,

Я самъ ищу сюжета цѣлый годъ...

РАЗВЯЗЫЙ (*генералу*).

И вы не вѣрите?

ГЕНЕРАЛЬ.

Болтаетъ вздоръ народъ!

Вотъ, напрямѣръ, здѣсь распустили слухи,
Что врачъ одинъ оставилъ губку въ брюхѣ
Своей больной!.. Какъ губка попадетъ,
Подумайте вы сами, къ ней въ животъ?
РАЗВЯЗНЫЙ.

Но это—фактъ, и будетъ вамъ понятно...
ГЕНЕРАЛЬ (*безъ апелляци*).

Всѣ врутъ теперь и устно и печатно,—
Одинъ Михаль Никифорычъ не вретъ!..

III. Въ столовой.
ГОЛОДНЫЙ И ТАНЦОРЪ.

Эй, человекъ! Бутылку редерера!..

Постой бѣжать, постой,—одинъ вопросъ:
Что есть у васъ для ужина?

СЛУГА.
Есть все-съежденъ!
ГОЛОДНЫЙ.

Такъ рябчиковъ давай.

СЛУГА.
Сейчасъ два офицера
Последняго изволили спросить.

ГОЛОДНЫЙ.
Такъ ростбифъ есть, котлеты, можетъ быть?

СЛУГА.
Нѣтъ, никакъ нѣтъ-съ... Отъ васъ ужь я не скрою...

ГОЛОДНЫЙ.

Что жь есть у васъ? Съ миняной любедь!

СЛУГА.

Есть буттерброды съ паусной икрою...

ГОЛОДНЫЙ.

Ну, двлать нечего, неси хотъ ихъ сюда.

IV. Въ библиотекѣ:

Нѣтъ никого. Двѣ пары шпоръ приходятъ покурить.

ПЕРВАЯ ПАРА (*заглядывая въ газету*).

Послушай... телеграмма... посмотри-ка:

ВТОРАЯ ПАРА (*читаетъ*).

Депеша изъ Парижа... Въ ночь... эге!..

Скончался эмигрантъ привзжій Г...

Какъ это дико!

А? Держать на какой себя ногъ!..

Тамъ о какомъ-то жалкомъ разночинцѣ

Телиграфируютъ, какъ о наследномъ принцѣ *.)

V. При развѣздѣ.

ЖЕНА.

Жоржъ, пригласи скорѣй на четверги

Со мною танцовавшяго брүнета.

---

*) Разговоръ, списанный прямо съ природы въ одномъ изъ здѣшнихъ клубовъ.

МУЖЬ.

Объ этомъ ты и думать не могли!
Онъ, кажется, въ газетѣ пишетъ гдѣ-то.

ЖЕНА.

О, нѣтъ, мой cher!..

МУЖЬ.

Ну, такъ чиновный фатъ!

ЖЕНА.

О, нѣтъ, мой другъ, онъ просто—адвокатъ,

МУЖЬ.

Онъ адвокатъ? давно бы ты сказала...
Я каждый день жду клеветъ или скандала.
Судь новый по рукамъ и по ногамъ
Связалъ насъ всѣхъ!.. *(подаетъ послѣднему
свою карточку).*

Прошу по четвергамъ!.. *(жестъ тихо).*

Ты, душенька, его бы приласкала...

VI. Въ швейцарской.

Аяксъ I.

Отъ здѣшней скуки намъ и поразвлечься надо...
Не вѣхать ли, мой милый, въ Эльдorado?..
Какъ Репетиловъ, я забылъ съ досады сонъ.

Аяксъ II.

Нѣтъ, нѣтъ, въ постель! И помни, съѣвши въ сани,
Что Репетиловъ нынѣшнихъ временъ,
Когда домой не вѣдетъ съ бала онъ,
Въ Москву отправится, пожалуй, въ чемоданѣ.

Фискаль,

Sic transit gloria mundem.

Съ разстройствомъ въ головѣ
Давно, — лѣтъ десять будетъ, —
Доносить, рядить, садить
Фискаль одинъ въ Москвѣ.
Онъ менется въ принадлежъ
Безумства, — но ни въ комъ
Однако нѣтъ догадки,
Что онъ въ бреду такомъ
Шалѣтъ съ каждымъ разомъ...
Въ разсудкѣ кутерьма...
Перо мокая въ разумъ,
Фискаль сошелъ съ ума.

Фискаломъ сонъ еще
Начавъ карьеру, сталъ
Работать, какъ фискаль
Изъ выгоды онъ вскорѣ
И, тронувшись умомъ,
Онъ такъ вошелъ въ фискальство,
Что даже и начальство

Рѣшило: „Въ желгнй домъ
Онъ годенъ по проказамъ;
Богъ вѣсть, творить, что сталь!..“
Перо макая въ разумъ,
Съ ума сошелъ фискаль.

Забившись гдѣ-то въ уголь,
Онъ видитъ на Руси
(Господь его спаси!)
Кавихъ-то красныхъ пугаль.
Онъ чуетъ всюду тамъ
Маратовъ, Робеспьеровъ...
(Не первый изъ примѣровъ:
; Чай, пилъ не по лѣтамъ!..“)

Фискаль кричитъ съ экстазомъ:
— „Позоръ для нихъ, тюрьма!..“
Перо макая въ разумъ,
Фискаль сошелъ съ ума.

Когда подчасъ на балѣ
Явившійся фискаль
Увидитъ, что тотъ балъ
Мазуркой заключали,
Онъ крикнетъ, ставъ на стулъ
(Дрожи, танцоровъ лига!):
— „Здѣсь польская янтрига!..
Избѣна! Караулъ!..“
Мигни-ка кто тутъ глазомъ,
Онъ стражу бы позвалъ...

Перо макая въ разумъ,
Съ ума сошелъ фискаль.

Скажи-ка кто печатно,
Что „давить мухъ наукъ“,
Онъ разразится вдругъ
Доносомъ, вбродно?
— „Смысль этой фразы взвѣсь!“
Взреветъ фискаль безпутный:
„Надъ властью абсолютной
Насмѣшка скрыта здѣсь!“
Къ невиннымъ самымъ фразамъ
Пристанеть, какъ чума...
Перо макая въ разумъ.
Фискаль сошелъ съ ума.

Для всѣхъ великоруссовъ
Отличный въ немъ урокъ:
Московский нашъ Видокъ,
Сводя съ ума всѣхъ трусовъ,
Рехнулся самъ теперь;
Въ своемъ недугѣ злѣйшемъ,
Рыча, какъ лютый звѣрь,
Онъ равень сталъ съ Корейшемъ.
Намъ жаль его весьма,
Хоть онъ и былъ пролазомъ...
Перо макая въ разумъ,
Фискаль сошелъ съ ума.

СЕЗОНЪ

Отрывки из поэмы.

(Памяти В. А. Лядовой).

I.

Инстинктамъ массы потакая,
Въ моей поэмѣ съ первыхъ словъ,
Могла-бъ картина быть такая:
Слегка приподнятый альковъ
Скрываетъ ложе... Чуть мелькая,
Горитъ фонарь... Для старичковъ
Милѣй стиховъ такая проза
У Боборыкина и Дроза.

II.

Въ нашъ вѣкъ сошла стыдливость въ гробъ;
При каждой шуткѣ плоской, сальной
Мы позабыли хмурить лобъ
И, нѣкогда поэтъ опальный,
Нашъ Дю-Террайль (*)—творецъ „Трущобъ“

(*) Одинъ изъ безобразнѣйшихъ французскихъ романистовъ, авторъ «Психоденій Рокамболя» и проч.

*

Имѣль успѣхъ (успѣхъ печальный!)
Собравшемъ дикихъ небылицъ
Въ деревняхъ и среди столицъ.

III.

Въ нашъ вѣкъ балетнаго прогресса
Среди романовъ, оперъ, драмъ
Декольтированная пресса
Эроту курить омиамъ;
Упала съ скромности завѣса
И все, что прежде мнѣ и вамъ
Тихонько на ухо шептали.
Вы нынче встрѣтите въ журналѣ.

IV.

Барая будто бы порокъ,
Поэтъ цинизмомъ заразился,
Завѣтный фиговый листокъ
Съ стыдливой статуи свалился;
Въ любую повѣсть съ первыхъ строкъ
Писатель русскій умурился
Хашишъ особенный всыпать
И кровь и нервы раздражать

V.

Читатель! Я, какъ на бѣду,
Всего пугаюсь, что „скоромно“,
О спальняхъ рѣчи не веду

(Иль нѣтъ иныхъ сюжетовъ, словно?)

А если въ спальню попаду—

Молчу объ этомъ очень скромно

И тайны нѣкоторыхъ дамъ

На судъ всеобщій не отдамъ:—

VI.

Хотя у насъ и въ нравахъ это,

Что можно видѣть круглый годъ:

Любая русская газета

Иль псевдонимъ, порой, сорветъ,

Иль, подбирая сплетни гдѣ-то,

Ихъ въ журналистику несетъ...

Родъ пасквилянтовъ плодотворенъ:

Булгаринъ мертвъ, но живъ Суворинъ.

VII.

Я буду скромень, хоть подчасъ

И расшалоюсь,—чего не скрою;—

Я, принимаясь за рассказъ,

Перехожу къ его герою

Безъ эротическихъ прикрасъ

И, вѣрный новой жизни строю

(Въ деталяхъ я не погрѣшу)

Вамъ героиню опишу.

VIII.

Она — начну я съ героини —
Знакома, вѣрно, вамъ она:
Ее могли вы видѣть нынѣ
На бенефисѣ Бурдина,
Въ „La belle Hélène“ и въ Лоэнгринѣ,
Въ домахъ, въ каретѣ у окна,
Въ гостинодворскихъ корридорахъ,
Иль въ окружномъ судѣ на хорахъ.

IX.

Она является вездѣ,
Куда-бъ молва ни призывала:
Она Ливанова въ судѣ
Своей улыбкой поощрала
И голодающимъ въ бѣдѣ
Гроши отъ тысячъ удѣляла,
Потративъ, впрочемъ, свой бюджетъ
На примадоннѣ и корд'балетъ.

X.

Забывъ душевную тревогу,
Подъ часъ, быть можетъ, изъ причудъ,
Она читаетъ понемногу
Все то, что въ лавкѣ ей дадутъ:
„Фонарь“ Рошфора, „Въ путь-дорогу!“
„Кто виновать?“, „Всемирный трудъ“,

И ей—я знаю—Вольфъ Маврикій
Романовъ продалъ складъ великій.

XI.

Она капризна, молода,
Нужна ей въ прихотяхъ свобода;
Она измѣнчива всегда,
Какъ петербургская погода:
То либеральна иногда,
Коль допускаетъ это мода,
То „Вѣсти“ внемлетъ, какъ раба,
То ей же вслѣдъ кричить: à bas!..

XII.

Она ведетъ себя не строго:
Ей скученъ каждый гражданинъ
Съ суровой рѣчью демагога...
Теперь на „выставкѣ картинъ“
Ея портретовъ очень много,
Но сомнѣваться нѣтъ причинъ,
Что я списалъ черты гражданки
Въривъ Жюдейки и Зорянки.

XIII.

Конечно, робкій карандашъ
Я опускаю тамъ несмѣло,
Гдѣ портретистъ извѣстный нашъ —

Маковский видитъ „суть“ и дѣло,
Изображая, какъ пейзажъ,
Вакханки розовое тѣло:
Въ моемъ портретѣ быть должна
Нагая истина одна.

XIV.

Кто жъ героиня? По портрету
Узнать ее—великъ-ли трудъ?
Узнали? Героиню эту
Россійской публикой зовутъ
И, склонный къ пылкому памфлету,
Иду я въ общество, гдѣ ждуть
Всѣ наши фарсы, наши драмы
И похвалы и эпиграммы.

I.

О, публика! Тебя пѣвцы
Нерѣдко сфинксомъ называли,
Но всѣ парнасскіе лъстецы
Едва-ли только сознавали,
Что ихъ слова (о, вы, лжецы!)
Полны ироніи печали,
Что въ ихъ сравненіи слышна
Насмѣшка горькая одна.

II.

На дняхъ лишь сфинкса изваянье
Я вновь увидѣлъ надъ Невой...
Въ гранитъ застывшее преданье,
Звѣрь грозный съ женской головой!
Твоей фигуры очертанье
И силуэтъ недвижный твой
Припомнилъ мнѣ въ одно мгновенье
Пѣвцовъ наивное сравненье.

III.

О, публика! Ты сфинксъ для насъ!
Я вторю самъ, поэтамъ вѣря:
Твой взглядъ — героглифъ для массъ;
Глубь помысловъ твоихъ не мѣря,
Въ тебѣ мы видѣли не разъ,
И женскій взоръ, и когти звѣря,
И въ сердцѣ каменномъ твоёмъ,
Какъ въ сфинксѣ, спитъ все мертвымъ сномъ.

IV.

Мы предъ тобою лицемѣримъ,
Бредя житейскою тропой,
Но мы въ любовь твою не вѣримъ,
Не вѣримъ въ твой восторгъ слѣпой:
Полу-женой и полу-звѣремъ,
Какъ сфинксъ, стоишь ты предъ толпой

И безъ слѣда, какъ сновидѣнья,
Передъ тобой мелькають мнѣнья —

V.

Путеводителей твоихъ.
Какъ дымъ, теряется безслѣдно
Могучій, вдохновенный стихъ,
Гремѣвшій нѣкогда побѣдно:
Минута — и восторгъ твой стихъ
И скучно кажется и блѣдно
Тебѣ все то, съ чего сама
Вчера сходила ты съ ума.

VI.

Твои кумиры съ пьедестала
Глядѣли... Гдѣ-жъ они теперь?
Ты ихъ, какъ женщина, мѣняла,
Ты въ грязь топтала ихъ, какъ звѣрь,
И прихоть новая смѣняла.
Капризъ, забытый безъ потерь,
Безъ благодарности понятной
За мигъ, когда-то намъ пріятный.

VII.

Такъ точно Римъ, любившій кровь,
На бой наемниковъ глазѣя,
Просилъ и жертвъ и крови вновь
Подъ чуднымъ небомъ Колизея.

У римлянъ не дрожала бровь,
Когда, въ крови своей алѣя,
Боецъ истерзанный лежалъ
И на аренѣ умиралъ.

VIII.

Вѣкъ гладіаторовъ промчался,
Но, на аренѣ позднихъ лѣтъ,
Нѣжныхъ бойцовъ кружокъ являлся,
Оставивъ сзади яркій слѣдъ.
Ихъ грозный голосъ раздавался
Набатовъ въ годы нашихъ бѣдъ
И западали въ насъ глубоко
Всѣ ихъ слова, какъ рѣчь пророка.

IX.

О, сфинксъ многоголовый нашъ!
Кого сегодня ты встрѣчаешь,
Смиривъ въ себѣ мѣщанства блажь,
И въ лавры свѣжіе вѣнчаешь,
Того ты завтра же предашь,
А черезъ мѣсяцъ проклинаешь;
Тебѣ пророка смѣнить шутъ,
А исполина — лилипутъ.

X.

Твоихъ бойцовъ и жизнь, и силы
Разбила гордая тоска...

Они чужды тебѣ, постылы.
Твоя холодная рука
На ихъ забытыя могилы
Не бросить свѣжаго вѣнка,
И только нищіе, быть можетъ,
Тропинку въ гробу ихъ проложить.

XI.

Одни безслѣдно сходятъ въ гробъ,
Другіе жизнь влачатъ далеко,
Среди невѣдомыхъ трущобъ
Окончивъ поприще до срока,
А сфинксъ все тотъ же: ясный лобъ,
И тоже каменное оно,
И также смотритъ вокругъ теперь
Полу-жена и полу-звѣрь.

XII.

О, публика! Какъ грустно-кратки
Твои восторги!.. Лишь вчера
Въ театрѣ ты, какъ въ лихорадкѣ,
Ломала въ ложахъ вѣра
И на клочки рвала перчатки,
Когда изящная игра
Артистки нашей новомодной
Будила твой экстазъ холодный.

XIII.

Я любовался чрезъ барьеръ
Смѣшенемъ лицъ, затылковъ разныхъ,
Букетомъ сѣверныхъ Венеръ
И Менелаевъ буржуазныхъ,
Парисовъ невскихъ разныхъ сферъ.
И плотоядно-безобразныхъ,
Изъ-подъ бинокля и очковъ
Кругомъ смотрѣвшихъ старичковъ.

XIV.

Все рукоплещеть. Кровью вены
У Менелаевъ налились.
При появленіи „Елены“
Табуннымъ гуломъ потряслись
Театра дрогнувшія стѣны
И всюду крики раздились...
Тріумфъ, восторгъ, цвѣтовъ громада!...
Чего-жь еще артисткѣ надо?...

XV.

Друзья домашніе кулись,
Рабы всѣхъ музъ и юныхъ грацій.
Ей поднесемъ мы въ бенефисъ
Гирлянду пестрыхъ ассигнацій;
Сольется въ общій плескъ овацій
Партеръ и дальній парадись,—

Но берегись, артистка, этой
Либви, тщеславыемъ подогрѣтой!..

XVI.

Не вѣрь толпѣ. Она вокругъ
Въ ладоши бьетъ отъ скуки праздной,
И не жалѣетъ ногъ и рукъ,
Когда-жъ газетный пискъ виль грязный.
Тебѣ швырнетъ баши-бузукъ,
Со дна чернилицы приказной
Поднявъ всю наглость клеветы, —
То беззащитна будешь ты.

XVII.

Отъ дерзкихъ словъ и поношенья
Толпа тебя не защититъ
И судъ общественнаго мнѣнья
Клеветника не заклемитъ
Печатью вѣчнаго презрѣнья,
Чтобы его и самый видъ
Могъ возбуждать при появленьи
Однѣ гримасы омерзѣнья.

XVIII.

Цѣнья „актрисъ“ на старнѣйшій ладъ,
Никто не сдѣлаетъ ни жеста;
Въ двухъ-трехъ домахъ поговорять

О томъ, что пасквиль не у мѣста,
За тѣмъ кой-гдѣ, — и то наврядъ, —
Прочтемъ мы два или три протеста,
Но чрезъ недѣлю надобсть
И позабудется протестъ.

XIX.

Вновь, равнодушьемъ поощренный,
Начнетъ чернить за пятачки
Артистокъ клоунъ фельетонный,
А мы опять бросать вѣнки
Пйдемъ актрисѣ оскорбленной,
Отъ самой мысли дадеки,
Что, можетъ быть, ночей не мало
Артистка бѣдная рыдала —

XX.

Отъ оскорбленій наглеца,
Что робкой женщины тревога
И горе длилось безъ конца
И жгучихъ слезъ скатилось много
Съ ея усталого лица...
Не весела жъ твоя дорога,
Артистка нашихъ славныхъ дней,
И не цвѣты одни на ней —

XXI.

Сбираешь ты обильной данью:
Порой глядить изъ-подъ цвѣтовъ

Журнальный сыщикъ съ наглою бранью
И на тебя излить готовъ,
Покорный тайному желанью,
Цинизмъ и лужу грязныхъ словъ, —
Все то, чѣмъ несомнѣнно сильно
Его фантазія обильна.

XXII.

Остановлюсь на этотъ разъ,
Но съ героине не прощаюсь:
Ужъ у меня готовъ рассказъ,
Гдѣ я съ ней снова повстрѣчаюсь
И нашъ общественный компасъ
На ней провѣрить постараюсь:
Въ компасъ томъ не разъ ягала
Его магнитная стрѣла.

XXIII.

Избравъ веселую задачу
И плодотворную канву,
Я нашей публикѣ назначу
Не разъ въ поэмѣ „rendez-vous“
И, коль охоты не утрачу,
То вѣрно не одну главу
Пущу я въ свѣтъ и, безъ сомнѣнья,
Не встрѣчу въ свѣтъ одобренья.

XXIV.

Смѣшно вѣдь ждать похвалъ отъ тѣхъ,
Съ кѣмъ мы не дѣлимъ многихъ мнѣній,
Надеждъ, общественныхъ утѣхъ
И обиходныхъ развлеченій,
Кому не по сердцу нашъ смѣхъ
И смѣлость многихъ заключеній,
А потому—легко понять!—
Мнѣ одобренья можно-ль ждать?

1868 г.

Ночь въ Гусевомъ

ПЕРЕУЛКЪ.

«Убийство въ Гусевояъ переулкѣ
занимаетъ весь городъ...»

(Изъ общ. хроники).

I.

Темна была на небѣ ночь...
Читатель! Если вы трусливы,
Поэму эту бросьте прочь,
Чтобъ ей напрасно не могли вы, —
Не въ силахъ страха превозмочь, —
Себя смутить... Ея мотивы
Я взялъ изъ хроники Нивы,
Гдѣ ужъ не я одинъ, не вы

II.

Встрѣчали страшныя событя,
Какъ въ сочиненіяхъ Раделифъ.
Что день, то новое открытые:
Тамъ въ ровъ прыгнулъ локомотивъ,
Здѣсь, полный звѣрскаго наитья,
Мужъ утонулъ, жену убивъ,
Тамъ... Загляните только въ „Голосъ“, —
Навѣрно дыбомъ встанетъ волосъ.

III.

И таеѣ ночь зимняя темна.
Какъ соглядатай настоящій,
Изъ тучи выглянувъ, луна
Обозрѣвала городъ спящій,
Гдѣ воцарилась тишина,
Гдѣ только путникъ проходящій
Брель изъ трактира на покой,
Да „ванька“ путь держалъ къ Ямской.

IV.

Въ ту ночь Антонъ Петровичъ Лапа
Легъ рано спать, но спать не могъ...
Пока свой столъ и дверцы шкапа
Онъ запираетъ на замокъ,
Сего сѣдого эскулапа,
Хоть онъ раздѣтъ и безъ сапогъ,
(Въ ночь церемонія смѣшна вѣдь!)
Позвольте вамъ теперь представить.

V.

Антонъ Петровичъ Лапа — врачъ;
(Я въ описаньи буду кратокъ).
Не зналъ онъ въ жизни неудачъ,
Имѣлъ порядочный достатокъ,
Былъ нравомъ кротокъ, хоть горячъ,
На свѣтъ пятый жилъ десятокъ,

Выписывалъ газету „Вѣсть“
И власть любилъ попить, поѣсть.

VI.

Его супруга Анна Львовна,
Блондинка въ пепельныхъ кудряхъ,
Моложе мужа вдвое ровно...
Подобный бракъ наводитъ страхъ, —
Но разсуждая хладнокровно
О юныхъ и сѣдыхъ мужьяхъ,
Иныя дамы старцевъ съ вѣсомъ
Предпочитаютьъ всѣмъ повѣсамъ.

VII.

— „Мой мужъ — старикъ... Что-жъ за бѣда!
Есть молодне, кромѣ мужа“...
Такъ разсуждаетъ иногда
Жена, развитыя обнаружа...
Супруга доктора всегда
Склонялась къ принципу тому же
И, беззаботно-весела,
Свой крестъ супружескій несла.

VIII.

Пусть мужъ ревнивъ. У женъ сноровка
И возраждается лишь тутъ:
Онъ ревнивца очень ловко
Подъ самымъ носомъ проведутъ,

Какъ та лукавая жидовка,
Что успила въ пять минутъ,
У ногъ своихъ, во время оно,
Несокрушимаго Самсона.

IX.

Часъ ночи. Хоть и поздній часъ,
Но мужъ съ женой не спать покуда.
Супруга въ спальнѣ заперлась...
Спала одна она: причуда
У ней такая завелась
Уже давно... Ей-ей не худо,
Чтобы проникъ и въ нашъ народъ
Обычай европейскій тотъ.

X.

Неспится Лапфъ. Словно дѣти,
Самъ-другъ онъ сталъ бояться спать...
То гасить свѣчку въ кабинетѣ,
То вновь ее зажжетъ опять,
Отъ книги бросится къ газетѣ,
Но въ ней боится отыскать
Словечко: „переулокъ Гусевъ“
И вновь швырнетъ газету, струсивъ.

XI.

Антонъ Петровичъ сонъ терялъ
Отъ одного такого факта:

Онъ въ томъ проулкѣ нанималъ
Квартиру, — вотъ попуталъ врагъ-то! —
Гдѣ въ эту зиму обиталъ
По силѣ грознаго контракта.
Контрактъ былъ ровно на пять лѣтъ!!
И гдѣ же, гдѣ же?.. Вѣрно нѣтъ —

XII.

На свѣтѣ хуже переулка,
Гдѣ по панели каждый шагъ
Звучить и днемъ ужасно гулко,
Гдѣ въ каждомъ встрѣчномъ видѣнъ врагъ,
Гдѣ въ домѣ всякая шкатулка —
Соблазнъ ворами... — „Ну, жить тутъ какъ?“
И Лапа вспыхивалъ какъ порохъ,
Заслыша собственный свой шорохъ.

XIII.

А въ спальнѣ тоже не до сна,
Несится Аннѣ Львовнѣ тоже...
Съ запиской скомканной она
Глядитъ въ окно... Несмято ложе...
Про мужа думаетъ жена:
„Когда-жъ онъ ляжетъ спать, о, Боже!“
И влонить, молча, на стекло
Свое пылавшее чело.

XIV.

Но къ Лапѣ вдругъ сошла дремота
И увидалъ онъ страшный сонъ:
Какъ будто въ залѣ ходитъ кто-то,
Слышна возня, глубокой стонъ...
Въ квартирѣ — дымя; на дворъ въ ворота
Толпа валить со всѣхъ сторонъ,
Кричатъ: „пожаръ! Сюда! Эй, кто-тамъ?“
И врачъ, холоднымъ облить потомъ,

XV.

Раскрылъ глаза... Все тихо. — Вздоръ
Приснился мнѣ...“ Вдругъ изъ передней,
Какъ будто, кто-то въ корридоръ
Прошелъ... вотъ двери стукъ послѣдній,
И стихло все... — „О, это воръ!“
Подумалъ Лапа: „Мнѣ безвреднѣй
Теперь, зажмурившись, лежать“...
И слушать началъ онъ омять.

XVI.

Прошла ужасная минута.
Мракъ, тишина... Съ свѣчой въ рукѣ,
Вдругъ расхрабрившись почему-то,
Мужъ въ туфляхъ и въ одномъ носкѣ
Подкрался къ спальнѣ. — „Спишь, Анюта“?
Молчить. Дверь спальни на замкѣ.

— „Мнѣ тоже пужно догадаться, —
Подумалъ Лапа, — запирайтесь“ ...

XVII.

Онъ вновь вернулся въ кабинетъ,
По залѣ сдѣлавши полкруга...
Читатель! намъ вѣдь дѣла нѣтъ,
Спала-ль въ тотъ часъ его супруга,
Но въ ту же ночь, уже чуть свѣтъ,
Онъ снова дрогнулъ отъ испуга,
Онъ снова слышалъ ясно такъ —
По корридору чей-то шагъ

XVIII.

По направленію къ прихожей,
Потомъ раздался тихій звукъ,
На поворотъ замка похожій...
— „Кто тамъ?“ лишь крикнуть могъ супругъ.
Онъ ощутилъ мерозъ подъ кожей,
Когда въ потьмахъ замѣтилъ вдругъ,
Дрожа, какъ осенью ракета,
Что дверь парадная открыта.

XIX.

Едва захлопнулъ дверь старикъ,
Предъ нимъ явилась Анна Львовна.
Услыша въ спальнѣ мужа крикъ,

Она сперва смутилась словно,
Но справилась съ собою въ мигъ
И тихо, плавно, хладнокровно
Спросила мужа:— „что за стукъ?
Ты разбудилъ меня, мой другъ“.

XX.

— „У насъ былъ воръ!“ — „Тебѣ присни-
лось“...
— „Я слышалъ самъ“... — „Во снѣ, повѣрь“.
— „А кѣмъ же дверь-то отворилась?“
— „Ну, запереть забыли дверь. —

Бѣды особой не случилось...

Поди-ка, лягь, усни теперь.

А я-то сладко кверху заснула.“

И Анна Львовна тутъ зѣвнула.

XXI.

Поутру къ мужу въ кабинетъ,
Съ лицомъ немножко утомленнымъ,
Вошла супруга. На совѣтъ
Туда же гостемъ приглашеннымъ
Явился юноша-сосѣдь,
„Другъ дома“ ихъ, и удивленнымъ
Казался, слушая въ тотъ часъ
Вплоть трагическій рассказъ.

XXII.

Антонъ Петровичъ былъ въ тревогѣ:
— „О, Гусевъ переулочъ! Мнѣ
Съ медвѣдемъ лучше жить въ берлогѣ,
Чѣмъ здѣсь, въ проклятой сторонѣ.
Сосѣдь! Вамъ поклонюсь хоть въ ноги:
Подходить время ужъ къ веснѣ—
Живите съ нами до весны вы!..
Весной же, если будемъ живы,

XXIII.

„Найдемъ и дачу вмѣстѣ мы.
Втроемъ жить все же безопаснѣй,
Во избѣжанье кутерьмы,
Особенно среди зимы...
Системы, право, нѣтъ прекраснѣй!..
Согласна, вѣрно, и жена съ ней...
Ну, соглашайтесь же, сосѣдь!
Что долго думать: да, или нѣтъ?“

XXIV.

Мы угадать, конечно можемъ,
Чѣмъ завершился ихъ совѣтъ.
Сосѣдь ушелъ. Теперь смѣшно-жъ имъ
Не оцѣнить тебя, сосѣдь!..
— „Оно стѣснительно, положимъ,
Втроемъ жить“, молвила Anette,—

„Но знаешь ты, мой другъ, прекрасно,
Что я съ тобой во всемъ согласна“...

XXV.

Конецъ... На сколько мой рассказъ
Въ своей правдивости трагиченъ,
То взглядъ у каждаго изъ насъ
На это можетъ быть различенъ;
Но смѣю думать, что изъ глазъ
Инаго мужа, кодь постичь онъ
Съумѣетъ мой рассказъ вполне,
Польются слезы въ тишинѣ.

ГАЛАТЕЯ.

Долго, жарко молился твоей красотѣ я,
И мольба такъ всеильна была,
Что сошла ты съ подножья, моя Галагея,
Ты, статуя моя, ожила.
Но подъ сѣверной мглою холоднаго вровѣ
Снова сонъ тебя прежній сковаль
И взошла ты, нѣмая красавица, снова
На покинутый свой пьедесталь.
Ни лобзанья, ни ласки, ни жгучія слезы,
Ни порывы безумныхъ рѣчей
Разбудить ужь не могутъ отъ мраморной грезы
Галатеи холодной моей.

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.

I.

Цѣлое лѣто нѣтъ дождика съ неба.
Горе крестьянамъ остаться безъ хлѣба....
Въ небѣ—ни тучки, сухая, земля,
Выжжены солнцемъ нагія поля.
Въ полѣ чуть бродить усталое стадо...
— „Дождичка, дождичка только намъ надо,
Чтобъ изъ земли все полѣзло тотчасъ“...
Молвилъ прохожему староста Власъ,
— „Ну, братъ, спасибо, отвѣтилъ прохожій:
Въ землю зарылъ я, по милости божьей,
Ровно трехъ женъ своихъ... Будетъ мнѣ адъ,
Если полѣзутъ всѣ жены назадъ“...

II.

На борзомъ конѣ всевода скакалъ
Домой съ своимъ вѣрнымъ слугою;
Онъ три года ровно дѣтей не видалъ,
Разстался съ женой дорогою.

И въ синюю даль онъ упорно глядитъ,
Глядитъ и вздыхаетъ глубоко...
— „Далеко ль еще?“ онъ слугѣ говорить.
Слуга отвѣчаетъ: „далеко!“ ...

Ужь старъ воевода; скакать на конѣ,
Какъ прежде, онъ долго не можетъ,
Но хотеть узнать поскорѣй о женѣ,
Его нетерпѣніе гложетъ.

Слугѣ говорить онъ: „Скачи ты впередъ,
Узнай ты, все-ль дома здорово,
Съ коня не слѣзая, у самыхъ воротъ,
И мчись ко мнѣ съ вѣсточкой снова.“

И скачетъ безъ устали вѣрный слуга...
Скорѣе ему доскакать-бы...
Вотъ видитъ знакомой рѣки берега
И садъ воеводской усадьбы.

Узналъ обо всемъ онъ у барскихъ воротъ
И вотъ, какъ опущенный въ воду,
Печальныя вѣсти назадъ онъ везетъ
И жалко ему воеводу.

— „Ну, что?“ Воевода скрываетъ свой вздохъ
И ждетъ. — „Все въ усадьбѣ исправно,
Слуга отвѣчаетъ: лишь только издохъ
Любимый вашъ соколъ недавно.“

— „Ахъ, бѣднѣйшій мой соволецъ! Онъ дороговъ былъ
мнѣ...”

Какой же съ нимъ грѣхъ приключился?”

— „Сидѣлъ онъ на нашемъ издохшемъ конѣ,
Сѣвѣлъ падалъ и съ жизнью простился.”

— „Какъ, конь мой буланый? Неужли онъ палъ,
Но какъ же погибъ онъ, мой Боже!”

— „Когда подъ Николу вашъ домъ запылалъ,
Сгорѣлъ вмѣстѣ съ домомъ онъ тоже.”

— „Что слышу? Скажи мнѣ, мой теремъ спаленъ,
Мой теремъ, гдѣ росъ я, женился?”

Но какъ то случилось? — „Да въ день похоронъ
Въ усадьбѣ пожаръ приключился...”

— О, если тебѣ жизнь моя дорога,
Скажи мнѣ, какъ брату, какъ другу:

Кого жь хоронили?” И молвилъ слуга:

— Покойную вашу супругу.”

ГРОЗНЫЙ ПЛѢННИКЪ.

(Посвящ. Западнымъ славянамъ).

Въ звѣринцѣ, въ желѣзную клѣтку посаженъ,
Левъ гордый, гроза африканскихъ степей,
Въ неволѣ, на узкомъ пространствѣ двухъ сажень,
Сживается съ участью рабской своей.
И странно смотрѣть на могучаго звѣря:
Казалось бы могъ онъ стремительно, въ мигъ,
Желѣзную клѣтку глазами измѣря,
Желѣзные прутья сломать, какъ тростникъ,
И снова стать вольнымъ, какъ въ Африкѣ
знойной, —
Но звѣрь позабылъ свою силу, свой гнѣвъ
И спитъ за рѣшеткой, лѣниво — споконный...
— Народъ! не такой ли и ты тоже левъ?..

МѢЩАНСКОЕ ЗАТИШЬЕ.

Самъ я не знаю, какъ это со мною случается:
День не увижу тебя и безумно грущу,
Вновь я съ тобою — и снова хандра разыграется,
На сердцѣ съверно и снова я шляпы ищу.
Очень свучна ужъ другъ въ другѣ увѣренность
вѣчная,
Нужно хоть чѣмъ-нибудь жизнь обновить, на-
конецъ...
Спячка ума, какъ и долгая спячка сердечная,
Гибель счастливѣйшихъ самыхъ умовъ и сердець.
Хоть увлекись кѣмъ нибудь ты; я тоже попробую...
Эта измѣна не можетъ — же насъ измѣнить!..
Скучное счастье свое, обновивъ его злобою,
Станемъ, пожалуй, мы больше беречь и цѣнить.

ПОСМЕРТНЫЯ ПѢСНИ Г. ГЕЙНЕ.

I.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Какъ чудно блеститъ заходящее солнце,
Но блескъ твоихъ глазъ даже солнца чудеснѣй...
Смотрю на закатъ и глаза твои, другъ мой,
И имъ откликаюсь печальною пѣней.

Румяный закатъ предвѣщаетъ разлуку,
Сердечную ночь и сердечное горе...
Межъ сердцемъ моимъ и тобой скоро ляжетъ
Безбрежное, темное море.

II.

Ж. Б. Руссо.

(Въ альбомѣ).

Забился въ уголь свой испуганно ханжа,
Тиранъ, который проклять цѣлою странюю,
Смутился въ этотъ мигъ, отъ ужаса дрожа,
Предъ именемъ Руссо, произнесенномъ мною.

Не смѣшивай съ его ученьемъ въ наши дни
Безумствъ мечтателей, бушующихъ въ тревогѣ;
Свободою Руссо не называй страши,
Воторой потчуютъ все наши демагоги.

Будь честенъ же, мой другъ, въ призваніи пѣвца,
Борись съ нѣмецкимъ зломъ на цоприщѣ суровомъ
И, вѣра истинъ свободной до конца,
Свободѣ истинной служи мечемъ и словомъ.

Свобода и любовь тебя да охранять!..
Когда жъ символъ любви—вѣнки цвѣтущей мирты,
До гроба твоего чела не осѣнять,
То, лаврами увить, покинешь гордо мѣръ ты.

*

III.

Наслѣдство.

Имѣлъ я тетку старую когда-то...
О ней родные помнятъ-ли—Богъ вѣсть!—
Она жила и дѣвственной скончалась,
Что дѣлаеть старушкѣ этой честь.

Въ наслѣдство мнѣ отъ тетушкѣ достался
Одинъ диванъ изъ разнаго добра,
За то такой удобный и покойный,
Что спишь на немъ до поздняго утра.

Священнѣй алтаря богини Весты,
Онъ самъ былъ честь, какъ тетушкинъ обѣтъ
И развѣ только мухи или блохи
На нихъ сходились ночью tête-a-tête.

Теперь же,—Богъ мой, что за отвращенье!—
Гдѣ дѣвственница старая спала,
Тамъ нынче молодые спать супруги...
О, тетушка, ты вновь бы умерла,
Едва взглянувъ, на что теперь похоже
Старушки цѣломудренное ложе.

НАДШСИ И ЭКСПРОМТЫ.

1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

I.

ПРОГРЕССЪ ЗВѢРЕЙ.

(Съ Турецкаго)

Злоба людей и дика и сильна,
Только имъ честность звѣрей не дана.
Звѣрь голодающій на смерть идетъ;
Или задушить врага, или умереть.
Держатся люди системы не той;
Сильные тайной одной клеветой,
Чувствуя ~~себя~~ гнетущаго зла,
Только грозятъ ему изъ-за угла;
Изъ за угла каждый турокъ герой...
Если жъ и ринется въ битву, порой,
То потому, что султанъ приказалъ...
Какъ человѣкъ-то отъ звѣря отсталъ!..

II.

Памяти Н. И. К-р-ля.

Безслѣдно умеръ онъ и изъ парнаесской рати
Еще никто о немъ полслова не сказалъ,
А не мѣшало бы сказать словечко кстати:

Онъ болѣе любилъ писать не для печати,
Не видя въ ней особой благодати,
И ужъ за то одно достоинъ онъ похвалъ.

III.

В. В. С--вой.

Когда-то видя васъ на сценѣ,
Я дѣтски васъ боготворилъ
И, стать готовый на колѣни,
Я сожалѣлъ, что молодъ былъ.
Прошли года. Не увядая,
Вы полны прежнихъ дивныхъ чаръ,
Артистка, вѣчно молодая,
И грустно мнѣ, что я такъ старъ.

IV.

ПРИМОРСКИЙ ГОРОДОКЪ.

Городъ чудный, городъ странный,
Духъ свободы и вражды,
Городъ полуиностранный:
Греки, русскіе, жида.
Море сине, небо чисто,
Только есть одна бѣда:
По ошибкѣ, тамъ туриста
Могутъ высѣчь иногда.

V.

Голосъ изъ провинціи.

Екъ чему стремимся мы — никакъ нельзя постичь.

У насъ и радости на половину съ горемъ;

Мы если спимъ — насъ не разбудить бичъ,

Ужъ если пьемъ — такъ разливанымъ моремъ,

Вратъ захотимъ — на всю Европу поремъ дичъ,

А драть начнемъ — весь городъ перепоремъ.

VI.

Журнальному Тартюфу.

Все то, что голо и каскадно,

Все, что имѣеть наглый видъ,

Какъ ты, я самъ хую нещадно

И, въ сердцѣ сберегая стыдъ,

За всякой скромностью погоню

Такъ занять на своемъ вѣку,

Что самъ готовъ накрыть ладонью

Твою открытую щеку

VII.

Портретъ.

Благоволить къ небу судьба.

Онъ созданъ точно по картинѣ —

Отъ лакированнаго лба

До лакированной ботинки.

Шекспиръ, великій сердецвѣдъ,
Ужъ не о немъ ли отозвался:
„Его не мать родила въ свѣтъ,
„А шить портной лишь постарался“...

VIII.

Ископаемый публицистъ.

Онъ Иродомъ глядитъ, который словно вырытъ
Съ владбища древняго, чтобъ властвовать опять:
Посредствомъ классицизма новый Иродъ
Младенцевъ русскихъ хочетъ избивать.

IX.

Я Марса одного недавно назвалъ Марсомъ...
Ну, кажется, скромнѣй не можетъ быть печать,
Но Марсъ обидѣлся и, просто, лютымъ барсомъ
Хотѣлъ меня на части разорвать.
Вѣдь послѣ этого житья нѣтъ въ божьемъ мирѣ,
Вѣдь послѣ этого, отбросивъ всякій фарсъ,
Нельзя хулить „картофеля въ мундирѣ“,
Чтобъ не обидѣлся иной мундирный Марсъ.

X.

Дорожное раздумье.

Охотникамъ до сильныхъ ощущеній
Въ Россіи странствовать пріятно. На пути
Ихъ ожидаетъ бездна приключеній,

Какихъ нигдѣ на свѣтѣ не найти.
Перешагнувъ столичную заставу.
Найдется, чѣмъ намъ разогнать тоску:
То рухнетъ мостъ подѣ поѣздомъ въ рѣку,
То съ полотна вагонъ прыгнетъ въ канаву.
Духовную кладите вы въ карманъ,
Бѣда случится поздно или рано:
То на пути лишишься чемодана,
То сомага упрячутъ въ чемоданъ.

XI.

Не вѣрьте клеветѣ, что мы стоимъ на мѣстѣ,
Хоть злые языки про это и звонятъ...
Нѣтъ, нѣтъ, мы не стоимъ недвижно, но всѣ вмѣстѣ
И дружно подвигается... назадъ.

XII.

Нельзя довѣриться надеждѣ,
Она ужасно часто лжетъ:
Онъ подавалъ надежды прежде.
Теперь доносъ подаетъ.

XIII.

Утопившемуся бѣдняку.

Счастья не вѣдая съ роду,
Жизнь онъ въ водѣ потопилъ.
Бѣдный! Онъ умеръ, какъ жилъ:

Словно „опущенный въ воду“
Онъ и при жизни ходилъ.

XIV.

MONSIEUR DE MOSKY

„Онъ пишетъ мастерски!“ Съ экстазомъ безконечнымъ
Привыкли ренегаты все кричать.
Но если мастеромъ его угодно звать,
То ужъ конечно „мастеромъ заплечнымъ...“

XV.

Предъ могилой вельможи.

Его въ могилу опустели
И, стоя посреди могилъ:
Зачѣмъ онъ умеръ? говорили,
А думалъ я: зачѣмъ онъ жилъ?

XVI.

Маша филантропія.

(Посвящ. нѣкоторымъ членамъ «Общества покровительства животнымъ»).

У филантроповъ беззаботныхъ
Левизъ достойный лошадей:
„Быть покровителемъ животныхъ
И угнетателемъ людей.“
Дѣла ихъ могутъ огоршить
Всѣхъ гражданъ нынѣшняго вѣка:

Бьютъ чедовѣка слово лошадь,
А лошадь чтуть; какъ чедовѣка.

XVII.

Судья! всегда твое витѣйство
Ловлю я съ трепетомъ нервическимъ:
За уголовное убійство
Ты мстишь убійствомъ юридическимъ.

XVIII.

Я. Полонскому.

По поводу его книги «Снопъ».

Въ поэтѣ этомъ скромность мнѣ знакома,
Но все таки я очень пораженъ:
Свои стихи „Снопами“ назвалъ онъ,
А гдѣ снопы, тамъ и солома.

XIX.

Журналу „Нива“.

Пусть твой зюль тебя не признаетъ,
Мы вѣримъ въ твой успѣхъ блестящій и скорый:
Лишь „нива“ та дастъ хорошій плодъ,
Навоза не жалѣють для которой.

XX.

Силы собственной значенье
Онъ постигъ — сомнѣнъ!
Отъ его прикосновенья

Остается грязный слѣдъ.
Кто жь захочетъ съ нимъ бороться?
Какъ „пачкунъ“, сильный онъ васъ.
Къ вамъ онъ только прикоснется
И запачкаетъ тотчасъ.
Въ прессѣ сыщикъ — внѣ закона —
И съ такимъ тавромъ на дбу
Корчитъ грознаго дракона
Менцель въ формѣ фѣльетона,
Новый русскій Коцебу.

XXI.

Чутьемъ двойную пользу слышать
Литературы нашей парій:
Его нисколько не печалить,
Что онъ получитъ гонорарій
И отъ того, кому онъ пишетъ,
И отъ того, кого онъ хвалить.

XXII.

— Когда я нравлюсь публикѣ? — спроситъ
Сказалъ актеръ. Отвѣтилъ я невольно:
„О, семь недѣль Великаго поста
Тобою очень публика довольна...“

XXIII.

Скопцу П--ну.

(Котораго преслѣдовала одна московская газета).
Журнальный врагъ твой очень злится,
Но онъ вѣдь жалокъ въ свой чередъ:

Онъ можетъ только тѣмъ гордиться,
Чего тебѣ недостаетъ.

XXIV.

ПРИ НОВОЙ ПОСТАНОВКѢ

„ГОРЯ ОТЪ УМА:

Поднялся занавѣсъ и вскорѣ
Рѣшила публика сама:
На сценѣ видѣли мы горе,
Но не замѣтили ума.

XXV.

ОДНОМУ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СЫЩИКОВЪ,

1.

Бѣ доносамъ склонностью старая
Побойся, наконецъ, Христа:
„Хлыстовъ“ съ „хлыстовщиной“ карая,
Остерегись и самъ—хлыста.

2.

Тебѣ мерзки скопцы—кастраты,
Тебѣ-бы всѣхъ ихъ—на костерь.
Но самъ не стоишь-ли костра ты,
Литературный „Тушинъ воръ.“

XXVI.

ОТВѢТЬ:

Моиxъ враговъ высокое призванье
Призвали всѣ—и я, и вы:

Ихъ самолюбе — выше дарованья,
А уши — выше головы.

XXVII.

МАННУ.

Трудъ, взятый не по силамъ,
Не кончится добромъ,
И если разберемъ:
Владѣть ты могъ бы шиломъ,
Но вовсе не перомъ.

XXVIII.

АВТОРУ „НЕРОНА“ ЖАНДРУ.

Неронъ сжегъ Римъ во время оно,
И судъ исторіи суровъ былъ и жестокъ,
Но кто бъ тебѣ поставить могъ въ упрекъ,
Когда бы своего несчастнаго „Нерона“
Ты, русскій стихотворецъ, въ печевъ сжегъ?

XXIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Для міра ангеломъ васъ сотворилъ Зевесъ...
Но этимъ нечего, ей Богу, вамъ гордиться:
Лишь только ангелъ, падая съ небесъ,
Въ послѣдствіи могъ дьяволомъ явиться.

XXX.

Годъ новый люди празднуютъ всегда,
Но объ одномъ замѣчу мимоходомъ:

Не глупо ль похвалять ~~этим~~ съ новыми годамъ
Отцвѣтшихъ дѣвъ, скрывающихъ года?

XXXI.

ТРИ ГРѢХА.

(Признаніе ипохондрика).

Мой первый грѣхъ — родился
И въ мерзость жизни вникъ;
Второй мой грѣхъ — учился,
Несчастный и безъ книгъ,
А третій грѣхъ — женился
И адъ земной постигъ.

XXXII.

„Костюмы съ обстановкой новой
Хотимъ на сценѣ видѣть мы,“
Какойнибудь зонъ суровый
Брячить средь общей кутерьмы.
Все это я считаю вздоромъ;
Мѣнять костюмъ — напрасный трудъ:
У насъ къ поддержаннымъ актерамъ
Костюмы стары идутъ.

XXXIII.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Не многіе газету эту считали
Загадкою,

Но все же решительно признали я. оупт
За гадкую.

XXXIV.

ИВЕСКАЯ ВЕСНА.

„Весна, весна — любви пора!“
Поют пѣвцы, на гимны падки;
Весна — имъ вторять доктора —
Пора тифозной дихорадки.
Весенний ледъ помчался вплавь
И пробѣгаетъ дрожь по кожѣ;
Избавь меня отъ тифа, Боже,
А пуще отъ любви избавь!..

XXXV.

ЗЕМЛЯЧКЪ.

Попасть, — я, право, не лукавлю, —
Бъ вамъ на зубокъ я не хочу;
Я этимъ лишь доходъ доставлю
Зубному вашему врачу.
Нѣтъ, просто, мной пренебрегая,
Отъ гнѣва будьте далеки;
Вставные зубы сберегая,
Меня, землячка дорогая,
Не поднимайте на зубки.

XXXVI.

Р. Д--у.

Ты въ прессѣ то фискаль, то евнухъ, то хожалый.
Твоихъ стремленій я никакъ не разберу:
Султану ко двору годишься ты, пожалуй,
Но прессѣ ты совѣтъ не „ко двору.“

XXXVII.

Человѣкъ онъ былъ...

Вы правы, человѣкъ онъ милый, господа,
Я бросаю въ спорахъ глупую привычку;
Къ тому же, спорить мнѣ какая же нужда:
Сказать при встрѣчѣ съ нимъ мнѣ хочется всегда:
„Эй, человѣкъ, подай-ка, братецъ, спичку.“

XXXVIII.

Моему коту.

Мурлыка мой! Съ есѣдней крыши
Вернись ко мнѣ... Клянусь я въ томъ:
Ты котому людей всѣхъ выше,
Что съ даромъ слова незнакомъ.
Твое мурлыканье бездѣнно,
А человѣкъ, раскрывши ротъ,
Иль глупость скажетъ непремѣнно,
Иль отвратительно совреть.

XXXIX.

Когда въ гостяхъ супругамъ говорятъ:
„Пожалуйста, вы будьте здѣсь какъ дома,“

*

Я всякій разъ свой потуплюю взглядъ,
Я всякій разъ при этомъ жду содома
И думаю, знакомый не съ одной
Славянскою семьей: пора бы догадаться:
Когда въ гостяхъ, — какъ дома мужъ съ женой,
Они, пожалуй, могутъ и подрасться.

XI.

Н. Д.

Сама природа надъ тобой

„Со взломомъ кражу“ совершила:

Ограбила разсудокъ твой

И тутъ же ногу надломила.

XII.

Исторія одного романиста.

Коротенькія мысли, коротенькія строчки,

Клубничные намеки отъ точки и до точки,

Широкія замашки и взглядъ мѣщански — узкій,

Языкъ преобладающій — не русскій, а французскій;

Легко все очень пишется и безъ труда читается

И изъ головъ читателей тотчасъ же испаряется.

XIII.

Вопросъ.

Послушать васъ — вамъ всѣ сродни на свѣтѣ.

Заговорятъ случайно о Гамбетѣ,

Окажется Гамбета вашъ confrère;

Рошфоръ—вашъ кумъ, графъ Бисмаркъ—другъ
завзятый,

Гюго землякъ и однокашникъ Тьеръ,

И, кажется, сродни немножко Пий IX.

Вездѣ у васъ друзья—ихъ сорокъ сороковъ—

Въ Парижѣ, Въ Лондонѣ, въ Берлинѣ и въ

Мадридѣ,

И вертится вопросъ у вашихъ земляковъ:

Какъ вамъ приходится, пожалуйста, скажите,

Знакомецъ нашъ всеобщій—Хлестаковъ?

Родина — явилась графа Бисмарка — родителем
всего

Тот же человек в отношении Грота
и, кажется, ересь немца Пин
Вера у нас. Грота — это ересь ересь —
Всё Пинка, В. Грота, в Грота, и на
Милора

И впрочем, впрочем, у нас есть
Лит, как впрочем, впрочем, впрочем,
Знаете, как впрочем, впрочем, впрочем.

ЛИБЕРАЛЪ

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посвящ. Марѣ Карловнѣ Казиной).

PLATE I

PLATE I

ЛИБЕРАЛЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИВАНЪ ЕВСТАФЬЕВИЧЪ РОСТОВСКІЙ, петербургскій домовладѣлецъ, занимающій видное частное мѣсто, лѣтъ за сорокъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА, его жена, не живущая съ нимъ вмѣстѣ. Двадцати-четырехъ лѣтъ.

ВОЛОДЯ, ихъ сынъ, семи лѣтъ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА, старая дѣва, сестра Ростовскаго.

ВИКТОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СТАХОВИЧЪ, сводный братъ Нины Николаевны, лѣтъ тридцати-пяти.

ЛАВРЪ ЛАВРОВИЧЪ БАРЫКОВЪ, отставной изъ военныхъ, служилъ по провіантской части, пріятель Ростовскаго, сорока-шести лѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ МУРИНЪ, адвокатъ, дальній родственникъ Стаховича, тридцати-двухъ, трехъ лѣтъ.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА, сестра его, двадцати лѣтъ.

ЭМИЛІЯ АНДРЕЕВНА КОХЪ, молодая вдовушка, съ темной репутаціей

ДАВИДЪ ПАВЛОВИЧЪ ТРУСОВЪ, прогорающій прожекторъ, лѣтъ сорока.

АННА ВЛАДИМИРОВНА, его жена, двадцати-двухъ лѣтъ.

ЛЕВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЫКОГОРЕВЪ, дядя Ростовской, старецъ, гдѣ-то высоко засѣдающій и отъ дряхлости почти выжившій изъ ума.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА, его жена. Стара, но еще бодрится и въ одеждѣ любитъ яркіе цвѣта.

ХЛЮСТИНЪ, юноша изъ праздношатающихся, слывущій больше подъ именемъ Жоржа.

БРЖСЛАВСКАЯ, недавно потерявшая мужа молодая женщина Жи-
ветъ въ домѣ Ростовскаго.

ЛУИЗА КАРЛОВНА, гувернантка Володи, двадцати-четырехъ лѣтъ.

НИКАНОРЪ ИСАЕВИЧЪ ШМЕЦЪ, управляющій домомъ и дѣлами
Ростовскаго.

ФИСТУЛА, отставной поручикъ.

ДАМА ПОЛУ-СВѢТА.

ТИТОРЕНКО, надворный совѣтникъ.

АЛЕУТКИНА.

ПЕТРЪ, пожилой слуга Ростовскаго.

СЛУГА его же.

СЛУГА Нины Николаевны.

ЛУША, горничная Муриныхъ.

Просители.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, время—недавнее.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Одна изъ комнатъ въ квартирѣ Ростовскаго. Три двери. Прямо дверь въ залъ, направо въ кабинетъ Ростовскаго и направо въ помѣщеніе, занимаемое Марьей Евстафьевной. Правѣ, передъ авансеной большой столъ, заваленный газетами и журналами; съ другой стороны кушетка. Общій характеръ комнаты, довольно хорошо меблированной—строгій порядокъ и чистота. Марья Евстафьевна сидитъ на кушеткѣ и торопливо, почти вслухъ, дочитываетъ послѣднія страницы романа. Петръ, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, на цыпочкахъ подходитъ къ ней сзади.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ.

Баринья!

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*было и постепенно волнуясь, продолжаетъ чтение*).

„Нѣсколько минутъ она какъ бы совсѣмъ не дышала... Потомъ привстала и воскликнула: свѣтъ! свѣтъ! я вижу! Въ ту же минуту... она упала мертвою“...

ПЕТРЪ.

Марья Евстафьевна!..

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*съ нетерпѣніемъ*).

Что тебѣ нужно, Петръ? Иди, иди... Видишь, я занята дѣломъ.

ПЕТРЪ.

Я самъ къ вамъ, сударыня, по дѣлу. Ужь какъ вамъ и вашему братцу будетъ угодно, а мнѣ здѣсь не рука жить.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*не слушая его*).

Боже мой! какъ это ужасно! Я всегда говорила, что неожиданное волненіе можетъ убить женщину съ любящимъ, испорченнымъ сердцемъ. Но она была счастлива, хоть пять минутъ да была счастлива, а я... (*задумывается*).

ПЕТРЪ.

Сами, барышня, посудите. Я за пять мѣсяцевъ жалованья не получалъ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Ахъ, какъ это несносно! (*Петру*). — Что-жь, пропадутъ что-ли твои деньги? Великій, подумаешь, капиталъ!..

ПЕТРЪ.

Не въ томъ, сударыня, сила.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

А въ чемъ же, необразованный ты человѣкъ! Иль ты недоволенъ нами? Грубо съ тобой обращается Иванъ Евстафьевичъ? Бранить, обижаетъ тебя, что ли? Ахъ какіе вы всѣ безчувственные, какъ мало вы цѣните хорошее обращеніе съ вами.

ПЕТРЪ.

Эхъ, барышня, солоно подчасъ бываетъ это хорошее обращеніе. Богъ съ нимъ совсѣмъ. Оно точно, что баринъ въ обращеніи съ нами деликатность соблюдаетъ; брани отъ него я никогда никакой не слыхивалъ, даже *ты* никому не скажешь, а всей прислугѣ *вы* говорить. Да легче-ль намъ, барышня, оттого? Нашъ братъ тычка не испугается, иной разъ и затрещину снесетъ, а вотъ язвительность барская для насъ хуже ножа остраго.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*слушаетъ разспянно, наклонясь какъ книгой*).

Какая же это еще язвительность такая?

ПЕТРЪ.

А вотъ что я вамъ доложу, сударыня. Иной баринъ строгъ и въ словахъ неаккуратенъ, подчасъ зуботычину обронить, за то подчасъ и смилуется, разговариваетъ съ тобой, шутки шутить. А вотъ Иванъ Евстафьевичъ своею язвительностью всякаго обидить: „Вы, говорить, своихъ обязанностей не исполняете и я, говорить, бранить васъ, говорить, не хочу, а въ штрафную, говорить, книжку запишу, а потомъ изъ жалованья вычесть сдѣлаю“. Ну, и штрафуетъ за каждую бездѣлицу, такъ что въ мѣсяць-то изъ двѣнадцати рублей дай Богъ, чтобъ половина осталась. Вѣдь это, Марья Евстафьевна, обидѣе всякаго тычка, всякой барской затрещины. Сдѣлайте ужъ милость, матушка, скажите братцу, чтобъ онъ мнѣ расчетъ сдѣлалъ, да и на счетъ штрафовки тоже... У нашего брата карманъ и безъ того съ дырой...

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА *(глядя въ книгу)*.

Хорошо, хорошо, Петръ. Ступай. Я скажу... поговорю о тебѣ съ братомъ... *(Отдаваясь своей мысли)*. Неужели онъ умретъ?..

ПЕТРЪ.

Помилуйте-съ, барышня, да они въ добромъ здоровѣ съ Лавромъ Лавровичемъ въ кабинетъ сидятъ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА *(съ досадой)*.

Безтолковый!.. *(Машетъ рукой, чтобъ онъ ушелъ)*.

ПЕТРЪ *(въ дверяхъ)*.

Ужъ не рехнулась ли она, чего добраго! Вотъ тебѣ и заступница! *(Уходитъ въ среднюю дверь)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (одна).

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Чѣмъ все это кончится?.. Боюсь дочитывать послѣднюю страницу... Несчастливая судьба этой слѣпой дѣвочки меня ужасно разстроила... А тутъ еще этотъ Петръ съ какими-то жалобами. Въ головѣ моей какъ-то все вмѣстѣ перепуталось: послѣдняя ночь на морѣ и — жалованье за пять мѣсяцевъ, счастье неожиданнаго свиданія и — лакейскій штрафъ какой-то... Это все противный Петръ здѣсь наболталъ... Но нужно дочитать (*читаетъ громко, постепенно волнуясь*). „Онъ прошелъ палубу... Онъ подошелъ къ самому краю... Периль не было. Передъ нимъ зіяла пропасть... Онъ ступилъ еще шагъ... Онъ упалъ... Ночь была темная, глубина воды страшная (*читая почти съ воплемъ*). Онъ пошелъ ко дну. Онъ утонулъ!“ У-т-о-н-у-ль!!..

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА, БАРЫКОВЪ и РОСТОВСКІЙ (*выходятъ изъ дверей нальво. Ростовскій въ халатѣ*).

БАРЫКОВЪ.

Кто утонулъ? Гдѣ утопленникъ?

РОСТОВСКІЙ.

Я такъ и зналъ, что это моя любезная сестрица декламацией занимается. Ужь не поступили-ли вы, чего добраго, въ орду нивѣнскихъ любителей драматическаго искусства? Нынче такой обычай завелся: каждый празднующійся, которому некуда дѣвать своей праздности, непременно донюхивается до своего драматическаго дарованія и въ „любители“ записывается. Объясните мнѣ, пожалуйста, ваше восторженное состояніе.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Вы, мой братъ, съ вашимъ холоднымъ сердцемъ, не способны понимать невольныхъ увлеченій. Люди всегда смѣются надъ тѣмъ, чего не понимаютъ.

РОСТОВСКІЙ.

Да? Значить, вамъ цѣлый вѣкъ нужно смѣяться до истерики, потому что вы ровно ничего не понимаете.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (Ростовскому).

Развѣ ты не видишь, что Марья Евстафьевна чувствительную книжку съ утопленникомъ какимъ-то читала, ну и взволновалась. Позвольте, Марья Евстафьевна, вашу ручку. *(Цалуетъ ея ручку)*. Хотя у меня у самого сердце давно плесенью поперелось, но въ другихъ я умѣю цѣнить его живость.

РОСТОВСКІЙ.

Сколько вамъ лѣтъ, Марья Евстафьевна?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА *(съ сердцемъ)*.

Что вы мнѣ постоянно о моихъ лѣтахъ напоминаете! Я и сама знаю, сколько мнѣ лѣтъ.

БАРЫКОВЪ.

Такіе вопросы, братецъ, дамамъ при постороннихъ свидѣтеляхъ не дѣлаются. Читалъ я, не помню гдѣ-то, что одна англичанка о своихъ годахъ даже на скамьѣ подсудимыхъ на отрѣзъ отказалась отвѣчать. „Сколько вамъ лѣтъ?“ спрашиваетъ президентъ барыню, а барыня уперлась: „Этотъ вопросъ, говорить, при публикѣ неприличенъ. Пришлите ко мнѣ секретаря, я скажу ему на ухо, а онъ передастъ вамъ“. Что-жь! И настояла-таки на своемъ!.. Такъ вотъ какъ! Я хоть и свой человекъ здѣсь, но вы, Марья Евстафьевна, не позволяйте ему въ моемъ присутствіи касаться вашего метрическаго свидѣтельства.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Оставьте, Лавръ Лавровичъ, ваши насмѣшки. У меня и безъ того нервы разстроены постоянно.

РОСТОВСКОЙ.

Гм! Система нервная слаба! Не клеветайте на себя, по крайней мѣрѣ.

БАРЫКОВЪ.

Не при васъ будь сказано, Марья Евстафьевна, но для меня нервы русскихъ барынь просто — умопомраченье. Покойная супруга моя — не тѣмъ будь помянута — такіе слабые нервы имѣла, что въ Кларѣ де-Бервиль или въ обморокъ падала, или же всю ложу слезами заливала, такъ что можно было ноги промочить. Вѣдь, кажется, что особа чувствительная, а между тѣмъ, въ то же время, бывало, ежедневно ея крѣпостная дѣвка съ синяками на обѣихъ рукахъ ходила. Нервозная-то дама, изволите видѣть, щипаться любила въ видѣ развлеченія... Да-съ!

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Вы хоть бы покойницу-то пошадили. Для васъ видно ничего святаго нѣтъ. Впрочемъ, что-жь я толькою? Не даромъ же говорятъ, да оно и справедливо, что вы въ гробъ свели свою супругу... Да васъ не переговоришь! Вы всегда меня только разстроите. *(Торопливо уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, безъ МАРЬИ ЕВСТАФЬЕВНЫ.

БАРЫКОВЪ.

Вотъ мы постоянно съ ней такъ — зубъ за зубъ, а вѣдь въ сущности она предобрая женщина.

РОСТОВСКИЙ *(прохаживаясь по комнатѣ)*.

Да развѣ старыя дѣвы — женщины? Это гермафродиты, третій полъ какой-то. Отъ одного берега отстали, къ другому не пристали и носятся весь вѣкъ съ какими-то своими внутренними ошущеньицами, до которыхъ, разумѣется, нѣтъ никому никакого дѣла.

БАРЫКОВЪ.

А кто тебѣ не велѣлъ свою сестрицу замужъ выдать? Давно бы она успокоилась отъ всѣхъ своихъ тревоженій.

РОСТОВСКИЙ *(съ горечью)*.

Я въ свахи не гожусь не только для своей коленкоровой сестрицы, но даже для самого себя. Иль ты позабылъ, какъ хорошо устроилась моя собственная семейная жизнь? Лучшей каррикатуры на „семейный очагъ“ и выдумать невозможно.

БАРЫКОВЪ.

Да что ты сегодня рычишь цѣлое утро? Лѣвой ногой что-ли всталъ, или въ правой подагра разыгралась? Сестрицу твою, положимъ, романъ какой-то разогорчилъ, а ты отчего свирѣбьешь? Денегъ, вѣрно, опять нѣтъ, замотался по обыкновенію?

РОСТОВСКИЙ.

На этотъ разъ ты догадливъ.

БАРЫКОВЪ.

Вольно же проживать вдвое болѣе того, что получаешь. Нынче, братъ, и тузы съ черепахового супа на борщъ съѣхали. Не тѣ времена!

РОСТОВСКИЙ.

Давръ, взгляни ты на меня, подумай немножко и скажи мнѣ: кто я таковъ, по твоему мнѣнію?

БАРЫКОВЪ.

Не понимаю, къ чему ты все это клонишь. Не расхваться же мнѣ въ похвалахъ передъ тобою.

РОСТОВСКІЙ.

Взгляни ты на меня, говорю я тебѣ. Кто я такой? Я вдовецъ. у котораго есть молодая жена, отецъ, который не видитъ никогда своего сына, семьянинъ и мужъ, оставшійся за штатомъ, какая-то старая дѣвка мужскаго пола, нравственный бродяга, — вотъ что я такое.

БАРЫКОВЪ.

Те-те-те! Такъ вотъ оно что!.. О молодой женѣ, значить, соскучился, къ женивой юбкѣ опять тянуть начинается. Ужь ты вновь не влюбился ли, душа моя, въ свою супругу за сорокъ-то лѣтъ? Что-жь, съ мужьями это иногда бываетъ. (*Смѣется, подмигивая*). Выходить, что Эмилию Андреевну по-боку? А?

РОСТОВСКІЙ.

Не въ ту сторону ты глядишь, Лавръ Лавровичъ. Я слишкомъ старъ и опытенъ для того, чтобъ мечтать о семейныхъ сладостяхъ. Нѣкоторыя ошибки позволительно дѣлать только одинъ разъ въ жизни.

БАРЫКОВЪ.

Послѣ этого, хоть убей меня и закупори въ чемоданъ, я ровно ничего не понимаю. Разошелся ты съ женой по добровольному соглашенію между вами, и жизнь ваша пошла въ разныя стороны. Значить, и дѣло въ сторону. О чемъ же толковать еще?

РОСТОВСКИЙ.

Есть о чемъ, любезный другъ. Ты знаешь, что я хоть и занимаю довольно видное общественное положеніе, но чрезвычайно мало дорожу общественнымъ мнѣніемъ; тебѣ также хорошо извѣстно, что я человѣкъ безъ всякихъ предразсудковъ.

БАРЫКОВЪ.

А нѣкоторые предразсудки тебѣ имѣть не мѣшало бы: есть въ числѣ ихъ и хорошіе.

РОСТОВСКИЙ.

Но то общество, которому я служу, съ которымъ у меня есть неразрывныя связи, смотреть на многое по своему, и ссориться съ нимъ я не желаю. Дураковъ не передѣлаешь, а только разозлишь противорѣчіемъ. Между тѣмъ до меня дошли слухи, что въ этомъ обществѣ стали ходить разныя небылицы о причинахъ моего разрыва съ женой и, замѣть, эти небылицы не столько обидны для меня, сколько для жены моей. Все это, положимъ, мелочи, но вѣдь и мы сами не великіе люди.

БАРЫКОВЪ.

И благодареніе Создателю! Къ цикорію и ко всѣмъ великимъ людямъ имѣю я одинаково глубокое отвращеніе.

РОСТОВСКИЙ.

Къ тому же, и это главное, Лавръ, у меня есть сынъ, на которомъ тяжелѣе всѣхъ можетъ отразиться наша семейная разлада. Я, какъ отецъ, долженъ объ этомъ подумать и вотъ на чемъ я остановился: мнѣ съ женой необходимо жить теперь вмѣстѣ, разумѣется, жить вмѣстѣ для виду, при полной независимости другъ отъ друга. Понялъ?

БАРЫКОВЪ.

Какъ не понять. Мысль недурна, одобряю. Жена твоя молодая, со средствами, а твои дѣлишки поразстроились... Хе! хе!..

РОСТОВСКІЙ.

Лавръ, твои гарнизонныя шуточки циничны и неумѣстны. Съ Ниной Николавной у меня всѣ отношенія давно порваны; у насъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ любви къ нашему маленькому Володѣ. Въ моей честности, Лавръ, еще никто не сомнѣвался.

БАРЫКОВЪ:

Не сердись, пожалуйста. Я теперь буду серьезенъ, какъ словъ. Какъ твой старый пріятель, я бы первый искренно порадовался вашему второму соединенію, еслибы только оно состоялось. Въ этомъ-то весь и вопросъ. Что скажетъ Нина Николавна о твоёмъ планѣ? Знаетъ она его?

РОСТОВСКІЙ.

Знаетъ. Я къ ней писалъ о немъ.

БАРЫКОВЪ.

Что-жь она?

РОСТОВСКІЙ.

Не удостоила даже отвѣтомъ, хотя послѣ моего письма къ ней, прошло уже болѣе недѣли.

БАРЫКОВЪ.

Такъ-таки ни слова?

РОСТОВСКІЙ.

Ни слова.

БАРЫКОВЪ.

И ты молчишь, рыцарствуешь?

РОСТОВСКІЙ.

Пока молчу.

БАРЫКОВЪ (*вскакивая съ мѣста*).

Ахъ, чортъ возьми! Это хоть кого взорветъ и безъ пороку... Вотъ оно, ваше хваленное прогрессивное время, вотъ къ чему привелъ васъ этотъ юбочный, такъ-называемый „женскій вопросъ“, которымъ запрудили всѣ молодыя головы и даже людей солидныхъ съ толку сбили. Чего-жь ты смотришь? Вѣдь ты — мужъ, вѣдь ты вправѣ, кажется, *требовать* къ себѣ жену свою, которая тебя не слушается. Порядочные люди — за тебя, законъ — за тебѣя.

РОСТОВСКИЙ.

Ахъ, ты киргизъ-кайсакъ неисправимый! Что-жь, мнѣ жаловаться, что-ли, по твоему, прикажешь на жену?

БАРЫКОВЪ.

Жаловаться!

РОСТОВСКИЙ.

Черезъ полицію требовать?..

БАРЫКОВЪ.

Черезъ полицію требовать!..

РОСТОВСКИЙ.

Дикій ты человекъ, Лавръ Лавровичъ. Хорошо бы было я, еслибъ одинъ скандалъ вздумалъ преобразовать большимъ скандаломъ. Нѣтъ, Лавръ, ты меня плохо знаешь. Я упрямъ, я настойчивъ, я добьюсь того, чего желаю, но не тѣмъ татарскимъ путемъ, который ты предлагаешь.

БАРЫКОВЪ.

Слушать даже обидно человекъ! Да постыдись, батюшка, Иванъ Евстафьевичъ! Вѣдь ты не молокососъ, не косматый мальчишка, который, какъ кошка съ саломъ, носится съ своими

убѣжденіями, да съ современными вопросами. У тебя вонъ съдѣла въ головѣ! Что-жь по твоему-то теперь нужно дѣлать?

РОСТОВСКІЙ.
Пока ждать. Вчера я писалъ къ ней еще разъ и она должна же мнѣ отвѣтить.

БАРЫКОВЪ.
А если опять не отвѣтитъ?

РОСТОВСКІЙ.

О, тогда я стану дѣйствовать по своему плану и за успѣхъ его ручаюсь тебѣ своей головой. Я не побоюсь ея желчнаго брата, промотавшагося авантюриста, который чванится своею бѣдностью, какъ индѣйскій набобъ своими милліонами; не испугаюсь и ея услужливаго родственника, крикливаго адвокатишку, готоваго доказывать, что всякій обвиняемый плутъ есть честный человѣкъ, а всякій честный обвинитель есть мошенникъ. О, стойте, господа! мы еще потягаемся, еще посмотримъ — чья возьметъ.

БАРЫКОВЪ.

Поступай, какъ знаешь. Одно скажу только: на твоёмъ мѣстѣ это дѣло я бы въ два-три дня скрутилъ и поставилъ бы на своёмъ.

(Въ концѣ послѣдней сцены Марья Евстафьевна нѣсколько разъ выглядывала изъ правыхъ дверей, стараясь вслушаться въ разговоръ).

РОСТОВСКІЙ.

Онъ все свое. Ты вотъ что сдѣлай. Съѣзди въ Нинѣ Николаевнѣ, какъ будто отъ себя, но ни о чемъ не спрашивай, разумѣется; можетъ быть, она сама будетъ говорить о письмѣ

моемъ, и о томъ, что намѣрена теперь дѣлать. Ты вѣдь давно не былъ тамъ?

БАРЫКОВЪ.

Давненко. Хоть твоя супруга не очень-то меня долюбиваетъ, но я, пожалуй, съѣзжу.

РОСТОВСКІЙ.

Я бы могъ послать туда свою сестрицу, но она, чего добраго, передъ женой юни распуститъ или такой вздоръ понесетъ, что все дѣло испортитъ своею золотушною чувствительностью.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*выскакивая изъ-за двери*).

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА

И никогда, сударь, помогать вамъ въ такомъ дѣлѣ не стану, никогда, никогда!.. Вы всегда меня обижаете, душой считаете, а я вамъ все-таки напрямикъ скажу, что жена ваша ангель кротости и терпѣнія, а вы эгоистъ холодный, деспотъ, тиранъ, хоть и Богъ знаетъ за какую добродѣтель себя выдаете, какъ васъ послушаешь.

РОСТОВСКІЙ.

А подслушивать все-таки не годится. Это вамъ урокъ: не торчите другой разъ у дверей... И какъ это въ васъ, Марья Евстафьевна, въ одно и то же время уживаются два такія свойства: нѣмецкая сантиментальность съ любозпательностью французскаго сыщика?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Какъ это я съ вами уживаюсь, — вотъ чему нужно дивиться!

БАРЫКОВЪ.

Не сердитесь, Марья Евстафьевна, иначе, смотрите, я побоюсь сдѣлать вамъ предложеніе.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Оставьте меня въ покоѣ.

БАРЫКОВЪ (*береть шляпу*).

Не женюсь, ей-Богу не женюсь на васъ. (*Ростовскому*).
Ну, братъ, до свиданья. Все сдѣлаю, что могу. (*Уходитъ*).
Марья Евстафьевна подходитъ къ столу съ книгами. Ростовскій, не замѣчая ее, въ раздумьи ходитъ по комнатѣ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ *безъ* БАРЫКОВА.

РОСТОВСКІЙ.

Извольте тутъ выворачиваться. Жильцы не платятъ денегъ, кредиторы пристають, какъ пиявки, — долги, долги, и долги, и главнѣе всего — этотъ проклятый вексель у меня изъ головы не выходитъ. Дернудъ же меня чортъ!..

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Бездушное созданіе! Можетъ ли онъ любить кого-нибудь? У этого холоднаго человѣка вѣсто сердца какая-то таблица умноженія. (*Уходитъ, декламируя на распѣвъ*):

И никого во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

РОСТОВСКІЙ *одинъ*.

РОСТОВСКІЙ.

Всему этому необходимо положить конецъ. Мнѣ нужны деньги и они у меня будутъ. Только тотъ можетъ называться вполнѣ умнымъ человѣкомъ, кто располагаетъ большими средствами, кто

умѣть добывать ихъ, не опасаясь пробхаться, въ качествѣ подсудимаго, въ арестантской каретѣ. Разныя олухи и мелкотравчатые глущи, пожалуй, въ состояніи говорить, что я хочу обкрадывать свою жену. У нашихъ грошовыхъ утопистовъ любимое слово—эксплуатація. Но понимаете ли вы, окаменѣлые рутинеры, что капиталъ, находящійся въ рукахъ безтолковой и капризной женщины, есть мертвая, непродуцирующая сила, та же крестьянская кубышка, зарытая въ землю. Теоріи, вопросы, утопіи!.. Меня не заманешь ими: это—кредитные билеты съ оторванными углами, ловушка для недорослей и недоучившихся семинаристовъ... Деньги, деньги, деньги—вотъ въ чемъ вся штука!.. (*Звонитъ въ колокольчикъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

РОСТОВСКІЙ И ПЕТРЪ.

РОСТОВСКІЙ.

Управляющій не былъ здѣсь?

ПЕТРЪ.

Былъ, когда вы еще почивали.

РОСТОВСКІЙ.

Пошлите за нимъ. Если его нѣтъ въ домовой конторѣ, пусть придетъ ко мнѣ тотчасъ, какъ вернется. Ступайте.

ПЕТРЪ.

Слушаю. Васъ, Иванъ Евстафьевичъ, желаетъ видѣть о дна жилища здѣшняго, та вотъ, что со двора въ сорокъ-восьмомъ номерѣ живетъ.

РОСТОВСКІЙ.

Скажите, что я занятъ. (*Петръ хочетъ уйти*). Впрочемъ, постойте: пусть войдетъ. Что ей отъ меня нужно?

(Петръ уходитъ. Ростовскій беретъ со стола газету и при началъ послѣдующей сцены, не поднимая головы и не обарачиваясь къ посетительницамъ, стоитъ лицомъ къ публикѣ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕЯТООЕ.

РОСТОВСКІЙ и БРЖСЛАВСКАЯ *(вся въ черномъ и съ опущеннымъ на лице вуалемъ, входитъ робко, но съ достоинствомъ, и останавливается, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ двери).*

РОСТОВСКІЙ *(не оглядываясь).*

Здравствуйте. Что вамъ угодно?

БРЖСЛАВСКАЯ *(отбрасывая вуаль).*

Я пришла просить у васъ.. небольшой отсрочки. Я должна за квартиру въ вашемъ домѣ... *(робко, едва скрывая волненіе)* за три мѣсяца. Я все заплачу вамъ, Иванъ Евстафьевичъ, но ради Бога, подождите немного. У меня больной ребенокъ, а вашъ управляющій требуетъ, чтобъ я немедленно очистила квартиру.

РОСТОВСКІЙ.

И прекрасно дѣлаетъ. У меня, сударыня, не богадѣльня въ домѣ.

БРЖСЛАВСКАЯ.

Я прошу у васъ, Иванъ Евстафьевичъ, лишь временной и небольшой отсрочки. Только двѣ недѣли тому назадъ умеръ мой мужъ...

РОСТОВСКІЙ.

Надѣюсь, что я въ этомъ невиноватъ.

БРЖСЛАВСКАЯ (*дѣлаетъ невольное движеніе*).

Кажется я виновата, что рѣшилась обратиться къ вамъ съ своей просьбой.

РОСТОВСКІЙ (*оборачивается, надвѣвая лорнетъ*).

Переговорите сударыня, съ моимъ управляющимъ, а меня... (*тихо*). Ба! Да это просто богиня, сошедшая на землю инкогнито! (*совершенно мѣняя тонъ*). Позвольте узнать, впрочемъ, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? Ваша фамилія?

БРЖСЛАВСКАЯ.

Бржславская.

РОСТОВСКІЙ.

Извините. Я принялъ васъ... за другую.

БРЖСЛАВСКАЯ.

Принять за другую вы меня едва-ли могли, потому что видите меня первый разъ въ жизни.

РОСТОВСКІЙ.

Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ извините меня. Вы видимо очень утомлены. Присядьте, пожалуйста.

БРЖСЛАВСКАЯ.

Не беспокойтесь. Я сейчасъ ухожу. Если вы можете подождать уплаты моего долга двѣ недѣли, то вы меня очень обяжете.

РОСТОВСКІЙ.

Я вамъ не въ состояніи отказывать. Все это пустяки и сегодня же я скажу управляющему, чтобъ онъ васъ не беспокоилъ.

БРЖСЛАВСКАЯ.

Благодарю васъ. Долгая болѣзнь моего мужа совершенно разстроила наши дѣла и послѣ его смерти я осталась безъ всякихъ средствъ.

РОСТОВСКІЙ.

Надѣюсь, что это не надолго. Женщина съ вашей наружностью не имѣетъ права быть бѣдной. Стоитъ вамъ только пожелать... (*Подходитъ къ ней ближе, она дѣлаетъ шагъ назадъ*). Вы позволите мнѣ самому быть у васъ?

БРЖСЛАВСКАЯ.

Извините. Я никого теперь къ себѣ не принимаю, квартирой своей довольна и вамъ нѣтъ причины беспокоиться.

РОСТОВСКІЙ.

О, какъ вы суровы! Но я ли виновать, что въ вашей красотѣ есть притягательная сила?.. Я все-таки непременно хочу быть у васъ, madame Бржславская.

БРЖСЛАВСКАЯ (*отступая отъ него къ окнамъ*).

Милостивый государь! Неужели мое горе, моя бѣдность даютъ право на неуваженіе? Неужели этотъ трауръ не говоритъ вамъ о моей беззащитности и несчастіи? Я не ожидала въ васъ встрѣтить особаго участія, но никакъ не думала, что вы рѣшитесь оскорблять меня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

РОСТОВСКІЙ (*одинъ*).

РОСТОВСКІЙ.

Старая исторія. На первыхъ порахъ бѣдность представляется этой бѣдняжкѣ какимъ-то благороднымъ подвижничествомъ, и она находится пока въ томъ періодѣ нищенскаго фанфаронства, который у женщинъ, увы! бываетъ очень непродолжителенъ. Первые истрепанные башмаки ведутъ за собой цѣлый рядъ уступокъ и любовныхъ слѣлокъ съ совѣстью, а потомъ... (*дѣлаетъ*

рукой вензель по воздуху). Старая исторія!.. Этой вдовушкой мы еще займемся, однако...

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКИЙ и ПЕТРЪ (*вбѣгая*).

ПЕТРЪ.

Барыня пріѣхала, Нина Николавна...

РОСТОВСКИЙ.

А, а! Наконецъ-то! (*Петру*) — Просите Нину Николавну сюда. Я никого не принимаю теперь. Скажите то же Марьѣ Евстафьевнѣ...

ПЕТРЪ.

Да ихъ дома нѣтъ-съ; онѣ сейчасъ уѣхали.

РОСТОВСКИЙ.

Тѣмъ лучше!.. Просите же сюда Нину Николавну. (*Петръ уходитъ*). Горизонтъ начинаетъ проясняться и развязка приближается. Если меня на первый разъ не выручитъ діалектика, то я тогда отъ слова перейду къ дѣлу и сочиню для любезной супруги такой поучительный романъ съ юридической подкладкой.....

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКИЙ и НИНА НИКОЛАЕВНА..

РОСТОВСКИЙ (*идетъ къ ней на встрѣчу*).

Не сѣтуйте на больного человѣка, Нина Николавна, котораго вы застаете въ его стариковскомъ халатѣ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Если мнѣ есть за что на васъ сѣтовать, то ужъ, вѣроятно, не за платье, въ которомъ вы меня встрѣчаете.

РОСТОВСКИЙ.

Вы всегда были добродѣтельной моралисткой и я, какъ всегда, преклоняюсь теперь предъ вашею моралью.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Оставьте вашу обычную манеру, Иванъ Евстафьевичъ. Вы знаете, для чего я къ вамъ пріѣхала, такъ перейдемте прямо къ дѣлу.

РОСТОВСКИЙ (*подвигая къ ней кресло*).

Это и мое желаніе; я давно ожидалъ вашего отвѣта.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы его могли отгадать. Хоть вы меня и пріучили къ разнымъ неожиданностямъ, но, признаюсь вамъ, содержаніе двухъ вашихъ писемъ меня просто изумило. Я не хотѣла заводить бесполезной переписки и рѣшилась лично разъ на всегда объяснитьсь съ вами. Растолкуйте же мнѣ вашу мистификацію.

РОСТОВСКИЙ.

И вамъ это кажется мистификаціей, Нина Николаевна, вамъ, женщинѣ? Вы забываете, что въ сердцѣ чловѣка есть уголки, которыхъ не только другіе, но даже онъ самъ до поры до времени не знаетъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Это было бы очень трогательно, еслибы я васъ меньше знала... Ужь не любовное ли признаніе хотите вы мнѣ сдѣлать? Слушать васъ мнѣ скорѣе больно, чѣмъ обидно.

РОСТОВСКИЙ.

Вспомните, что вы любили меня когда-то, Нина Николаевна!..

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вспомните, что вы никогда меня не любили, Иванъ Евстафьевичъ! А моя любовь къ вамъ была моимъ несчастіемъ,

насмѣшкой надъ лучшими годами моей молодости. Я васъ любила, какъ дѣвочка, въ васъ свято вѣрившая, беззавѣтно вамъ отдавшаяся, но вы открыли мнѣ глаза, вы сдѣлали изъ дѣвочки женщину, женщину глубоко несчастную и я, вы знаете, не люблю васъ болѣе! Я васъ только не люблю,—не заставляйте же презирать себя, прибѣгая къ новымъ выдумкамъ и комедіямъ. Сбросьте вашу личину, Иванъ Евстафьевичъ, и объясните какъ нибудь попроще: чего вы отъ меня хотите?

РОСТОВСКИЙ.

Какъ ни горько мнѣ слушать васъ, Нина Николаевна, но я не сержусь на ваши слова. Вы женщина, въ которой прежде всего дѣйствуютъ впечатлительность и воображеніе. Изъ женщинъ, подобныхъ вамъ,—а вы неподобнѣйшая изъ нихъ...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Благодарю васъ!

РОСТОВСКИЙ.

Могутъ выходить, пожалуй, хорошіе художники и поэты, но судьи и администраторы никогда.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но къ чему все что витійство? Я васъ не понимаю. Кажется, между нами все уже давно кончено.

РОСТОВСКИЙ *(не выдерживая тона)*.

Вы имѣете нравственное право, сударыня, не признавать во мнѣ своего мужа и имѣете право любить кого вамъ угодно. Я въ ваши сердечныя дѣла не мѣшаюсь, хотя бы у васъ было столько же любов... столько же привязанностей, сколько складокъ на вашемъ платьѣ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы начинаете оскорблять меня. Неужели для того, чтобъ женщины безопасно говорить съ вами, нужно являться въ ваннѣ доми подъ чьей нибудь охраной?

РОСТОВСКІЙ (*сдерживаясь*).

Простите меня за невольную горячность. Я хотѣлъ только дать понять вамъ, что, отрицая во мнѣ мужа, вы не можете отрицать во мнѣ отца нашего сына. Я такъ люблю Володю, мнѣ такъ хотѣлось бы шагъ за шагомъ слѣдить за его развитіемъ, видѣть его близъ себя постоянно, а между тѣмъ, я его вижу очень рѣдко, я почти чужой для него.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Давно ли въ васъ пробудились ваши родительскія чувства къ Володѣ, къ которому вы до сихъ поръ были такъ равнодушны? Это для меня очень ново.

РОСТОВСКІЙ.

Володя былъ очень малъ прежде; теперь онъ подростаетъ, и долженъ знать, что у него есть отецъ. На мнѣ лежитъ священная обязанность принять участіе въ воспитаніи этого мальчика, и васъ едва-ли можетъ удивлять мое желаніе.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, удивляетъ, и я, извините, не вѣрю въ его искренность. Къ тому же, вы вѣрно забыли тѣ условія, при которыхъ мы разошлись. Вы дали мнѣ честное слово оставить навсегда въ покоѣ и меня, и моего сына, ввѣривши мнѣ его воспитаніе. Вы помните также, что я отдала вамъ въ то время почти половину своего состоянія, отъ котораго, кажется, теперь осталось одно только пріятное воспоминаніе.

РОСТОВСКИЙ.

Что это—упрекъ, или иронія, Нина Николаевна? Я не торгуюсь съ вами, я не касаюсь до матеріальнаго вопроса, а мнѣ дорога одна нравственная сторона дѣла. Я ничего не требую отъ васъ, не посягаю на вашу свободу, но умоляю о внѣшнемъ примиреніи, и не столько для людей, сколько опять-таки для Володи, который не долженъ съ ранняго дѣтства сознать раздора и отчужденія между его отцомъ и матерью. Вотъ о чемъ я умоляю васъ!...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Никогда!

РОСТОВСКИЙ.

Вы знаете, какъ я гордъ, Нина Николаевна, но я готовъ стать передъ вами на колѣна.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Что-жь! Тогда вы будете ниже самого себя.

РОСТОВСКИЙ.

Вы смѣтаетесь?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, потому, что вы—удивительный комикъ.

РОСТОВСКИЙ.

И такъ вы отказываете мнѣ? Это ваше послѣднее слово?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

И самое рѣшительное.

РОСТОВСКИЙ.

Ну-съ, а права отца, по вашему, ничего не значать?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

А права матери? Вы ихъ не признаете?

РОСТОВСКИЙ.

Ха!... У васъ, кажется, есть домашній юристъ, такъ я со-
вѣтую вамъ потолковать съ нимъ прежде объ юридическихъ пра-
вахъ матери.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы начинаете грозить мнѣ?

РОСТОВСКИЙ.

О, ничуть!... Я умываю руки. Я передалъ вамъ самое естест-
венное, самое законное желаніе отца, а на чьей сторонѣ правда
и сила—рѣшать время и... Вы скоро уѣзжаете въ деревню?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Думаю что скоро.

РОСТОВСКИЙ.

А когда я увижу Володю? Вы его словно боитесь отпустить
ко мнѣ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы даже не спросили о его здоровьѣ. Онъ былъ весной
очень боленъ, и только недавно поправился. Его вы увидите,
вѣроятно, сегодня же. Нашъ разговоръ конченъ, и надѣюсь, что
мы къ нему никогда болѣе не вернемся. До свиданья. (*Жметъ
руку мужу, и уходитъ. Ростовскій провожаетъ ее до
двери*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКИЙ. (*Одинъ въ раздраженіи отходитъ отъ двери*).

Да-съ, дос-в-и-д-а-н-ь-я, сударыня! Мы еще увидимся. Посто йте.
игра моя только начинается... А! вы богаты, и потому вѣрите въ свою
самостоятельность, презрительно отвѣчаете на мои просьбы... Пого-

дите, я добавжу вамъ всю хрупкость вашей силы, вашей самонадѣянности! Я не прибѣгну къ подъяческимъ мѣрамъ для вашего обузданія, но обращу вашъ презрительный тонъ въ истерическія рыданія... Вы будете ползать у ногъ моихъ, вымаливая у меня позволеніе сдѣлать то, о чемъ я самъ унижительно просилъ васъ сію минуту...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКІЙ и ПЕТРЬ. (*Петръ приноситъ на поднось нѣсколько писемъ, подаетъ, и останавливается въ дверяхъ*).

РОСТОВСКІЙ.

Ба! дружескія записки!... Впередъ могу угадать ихъ содержаніе. Онѣ всё на одну и ту же тѣму: „Пришли мнѣ, пожалуйста, столько-то рублей до завтра“... (*Бросаетъ письма на столъ, не распечатывая. Петру*). Вы чего ждете?

ПЕТРЬ.

Да я смѣю васъ беспокоить насчетъ своего жалованья, Иванъ Евстафьевичъ... Ужъ пятый мѣсяць...

РОСТОВСКІЙ.

Послѣ, послѣ... Теперь мнѣ некогда. Я сегодня цѣлое утро занятъ дома. Прошу васъ всёмъ отказывать.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

РОСТОВСКІЙ, ЭМИЛІЯ АНДРЕЕВНА КОХЪ и ХЛЮСТИНЬ.

(*Петръ скрывается*).

ЭМИЛІЯ АНДРЕЕВНА.

(*быстро входитъ въ амазонкѣ, съ хлыстомъ*). — Вѣсьмъ отказывать, кромѣ меня, разумѣется, и моего спутника. (*Останавливаясь въ дверяхъ*). Встрѣчайте, и целуйте мою ручку.

*

ХЛЮСТИНЪ.

Ура! Мы застаемъ несправимаго грѣшника въ халатѣ, а отъ его крыльца только сейчасъ отъѣхала карета съ какой-то дамой... Эмилія Андреевна! Соображайте: ужасное свершилось злодѣянье!"

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Я взбѣшена, и не хочу ни минуты долѣе оставаться здѣсь. *(Бросается въ кресла)*. Преступниезъ! Отвѣчайте — кто былъ у васъ?

ХЛЮСТИНЪ.

Имя! имя коварной!

РОСТОВСКІЙ.

Для вашего остроумія въ этомъ случаѣ пици не найдется: здѣсь была моя жена.

ХЛЮСТИНЪ.

Браво! Брависсимо!... О, варваръ! Ему надоѣли интриги съ посторонними женщинами, и онъ назначаетъ свиданія собственной женѣ своей. Неправда ли, оригинально?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Неподражаемо! Любовникъ своей отставной супруги! Ха. ха, ха! Это такъ мило, что я даже не сержусь на васъ, тѣмъ болѣе, что я устала, и хочу пить, хочу ѣсть... Давайте же намъ завтракъ, вина, шампанскаго...

ХЛЮСТИНЪ.

Блистательная мысль! Я самъ голоденъ, какъ волкъ, и хочу пить, какъ утка, только, разумѣется, не воду.

РОСТОВСКІЙ.

Такъ распорядись, Жоржъ, насчетъ завтрака.

ХЛЮСТИНЪ

Два раза просить не заставляю... (*Уходитъ, напывая:*)

Чтобъ выпить, чокнемся сначала,

И пьемъ, чтобъ чокаться потомъ!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ БЕЗЪ ХЛЮСТИНА.

РОСТОВСКІЙ.

(*Беретъ Эмилию Андреевну за талию.*)—Капризница,

чтожь вы меня не поцалуете?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Вы этого не заслуживаете. Я на васъ сердита.

РОСТОВСКІЙ.

За что это?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ за что? Скажите, онъ еще спрашиваетъ! А обѣщанныя деньги? Меня загрызли разные модистки, магазинчики, куаферы, загрызла скука и безденежье, а вы и глазъ не показываете... Чудовище!...

РОСТОВСКІЙ.

Чтожь вы не обратитесь къ этому пустомѣль (*указывая на дверь*), къ Жоржу, моя милая комета? Не даромъ же вы его съ собою теперъ таскаете всюду...

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Увы, даромъ! Онъ еще сегодня объявлялъ мнѣ трагически-торжественно: „Съ душевнымъ прискорбіемъ имѣю честь извѣстить васъ, что мои денежные ресурсы приказали долго жить“. Ужь не ревнуете ли вы меня къ нему?

РОСТОВСКИЙ.

Его? Можно ли ревновать къ тому, кого я могу вунить?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Злой!... Вѣдь онъ считается вашимъ пріателемъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ХЛЮСТИНЪ.

ХЛЮСТИНЪ.

Въ минуту все будетъ готово.

РОСТОВСКИЙ.

Благодарю. Не хочешь ли сигару? (*Указываетъ ему на ящикъ съ сигарами*).

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Жоржъ! вы можете считать Ростовскаго лучшимъ своимъ другомъ; онъ сейчасъ расхваливалъ васъ мнѣ.

ХЛЮСТИНЪ.

О, дружба, дружба! Ты была бы вдвое цѣннѣе, еслибы разбивалась на кредитныя бумажки и помогала намъ „въ минуту жизни трудную“... Между тѣмъ, эта „дружба“ (*подходитъ къ столу, и взявъ одинъ изъ конвертовъ*) даже не распечатываетъ моихъ писемъ, и бросаетъ ихъ, не читая. Да, друзья не любятъ вносить за насъ долговъ нашихъ.

РОСТОВСКИЙ.

За друзей. Жоржъ, вносить съ охотой только однѣ деньги — кормовыя. Хочешь, внесу?

ХЛЮСТИНЪ.

Я знаю, ты настолько практиченъ, что не станешь тратить безъ толку деньги. За такую плату дружбы я могу тебѣ отвѣ-

ТИТЬ ТОЛЬКО ОДНОЮ ПЛАТОНИЧЕСКОЮ НЕНАВИСТЬЮ, а въ ней барыша немного, я думаю.

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА

Жоржъ, вы начинаете говорить вздоръ.

ХЛЮСТИНЪ.

Я не настолько простъ, чтобы говорить всегда умныя вещи. Ужь—тотъ же десертъ, безъ котораго обойтись можно, а глупость—это обѣдъ, безъ котораго умрешь съ голоду.

РОСТОВСКІЙ.

Не передъ завтракомъ-ли додумался ты до такой мудрости?

ХЛЮСТИНЪ.

О, передъ завтракомъ, для сохраненія аппетита, я никогда не думаю: я могу только сплетничать. *(Петръ и другой слуга приносятъ и ставятъ на столъ завтракъ, двѣ бутылки вина и бутылку клико. Уходятъ.)*

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Пить, ради-Бога, дайте мнѣ пить... Я просто умираю отъ жажды...

ХЛЮСТИНЪ *(наливая три бокала).*

Если такъ, то я васъ спасаю отъ смерти. Прежде всего, Эмилия Андреевна, мы выпьемъ за здоровье нашего женатаго холостяка.

РОСТОВСКІЙ *(чокаясь съ Эмилией Андреевной).*

И такъ, мы заключаемъ миръ? Да?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Перемиріе только, перемиріе. Еще для васъ предстоитъ испытаніе.

РОСТОВСКИЙ.

Пусть будетъ такъ. Худой миръ все же лучше доброй ссоры, моя недобрая гостья. (*Цалуетъ ей руку*).

ХЛЮСТИНЪ (*сильно занимаясь завтракомъ*).

А худой любовникъ все же лучше добраго мужа.

РОСТОВСКИЙ.

Ты собрался, Жоржъ, сплетничать за завтракомъ. Чтѣ новаго въ городѣ?

ХЛЮТСТИНЪ.

Какія новости лѣтомъ!

РОСТОВСКИЙ.

Однако?

ХЛЮСТИНЪ.

Возьми „Полицейскія Вѣдомости“. Это — единственная газета, которая наводитъ меня на философскія размышленія. Читаешь и видишь, какъ невесело живетъ человѣку на бѣломъ свѣтѣ. Каждый день чье-нибудь имущество продается съ молотка, каждый день кто-нибудь вѣшается, топится или стрѣляется. Я самъ приискиваю приличный родъ смерти, чтобъ умереть на зло своему домохозяину.

ЭМИЛІЯ АНДРЕЕВНА.

Ростовскій, благодарите Бога, что въ вашемъ домѣ нѣтъ жильцовъ, которые расплачиваются такимъ оригинальнымъ способомъ.

ХЛЮСТИНЪ.

Чтѣ еще сказать вамъ! Нашъ общій пріятель Зефиротскій, вернувшись изъ Рима, задумалъ писать громаднѣйшую картину, и дѣло стало только за пустяками: сюжета, говорить, никакого не могу придумать. Положеніе, само по себѣ, достойное особой картины.

РОСТОВСКИЙ.

Что-жь ты надъ нимъ не скалился? Вѣдь чего другаго, а фантазіи тебѣ не занимать-стать.

ХЛЮСТИНЪ.

Я и далъ ему отличнѣйшую тѣму: Пигмаліонъ, обратившій статую въ женщину, умоляетъ Галатею снова сдѣлаться статуей: такъ она ему надоѣла въ формахъ милого живаго созданія...

РОСТОВСКИЙ.

Мысль недурна, одобряю.

ХЛЮСТИНЪ.

Затѣмъ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, въ Лѣсномъ институтѣ сгорѣлъ театръ?

ЭМИЛІЯ АНДРЕЕВНА.

Отчего это?

ХЛЮСТИНЪ.

Какъ отчего? Разумѣется, отъ стыда сгорѣлъ, что въ немъ играли такія бездарности, отъ игры которыхъ можно получить морскую болѣзнь даже на сушѣ. Потомъ,—гдѣ ты берешь игру?— просто объяденье! Потомъ одинъ мой провинціальный однобашникъ хочетъ ставить на сцену свою комедію. Чудакъ вообразилъ, что довольно нѣкотораго таланта и наблюдательности для сочиненія драматическаго произведенія, и написалъ серьезную, понимаете ли, у насъ-то, с-е-р-ь-е-з-н-у-ю пьесу! Нѣтъ ни одной сальности, ни одного скоромнаго мѣста,—о, верхъ наивности! Во всей комедіи нѣтъ ни одного пьянаго, безъ чего не обходится ни единая русская пьеса! Ну, и провалится!... Наконецъ, послѣдняя новость: вашъ покорнѣйшій слуга,—ба! да здѣсь еще лафитъ есть! (*наливаетъ*) изъ бельэтажа перебрался въ пятый этажъ.

РОСТОВСКІЙ.

Что́ видно, плохо пришлось?

ХЛЮСТИНЪ.

Нѣтъ, я увѣряю всѣхъ, что сдѣлалъ это изъ боязни предпологаемаго наводненія.

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Вы, Жоржъ, и въ водѣ не утонете.

ХЛЮСТИНЪ.

Право? Почему?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Потому, что слышомъ... поверхностны.

ХЛЮСТИНЪ.

О, ядовитая амазонка! Вы всегда на меня нападаете, а ради васъ я сегодня не спалъ цѣлую ночь до ранняго утра.

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Ради меня?

ХЛЮСТИНЪ.

Да, всю ночь пилъ за вашу красоту и цѣломудріе. *(Звѣая, беретъ газету, и полулежа помѣщается на диванѣ).*

Господи! есть же такіе счастливыцъ, которые находятъ время читать газеты!...

РОСТОВСКІЙ.

Несчастный! У него въ сутки ровно двадцать-четыре часа свободнаго времени.

ХЛЮСТИНЪ.

Мой другъ, кто постоянно занятъ „ничего-недѣланьемъ“, у того нѣтъ времени ни на какое дѣло. Сами посудите: я ничего не дѣлаю утромъ, шатаюсь до вечера, бездѣлничая весь вечеръ до поздней ночи, и у меня не остается полчаса времени для того,

чтобъ заняться чѣмъ-нибудь путнымъ. (*Начинаетъ дремать и постепенно засыпаетъ, прикрывшись газетой*).

РОСТОВСКИЙ.

Миръ, я думаю, немного потеряетъ, а, пожалуй, еще выиграетъ, лишившись въ тебѣ одного изъ своихъ славныхъ дѣятелей.

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

Однако, мнѣ вѣроятно придется бросить здѣсь своего кавалера. Смотрите, онъ скоро заснетъ.

РОСТОВСКИЙ.

Спи, бульварный бродяга! Ты счастливъ по своему. У тебя нѣтъ завтрашняго дня, какъ нѣтъ ничего своего: ты пользуешься чужими средствами, чужими женами и обѣдами. Женщинъ ты занимаешь своимъ враньемъ, у пріятелей занимаешь деньги, и проживешь такъ до старости, истаскавши здоровье и молодость. Вреди только одному себѣ, ты кончишь, вѣроятно, свою жизнь въ томъ благотворительномъ заведеніи, которое называется „долговымъ отдѣленіемъ“. Спи! Ты все же лучше тѣхъ чердачныхъ ораторовъ, которыхъ знобить какая-то хроническая лихорадка по-вального отрицанія, которые сами странствуя чуть не въ сандаляхъ, отрицаютъ въ богатыхъ людяхъ всѣ достоинства потому только, что они носятъ лакированные сапоги и лайковыя перчатки.

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА. (*смѣясь*).

Бѣдный Жоржъ! Онъ заживо слышитъ надъ собою надгробное слово. Однако, мнѣ пора, и я будить его не стану (*Встаетъ*).

РОСТОВСКИЙ.

Вечеромъ попозже я у васъ буду. Вѣдь вы меня примете?

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

А если нѣтъ?

РОСТОВСКИЙ.

Тогда я возвращусь домой.

ЭМИЛИЯ АНДРЕЕВНА.

А если я вамъ измѣню?

РОСТОВСКИЙ.

Я ревновать не буду: я не татаринъ!... (Обнимая, целуетъ ее. Въ концѣ его фразы отворяется дверь, въ дверяхъ показывается Нина Николаевна, съ Володей. Сзади — перепуганный Петръ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

ТАТЬ ЖЕ И НИНА НИКОЛАЕВНА.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Не въ время гость — хуже татарина!...

Пауза. Сцена.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Часть цвѣтника и сада на дачѣ Нины Николаевны. Слева широкая, съ рѣзной аркой подъ колоннами терраса дачи, уставленная цвѣтами. Справа цвѣтникъ оканчивается густою зеленью сада. Черезъ всю заднюю сцену проходить легкая сквозная рѣшетка съ калиткой посрединѣ. За рѣшеткой дорога; далѣе изъ-за деревьевъ видно взморье. Въ цвѣтникѣ, ближе къ авансценѣ, нѣсколько садовыхъ деревянныхъ скамеекъ со столиками. Сзади ихъ—бильбоке и дѣтская гимнастика съ невысокими шестами и лѣстницей. Стаховичъ у столика занимается исправленіемъ дѣтскаго самодрѣла и навязываетъ на него тетиву. Возлѣ сидитъ Муринъ въ шляпѣ и съ портфелемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СТАХОВИЧЪ И МУРИНЪ.

МУРИНЪ.

Тебя самого, однако, давно не видно, Викторь. Что ты, какъ въ воду кануль?

СТАХОВИЧЪ.

Да кто тебя поймаеть! До васъ, занятыхъ людей, и не доберешся никогда. Вы раздѣлили сутки на множество перегородокъ съ ярлыками: пріемъ, отказъ, отказъ, пріемъ,—и какъ не въ ту перегородку попалъ, такъ и ворочай оглобли назадъ.

МУРИНЪ.

Полно, утромъ я почти постоянно дома; особенно для тебя, моего лучшаго кліента, котораго я всегда готовъ защищать... отъ его собственныхъ парадоксовъ. Ну, при какомъ же парадоксѣ состоишь ты на службѣ въ настоящее время?

СТАХОВИЧЪ.

Я, другъ сердечный, состою въ настоящее время при своей сестрицѣ, въ качествѣ ея тѣлохранителя. Хотя мы живемъ, какъ

ходятъ слухи, въ цивилизованномъ вѣкѣ, когда книжку Милля о правахъ женщины всѣ въ засосъ читали, но также ходять слухи, еще болѣе справедливыя, что многія современныя барыни, особенно молодныя, не очень-то довѣряють новымъ, напускнымъ идейкамъ. Ограждая себя отъ услугъ и дерзостей разныхъ галантерейныхъ циниковъ, эти барыни являются въ публичныя мѣста ужъ не съ веерами, а съ револьверомъ въ карманѣ. Выходить, что безъ тѣлохранителей нельзя обойтись... Нынче и женамъ приходится относительно мужей быть на „военномъ положеніи“.

МУРИНЪ.

А что Ростовскій? Юлитъ по прежнему?

СТАХОВИЧЪ.

Старый волею надѣлъ лисью шкуру. Что-то такое недоброе онъ задумалъ. У подобныхъ людей каждая мысль есть подлость. Ты, пожалуй, скажешь, что и это парадоксъ?... Послѣ неудавшейся чувствительной сцены съ Ниной и послѣ скандальнаго финала этой сцены, нашъ лакированный самодуръ пустился на другую хитрость: отказавшись отъ всѣхъ своихъ требованій, онъ, какъ милости, выпросилъ у сестры позволеніе иногда, хоть разъ въ годъ, бывать здѣсь, чтобъ взглянуть на сына.

МУРИНЪ.

Объ этомъ мнѣ ужъ говорила Нина Николаевна. Что-жь, былъ онъ у васъ, или нѣтъ?

СТАХОВИЧЪ.

Будетъ сегодня. Нынче день рожденія Володи. Сейчасъ вѣжнѣйшій родитель прислалъ ему цѣлый коробъ игрушекъ съ извѣщеніемъ, что пожалуетъ и самъ. Нина пошла въ паркъ, еще объ

этомъ не зная, и, чего добраго, встрѣтить мужа на дорогѣ. Не хочешь ли, Муринъ, присутствовать при зрѣлищѣ—блуднаго отца, приходящаго въ гости къ своему сыну? Любопытно.

МУРИНЪ.

Благодарю покорно. Я вовсе не имѣю желанія встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ. Мнѣ и безъ того, чуть не каждый день приходится возиться съ такими гусями лапчатыми.

СТАХОВИЧЪ.

Нѣтъ, батюшка, этотъ гусь особаго калибра и новой закалки. Такіе теперь нерѣдко стали попадаться, но только ихъ ни въ чемъ съ поличнымъ не поймашь. Такіе шарлатаны и въ гробъ сходятъ съ чистою репутаціей порядочныхъ и даже передовыхъ людей. Люди, подобные Ростовскому, всякой своей мерзости умѣютъ придать благовидную и либеральную форму. Поди, потолкуй съ такимъ: я самъ когда-то, чуть не съ ребяческимъ восторгомъ, увлекался мужемъ Нины... Да и то сказать: вѣкъ и чѣмъ я прежде не увлекался! Вспомнить скверно.

МУРИНЪ.

Ну, а теперь?

СТАХОВИЧЪ.

Теперь? Теперь, вотъ какъ видишь, съ дѣтскими игрушками возжусь. Ты думаешь, умная дѣтская игрушка—пустяки, а мнѣ такъ за человѣчество дѣлается стыдно. Великіе умники въ мірѣ появляются, да все только порохъ съ игольчатыми ружьями сочиняютъ, а игрушки порядочной никто придумать не умѣетъ. Вотъ мы и дѣлаемъ и даримъ нашимъ дѣтямъ—самострѣлы, пушки, сабли, барабаны. А ужъ о дѣтскихъ книжкахъ нашихъ и гово-

рить нечего: любая изъ нихъ, по своей тупости и пошлости, съ успѣхомъ замѣняетъ для ребенка тѣлесное наказаніе.

МУРИНЪ.

Право, я начинаю думать, что изъ тебя, Викторъ, можетъ выработаться современнѣйшій педагогъ.

СТАХОВИЧЪ.

Не радуйся напрасно, хоть воспитаніе дѣтей есть лучшее дѣло, по моему. Какой я педагогъ, когда вотъ самострѣль для Володьки стрѣпаю: какой нибудь печенегъ умѣлъ бы сдѣлать то же самое. Да, Муринъ, выдумай кто умную игрушку, того я умнымъ человѣкомъ назову.

МУРИНЪ.

Ты, пожалуй, скоро пожелаешь, чтобъ всё только и занималось придумываньемъ умныхъ игрушекъ.

СТАХОВИЧЪ.

А ты что думаешь? По игрушкамъ дѣти учиться должны... Вамъ бы все на широкую ногу, міровныя идеи въ общее сознаніе проводить, Америку открывать, а до идиотскихъ игръ дѣтей вамъ дѣла никакого нѣтъ. Всѣ мы, милѣйшій другъ, любимъ скорбѣть объ участи вселенной, а собственнаго быта, собственнаго уголка устроить не умѣемъ. Я, впрочемъ, это не о тебѣ говорю. Ты нашелъ свое призваніе, а съ призваніемъ всякій трудъ плодотворенъ, не исключая и адвокатскаго.

МУРИНЪ.

Благодаримъ за доброе слово.

СТАХОВИЧЪ.

Погоди благодарить. Твое дѣло потому только и хорошо,

что ты въ него вѣришь, и относишься къ нему не какъ ремесленникъ, а въ сущности, братецъ, и ваше дѣло пустое.

МУРИНЪ.

А не самъ-ли ты едва не плазалъ двѣ недѣли назадъ, когда я оправдалъ того несчастнаго учителя, котораго такъ несправедливо обвиняли въ кражѣ? Помнишь?

СТАХОВИЧЪ.

Постой, постой... Частный, одинокій фактъ ничего не объясняетъ. Ты спасъ одного, спасешь еще многихъ, а сотни, тысячи будутъ погибать попрежнему, потому что общихъ причинъ зла вы уничтожить не можете.

МУРИНЪ.

Мы люди скромные и великихъ замысловъ не имѣемъ. По нашему—спасеніе хотя, одного невиннаго есть уже заслуга цѣлой жизни.

СТАХОВИЧЪ.

Громкая фраза, другъ сердечный, громкая фраза изъ прощесей. Два года тому назадъ въ Швейцаріи я вытащилъ изъ воды утопающаго блуаника, могъ вытащить, предположимъ, еще десятерныхъ, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ,—медаль бы развѣ получилъ,—и я все-таки сталъ бы слыть, какъ и теперь слышу, празднымъ человѣкомъ, человѣкомъ, неизмѣющимъ определенныхъ занятій.

МУРИНЪ.

Послушай, Викторъ, зачѣмъ ты клеветашь постоянно на себя и хочешь казаться не тѣмъ, кто ты есть на самомъ дѣлѣ? У тебя богатыя способности, славная голова и нѣтъ въ тебѣ только устойчивости, терпимости и житейскаго такта, чтобъ...

СТАХОВИЧЪ.

Чтобъ съ успѣхомъ занять эти способности на какомъ-нибудь гражданскомъ поприщѣ? Такъ что-ли? Вотъ что я тебѣ отвѣчу на это: лишнимъ винтомъ въ ненужной машинѣ я быть не желаю, а къ дѣятельности дѣйствительно полезной я негоденъ, такъ-таки совершенно негоденъ, и все тутъ. Кого же я стану въ такомъ случаѣ обманывать: людей или самого себя?

МУРИНЪ.

То-то и есть, что ты обманываешь самого себя, приходя къ какому-то самоуничиженію „лишнихъ людей“.

СТАХОВИЧЪ.

Экъ, куда хватилъ! Какой я „лишний человекъ“, помилуй! У „лишнихъ людей“ всякое дѣло изъ рукъ валится, а я, напротивъ, человекъ — на все руки; все и ничего: вотъ это-то и скверно. Я ремесленникъ и рутинеръ. Я могу и картину написать, и портретъ съ бобрами; статейки пописываю не безъ смысла — хвалить дураки многіе. При случаѣ, могу тапера замѣнить, даже служилъ когда-то, и начальство, глядя на меня, радовалось и успѣхъ предсказывало, да я догадался во время дать тагу изъ канцеляріи...

МУРИНЪ.

Еслибы я не зналъ тебя хорошо, Викторъ, то просто подумалъ бы, что ты геніальничаешь въ амплу непризнаннаго таланта.

СТАХОВИЧЪ.

Геніальничаешь! Въ томъ-то вся и была, что во мнѣ нѣтъ ни крошки творческаго генія, а у кого нѣтъ этой штуки, значить — шабашъ, пошелъ прочь съ большой дороги и думай только

о томъ, чтобъ не околѣть съ голоду. Настоящіе дворяне, другъ милый, всё наперечегъ: это немногіе избранники судьбы и вокругъ ихъ головы сіяніе есть. Вся же остальная толпа, что бы она тамъ ни говорила, мозолить руки и мозгъ свой только ради одного пропитанія... Для этой толпы кусокъ хлѣба дороже всякихъ общественныхъ благъ и гражданскихъ доблестей... Ну, вотъ и самострѣлъ готовъ. Да ты что все на часы посматриваешь? Вы вотъ, молъ, одну болтовню разводите, а насъ ждуть святныя обязанности, Россія, такъ сказать, дожидается.

МУРИНЪ.

Не угадалъ, — нѣмецъ одинъ ждетъ. Сегодня мнѣ не выплываться изъ города до ночи. Если я Нину Николаевну не встрѣчу въ паркѣ, скажи ей, что завтра къ вечеру я постараюсь у васъ быть. Затѣмъ до свиданія, свирѣпый другъ, наши пренія отложимъ до завтра.

СТАХОВИЧЪ (*вставая*).

Слушай, Александръ. Отчего ты сталъ рѣдко бывать у насъ? Глупо, братъ! Я знаю, какъ говаривалъ мой отецъ, что у тебя „въ душѣ душа есть“; я очень хорошо вижу, что ты Нину любишь, — не запирайся, меня не перехитришь, — такъ что-жь тебя заставляеть бояться, бѣгать отъ этой привязанности?

МУРИНЪ.

Если ты уже объ этомъ заговорилъ, то я тебѣ только одно скажу, Викторъ: есть случаи, когда любовь даже въ самой лучшей изъ женщинъ есть большое несчастіе.

СТАХОВИЧЪ.

А я прибавлю, что есть случаи, когда самый большой умъ есть великолѣпнѣйшая глупость. Твои умы сами плетуть передъ

*

собой непроходимую наутину препятствій и плачутъ потѣмъ, какъ евреи на рѣкахъ Вавилонскихъ. Знаешь, кого ты мнѣ напоминаешь? Одного закоренѣлаго бюрократа, который родился и прогнѣлъ въ Петербургѣ. Пріѣхавъ въ Украину, на хуторъ, въ самой восхитительной мѣстности, этотъ гражданинъ Подъяческой улицы всѣмъ былъ доволенъ и только одно его беспокоило: отчего, дескать, это здѣсь, на хуторѣ, полиціи нѣтъ? Все какъ-то неловко безъ полиціи!.. Вотъ и ты жить безъ того не можешь, чтобъ въ голову свою не засадить маленькаго городского.

МУРИНЬ.

Все это очень игриво, но съ маху, Викторъ, такихъ вопросовъ рѣшать нельзя. Моя доля, братъ, видно такая: устроить чужія дѣла, а не свои собственные. Любовь иногда приходится откладывать въ сторону...

СТАХОВИЧЪ.

Когда нужно ѣхать къ какому-то нѣмцу? Поѣзжай же, богъ съ тобой. Сфинкса, батинька, только передо мной не корчи. Прощай, да сестрѣ своей не забудь ручку за меня поцаловать. *(Муринъ уходитъ направо, черезъ садъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТАХОВИЧЪ *(смотря въ сторону ушедшаго)*.

Славный ты малый, Муринъ, и дай намъ богъ побольше талантъ, какъ ты. Одно некорошо: ужъ такъ порядоченъ, что даже и непорядоченъ!.. Однако, надо и Володьку провѣдать. *(Хочетъ идти къ террасѣ, но на ней показываются Трусовъ съ женой)*. А вотъ, наконецъ, и эта любвеобильная барыня пожаловала. Въ добрый часъ! задамъ же я ей гонку!..

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

СТАХОВИЧЪ, АННА ВЛАДИМИРОВНА ТРУСОВА И ЕЯ МУЖЪ. (*мѣшко-
ватый и неповоротливый, говоритъ и ходитъ медленно
и голову ворочаетъ вмѣстѣ съ плечами*).

АННА ВЛАДИМИРОВНА (*съ лорнетомъ, говоритъ
нѣсколько на распѣвъ*).

Monsieur Стаховичъ! Вы одни? Гдѣ-жь Нина? (*торопливо
сходитъ съ лѣстницы*). Здравствуйте! (*тихо*). Вы полу-
чили мое письмо?

СТАХОВИЧЪ.

Нина сейчасъ явится изъ парка. • Добраго утра, Давидъ Па-
вловичъ! Чтѣ скажете новаго?

ТРУСОВЪ (*медленно спускаясь съ лѣстницы*).

Здравствуйте! одно высокопоставленное лицо... (*оступив-
шись и едва не падая, перескакиваетъ черезъ четыре
ступени*).

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Полюбуйтесь! Онъ у меня всегда такой тюфякъ: ходить,
какъ медвѣдь неповоротливый, точно къ нему каменные ноги
придѣланы. Но за то въ благотворительныхъ спектакляхъ, Вик-
торъ Николаичъ, на сценѣ, я его просто не узнаю: откуда прятъ
берется: развязень, живъ, весель...

ТРУСОВЪ.

Вы ее не слушайте, пожалуйста. Она ко мнѣ всегда при-
страстна.

СТАХОВИЧЪ.

Что-жь, это лучший залогъ семейнаго счастья.

АННА ВЛАДИМИРОВНА *(нѣжно прислоняя голову къ плечу мужа)*.

Нѣтъ, право, вѣдь онъ у меня преталантливый! Я сама только потому и соглашаюсь иногда участвовать въ частныхъ спектакляхъ, что онъ безъ меня играть не соглашается, à la lettre, положительно не хочетъ...

ТРУСОВЪ.

Не вѣрьте ей, Викторъ Николаичъ, совѣмъ не потому она играетъ! Скажу вамъ откровенно: нѣтъ ничего несноснѣе ревнивой женщины. Шагу нельзя лишняго сдѣлать. Вотъ она и играетъ только потому, что ревнуетъ меня къ разнымъ любительницамъ. Ужь ты отъ меня этого, Анюта, не скроешь. Шалишь!..

СТАХОВИЧЪ.

Видите, какъ вашъ мужъ проникателенъ!..

ТРУСОВЪ *(подойдя къ бильбоке, безуспѣшно старается накинуть на крючекъ мѣдное кольцо)*.

Выѣхать никуда нельзя одному. Иной разъ хлопочень, линію придумываешь... Мнѣ одно высокопоставленное лицо общало линію.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Ахъ, какъ мнѣ эти линіи опротивѣли! *(тихо Стаховичу)*.
Подучили вы мое письмо?

СТАХОВИЧЪ.

Какія линіи?

ТРУСОВЪ.

Линіи? Знаете: по желѣзно-дорожному дѣлу. Я все придумываю какую-нибудь новую линію. *(Обрываетъ на кольцо снурокъ)*. Вотъ тебѣ и разъ. Хорошо, что вашъ племянникъ Никола не видитъ. *(Привязываетъ снова)*.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Какой Никола? Володя, другъ мой. (*Тихо Стаховичу*).

Да скажите же, наконецъ, получили вы мое письмо?

СТАХОВИЧЪ (*тоже тихо*).

Погодите одну минутку.

ТРУСОВЪ.

Да, я вчера только получилъ письмо отъ одной высокопоставленной особы. Предлагаетъ, предлагаетъ...

СТАХОВИЧЪ.

Я тоже, какъ и вы, Давидъ Павловичъ, получилъ письмо отъ одной особы. (*Вынимаетъ письмо изъ кармана*).

ТРУСОВЪ (*подходя*).

По железнодорожному дѣлу?

СТАХОВИЧЪ.

Н-ѣ-ѣ-т-ъ! Хотя тоже нѣкоторая концессія предлагается. Хотите прочту?

ТРУСОВЪ.

Что-жь это такое?

СТАХОВИЧЪ.

Анна Владиміровна, это и для васъ можетъ быть любопытно.

АННА ВЛАДИМИРОВНА (*съ другой стороны Стаховича*).

Нисколько! (*тихо*). Что вы дѣлаете? Вѣдь это низость съ вашей стороны!

ТРУСОВЪ.

По какой же это части... письмо?

СТАХОВИЧЪ.

А вотъ послушайте одинъ отрывокъ на выдержку. (*Читаетъ*).
„Неужели вы, наконецъ, не досаждаетесь до сихъ поръ, милый

„мой, дорогой мой, какъ пламенно (пламенно написано через „яты) я люблю васъ; неужели вы также близоруки, какъ мой тюлень супругъ, и не замѣчаете безпредѣльной привязанности женщины, готовой для васъ на все, на все? Я не могу долѣе молчать, я люблю тебя (замѣтите: неожиданный переходъ на „ты, безъ всякаго брудершафта!) люблю тебя, Викторъ, и моя жизнь, если только ты захочешь, сольется съ твоею въ одно неизмѣримое счастье. Мой мужъ отравилъ всю мою молодость...“ и пр. и пр. Далѣе дѣло идетъ о нѣсколькихъ подзатыльницахъ счастливому супругу. Ну-съ, каково посланіе, Давидъ Павловичъ? Хоть оно и безграмотно немножко, какъ почти всякое письмо русскаго художника, но въ дѣлѣ сердца какое дѣло до грамматики? (*Владетъ письмо въ карманѣ*). Сама любовь не есть ли только грамматическая ошибка!..

ТРУСОВЪ.

Каковъ разбойникъ? а, каковъ? Женъ у мужей отбиваетъ! Хе, хе!.. И вы знаете, отъ кого это письмо?

СТАХОВИЧЪ.

Еще бы! Ея мужъ — мой хорошій пріятель.

ТРУСОВЪ.

И вамъ не грѣхъ такъ съ пріятелемъ поступать?

СТАХОВИЧЪ.

Я-то при чемъ тутъ? Напротивъ, я далъ себѣ слово письмо супруги прочитать ея мужу.

ТРУСОВЪ.

Ну, это уже слишкомъ жестоко (*смѣется*). Знаешь, Анюта, что мнѣ пришло сейчасъ въ голову? Представь, что бы было съ тобой, еслибы я получилъ вотъ такое, совершенно такое пись-

ицо? А? Вѣдь она бы меня, батюшка, со свѣту сгнала... Ха, ха!..
А вотъ и Нина Николаевна.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И НИНА НИКОЛАЕВНА (выходитъ съ правой стороны
сада).

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я издалека узнала вашъ голосъ, Давидъ Павлычъ. Bon jour,
Анюта. Въ эти часы я всегда гуляю и немножко запоздала се-
годня. Надѣюсь, вы у насъ обѣдаете?

АННА ВЛАДИМИРОВНА (еще не оправившись отъ смущенія).

Нѣтъ, нѣтъ, мы пріѣхали къ тебѣ ненадолго, Нина. Меня
въ обѣду ждетъ папа.

ТРУСОВЪ.

Мнѣ тоже нельзя. Одно высокопоставленное лицо даю мнѣ
понять...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но, что съ тобой, Анюта? У тебя сегодня лицо какое-то
странное. Я всегда привыкла видѣть тебя веселой, смѣющейся...

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

О, это тебѣ такъ показалось... Я нынче очень весела.

СТАХОВИЧЪ (Нинѣ Николаевнѣ).

Ты не встрѣчала Мурина въ паркѣ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ. Онъ былъ здѣсь?

СТАХОВИЧЪ.

Да, завѣзжалъ ненадолго. Онъ очень занятъ. Поди теперь
полюбуйся на сына: его изъ комнаты не вытацишь. Безъ тебя

отецъ прислалъ ему чуть не цѣлую игрушечную лавку, и при этомъ Петръ передалъ, что Иванъ Евстафичъ прѣдетъ и самъ сегодня. Благодарю же за пріятное извѣстіе.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ВОЛОДА (*показывается на верху террасы*).

ВОЛОДА.

Мама! Поди сюда! Что я тебѣ покажу, мама!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Подожди, мой другъ. Пойдемъ, Анюта, въ комнаты. Здѣсь неудобно. Впрочемъ, какъ хочешь.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Пожалуйста, со мной не стѣсняйся. Иди, я пока посижу здѣсь. На воздухѣ такъ хорошо (*Нина Николаевна хочетъ уходить*).

ТРУСОВЪ (*съ слѣдъ Нины Николаевны*).

И я, Нина Николаевна, если позволите, за вами на верхъ пойдунусь.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Очень рада. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ, БЕЗЪ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ.

ТРУСОВЪ.

Викторъ Николаевичъ, вѣдь у васъ тамъ есть карта Европейской Россіи?

СТАХОВИЧЪ.

Въ столовой найдете даже двѣ.

ТРУСОВЪ.

Мнѣ нужно на картѣ кое-что сообразить... динію одну придумаль...

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Не забудь, Давидъ, что намъ скоро нужно будетъ ѣхать.

ТРУСОВЪ.

Помню, матушка, сейчасъ вернусь. Ради Бога, только оставь, оставь ты свою ревность, Анюта! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

СТАХОВИЧЪ и АННА ВЛАДИМИРОВНА.

СТАХОВИЧЪ.

Вашъ мужъ такъ прозорливъ, что ему дипломатомъ слѣдовало бы быть. Какъ вы думаете, Анна Владиміровна?

АННА ВЛАДИМИРОВНА (*вспетливо*).

Что вы со мной сейчасъ сдѣлали, Викторъ Николаичъ, что вы со мной сдѣлали? Я готова была сквозь землю провалиться, когда вы стали читать письмо мое. Я не ожидала отъ васъ такого кощунства надъ честнымъ порывомъ женщины. О, какъ я въ васъ ошиблась!..

СТАХОВИЧЪ.

Ошиблись вы точно, только не во мнѣ, а въ себѣ самой, — это вѣрно. Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, Анна Владиміровна, часто вы изволите писать такія письма, какъ то, что въ карманѣ моемъ лежитъ? Скажите мнѣ, пожалуйста, сколько дней вамъ нужно для такого быстрого самовозгоранія, второе прямо переходить въ любовную исповѣдь на четырехъ страницахъ? Мы съ вами путемъ и не разговаривали никогда, и вдругъ — любовь!:

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Я васъ ненавижу!..

СТАХОВИЧЪ.

Переходъ тоже очень быстрый. Не сердитесь на меня, Анна Владиміровна, я хотѣлъ только дать вамъ деликатный урокъ, чтобъ вы на будущее время больше берегли себя. Не ровень часъ—на какого молодца нарветесь. Вѣдь вы поступили, что называется, очертя голову: вамъ не трудно было замѣтить, что я любви къ вамъ никакой не питаю, къ похищенію не способенъ, да и вы сами, надѣюсь, не того мнѣнія, что „съ милымъ рай и въ шалашѣ“. А что до любовныхъ интрижекъ подъ носомъ у мужа, то я до нихъ не охотникъ: скучно, прежде всего, Анна Владиміровна!..

АННА ВЛАДИМИРОВНА (съ театральнымъ отчаяніемъ).

Вашъ урокъ мнѣ будетъ дорого стоить... Въ первый только разъ полюбила я...

СТАХОВИЧЪ.

Полноте баловаться, Анна Владиміровна. Въ ранней моей молодости, живши въ одномъ уѣздномъ городишкѣ, я однажды только повѣрилъ этому обѣту: „вся, вся твоя“, и успѣлъ вѣзаться по-уши. Что-жь оказалось на дѣлѣ? А то, что я пользовался не „всею“ любовью, а только одной ея третью, потому что другія двѣ трети любви дѣлили между собой счастливый супругъ и одинъ ветеринарный лекарь. Тогда я схватилъ веревку,—не пугайтесь!—завязалъ свой чемоданъ и спасся бѣгствомъ отъ такого любовнаго преферанса съ тремя болванами. Въ другой разъ въ такой просакъ не попаду.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Отдайте мнѣ мое письмо!

СТАХОВИЧЪ. *(отвѣчая письмо).*

Я только потому его и не изорвалъ, что желалъ вамъ самимъ предоставить это удовольствіе. Кажется, идетъ сестра. Будьте же осторожнѣе въ другой разъ, Анна Владиміровна; скажите мнѣ спасибо, а за болтливость мою не опасайтесь.

АННА ВЛАДИМИРОВНА, *(увидя на лѣстницѣ Ни-
ну Николаевну, начинаетъ притворно хохотать).*

Ахъ, какъ вы всегда смѣшите меня, Викторъ Николаичъ...
Ради Бога, перестаньте!.. Ха, ха, ха!..

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И НИНА НИКОЛАЕВНА *(съ рабочей корзинкой.)*

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Наконецъ-то ты развеселилась, Анюта. Мнѣ съ тобой не удалось нынче пробыть и пяти минутъ. Вотъ и сейчасъ задержали.

СТАХОВИЧЪ.

Я по твоему лицу, Нина, угадываю, что пріятный гость уже пріѣхалъ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Ты угадалъ.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Кто пріѣхалъ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Мой мужъ.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Какъ? онъ у тебя бываетъ? Вы опять сходитесь?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

О, нѣтъ! Онъ пріѣхалъ взглянуть на сына: сегодня день его рожденія.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Ахъ, какъ жаль, что я этого не знала!.. Однако, Нина, я вижу, что тебѣ сегодня совсѣмъ не до гостей, да и намъ пора ѣхать. Гдѣ же это мой Давидъ?

СТАХОВИЧЪ.

Вѣроятно наверху соображаетъ надъ глобусомъ, какъ бы сухимъ путемъ въ Соединенные Американскіе Штаты проѣхать.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Пожайлуста, Викторъ Николаичъ, прошу не трунить надъ моимъ мужемъ. (*Уходитъ въ домъ*). Давидъ! Гдѣ ты?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

СТАХОВИЧЪ И НИНА НИКОЛАЕВНА.

СТАХОВИЧЪ.

Ну, что, довольна ты?.. Удивительная наглость у этого чело-
вѣка! Послѣ всѣхъ исторій, фиглярствъ и циническихъ выходокъ,
онъ, какъ нитъ въ чемъ не бывало, является, благо предлогъ
благовидный нашелся.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Какъ ни мало у меня охоты въ настоящее время ѣхать въ
деревню, но я, кажется, ускорю свою поѣздку, если эти посѣ-
щенія будутъ повторяться.

СТАХОВИЧЪ.

Какъ же вы встрѣтились?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я почти не говорила съ нимъ, но чувствовала, какъ у меня

дрожала рука, когда я съ нимъ здоровалась... Но еслибъ кто его послушалъ, то подумалъ бы, что мы словно вчера разстались самими нѣжными друзьями.

СТАХОВИЧЪ.

Да, онъ не изъ перемонныхъ. Пусти его разъ, онъ каждый день повадится ѣздить. Повторяю тебѣ еще, Нина, всѣ эти экскурси онъ выдѣлываетъ только для того, чтобъ выманить у тебя еще нѣсколько тысячъ. Не даромъ же ходятъ слухи, что у него домъ хотятъ взять за долги и что ему придется изъ хоровъ перебраться въ „хижину бѣдную, Богомъ хранимую“.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Полно, Викторъ, онъ настолько уменъ, что не станеть подниматься на твои нетовкія хитрости. Онъ просто, по обыкновенію, только рисуется. Безъ кривляній ему жизнь не мила.

СТАХОВИЧЪ.

Я бы, на твоимъ мѣстѣ, съ нимъ ни на какія бы уступки не пошелъ. Если хочешь, то я его разомъ отважу отсюда.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, ты, пожалуйста, Викторъ, оставь свою обычную рѣзкость. Онъ ни въ чему не поведеть, только мнѣ лицомъ неприятность.

СТАХОВИЧЪ.

Дѣлай, какъ знаешь, Нина, а по моему, съ такими господами не только въ какой-нибудь штось, даже въ жмурки играть опасно. Ростовскій, сколько я знаю, въ карты не играетъ, но онъ въ жизни шулеръ, и всегда играетъ на вѣрняка, особенно съ такими слабыми партнерами, какъ твоя милость.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но что жь дѣлать, что жь дѣлать, Викторъ? Такова судьба каждой женщины. а моя еще изъ лучшихъ... Представь ты себѣ, что бы было, еслибы я не имѣла своихъ собственныхъ средствъ? Было бы еще хуже! Связанная по рукамъ и ногамъ, неприготовленная ни къ какому труду, я, какъ закрѣпощенная содержанка своего мужа, должна была бы во всемъ отъ него зависѣть. Мы начинаемъ учиться и знакомиться съ жизнью только по выходѣ замужъ, да не поздно ли это?

СТАХОВИЧЪ.

Пожалуй, если только вѣрить одному картофельному нѣмецкому филистеру, который увѣряетъ, что „первый годъ замужества — послѣдній годъ образованія“. Впрочемъ, тутъ дѣло не въ ученѣ, понимая ученье въ смыслѣ слушанія разныхъ курсовъ, а въ умѣнѣ что нибудь дѣлать, да въ энергїи, или, лучше сказать, въ нѣкоторой наглости. Нужна эта наглость для того, чтобъ твой кусокъ хлѣба у тебя съ руками не оторвали. Это, выражаясь нынѣшнимъ болѣе моднымъ языкомъ, „борьбой за существованіе“ называется.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Мнѣ остается только благодарить Бога, что у меня не дочь, а сынъ.

СТАХОВИЧЪ.

А мнѣ приходится радоваться, что у меня на рукахъ одинъ только — я. Мурынъ, впрочемъ, увѣряетъ, что во мнѣ сидятъ два человѣка: одинъ годный на многое, другой — никуда негодный. Однако, оглянись!..

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОВ.

ТЪ ЖЕ И РОСТОВСКІЙ, держа за руку Володю, Анна Владиміровна и Трусовъ съ чашкою въ рукахъ, сходятъ съ террасы.

РОСТОВСКІЙ. (*Трусову*).

Нѣтъ, я придерживаюсь того мнѣнія, что за такія спекуляціи братья опасно. Видалъ я много примѣровъ.

ТРУСОВЪ.

Дѣло мастера боится, Иванъ Евстафичъ.

РОСТОВСКІЙ.

Иногда и мастеръ долженъ дѣла побаиваться. (*Подходя къ Нинѣ Николаевнѣ*.) Нина Николаевна, мы съ Володей бьемъ вамъ челомъ до сырой земли, въ качествѣ просителей. (*Замѣтивъ Стаховича*.) А, Викторъ Николаичъ! Я еще не видѣлъ васъ съ тѣхъ поръ, какъ вы пожаловали къ намъ, „изъ дальнихъ странствій воротаясь“ (*жметъ ему руку. Стаховичъ сухо кланяется*). У насъ просьба до васъ, Нина Николаевна: черезъ полчаса сюда пріѣдетъ мой кабриолетъ и я хотѣлъ бы доставить Володѣ удовольствіе — прокатиться съ нимъ нѣтъ по парку. Мы ждемъ вашего рѣшенія.

ВОЛОДИ (*ласкается къ матери*).

Мама, душечка, пусти меня...

НИНА НИКОЛАЕВНА (*колеблется*).

Но я боюсь... чтобъ Володя не испугался.

РОСТОВСКІЙ.

О, за него можете быть покойны. Моя лошадь смирна, какъ агнецонокъ, и умна такъ, что можетъ, не теряя достоинства, заѣздить членомъ въ любой благотворительномъ комитетъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Если Володя желаетъ, то я, разумеется, ничего не имѣю противъ этого. Только, пожалуйста, недолго.

РОСТОВСКІЙ.

Всего полчаса.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Ну, такъ поѣзжай, Володя.

ВОЛОДЯ *(хлопая въ ладоши, цалуетъ мать)*.

Ахъ, какъ я радъ!.. Папа, я и править самъ буду?

РОСТОВСКІЙ *(машетъ ею по головѣ)*.

Непремѣнно Бѣги же, одѣвайся. Лошадь скоро будетъ здѣсь. *(Володя убѣгаетъ наверхъ, припрыгивая)*. А что ваши дѣтки, Анна Владиміровна? Хорошѣютъ, какъ мамашка? *(Садится на скамью слева возлѣ Анны Владиміровны. Нина Николаевна съ работой — справа, Стаховичъ въ некоторомъ отдаленіи. Трусовъ стоитъ посрединѣ, съ чашкою въ рукахъ)*.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Ахъ, нѣтъ, напротивъ, дѣтки у меня всѣ болѣны, бѣдненькіе!.. Я ихъ стала лечить теперь по системѣ Ларуа.

РОСТОВСКІЙ.

Это что за система?

ТРУСОВЪ.

Изумительная! Слабительное, и рвотное, рвотное и слабительное. По пятнадцати ложекъ въ день того и другого. Черезъ мѣсяцъ болѣзнь — какъ рукой сниметь. Нашъ сосѣдь Недоусковъ цѣлый годъ былъ боленъ, съ постели не сходилъ, а тутъ — помогло.

РОСТОВСКИЙ.

Что-жь, выздоровѣлъ?

ТРУСОВЪ.

Нѣтъ, умеръ, но не отъ болѣзни, а ужь отъ старости умеръ!...

РОСТОВСКИЙ.

Ну, смотрите, берегите вы съ этой системой вашихъ дѣтокъ.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Ты уронишь чашку, Давидъ, при своей ловкости

ТРУСОВЪ.

Полно, пожалуйста, я въ жизни своей ни одной неловкости не слѣдаль. (*Хочетъ поставить чашку на столъ, но роняетъ нечаянно на полъ. Смѣхъ*). Вотъ и сглазила человека. (*Растерявшись, наклоняется къ полу*).

РОСТОВСКИЙ.

Что вы подѣлываете теперь, Викторъ Николаичъ?

СТАХОВИЧЪ.

Да ничего. Покупаю, цѣю молоко и пиво, да люблюсь иногда, какъ люди ухитряются что-то дѣлать, ровно ничего не дѣлая. Вотъ и всѣ мои занятія.

РОСТОВСКИЙ.

Немного же!

СТАХОВИЧЪ.

Да, капитала не наживу, но зато никто и не обокрадетъ меня, а это тоже своего рода выгода.

РОСТОВСКИЙ.

А надолго вы вернулись въ наше любезное отечество?

СТАХОВИЧЪ.

Незнаю. Какъ позволять средства. Вѣроятнѣ всего, что останусь здѣсь.

РОСТОВСКІЙ.

И прекрасно! Намъ, люди теперь нужны дома. Работа для нихъ всегда найдется.

СТАХОВИЧЪ.

Дѣловые люди, какъ вы ихъ понимаете, и безъ меня отыщутся, но ихъ дѣятельность меня не соблазняетъ.

РОСТОВСКІЙ.

Кажется, еще вашъ Вольтеръ, господа, сказалъ, что цѣль человека — дѣйствіе.

СТАХОВИЧЪ.

Такъ-съ, но нѣтъ дѣйствія безъ причины, а причины, по большей части, бываютъ такія темныя, что самъ Вольтеръ сталъ бы просить иного дѣятеля сложить, братецъ, свои руки и лежи лучше на печкѣ!

РОСТОВСКІЙ.

Но вѣдь, нужно же что нибудь дѣлать!

СТАХОВИЧЪ.

А для чего? позвольте васъ спросить?

РОСТОВСКІЙ.

Ну, для того хоть, чтобъ приносить кому-нибудь пользу.

СТАХОВИЧЪ.

А я, можетъ быть, и приношу кому-нибудь пользу. Почему вы знаете? Это во первыхъ. А во вторыхъ, что полезно, что вредно — объ этомъ еще бабушка надвое сказала. Вы вотъ, пожалуй, съ презрѣніемъ отвернетесь отъ стараго, отжившаго свой

вѣкъ самодура, съ его звѣрскими, необузданными инстинктами, а я этому звѣрю подчасъ съ удовольствіемъ руку протяжу. Я за то его и люблю, что онъ больше похожъ на животное, чѣмъ на человѣка: человѣкъ хуже. Подъ грубой формой иного черноземстаго русодрала скрывается нерѣдко честное, хо рошее сердце и благородныя, человѣческія порывы. А каковы эти нивѣшніе, перекрашенные либералы? Подъ перчатками они скрываютъ барскіе кулаки своихъ дѣдушекъ; вмѣсто сердца у нихъ — холодная устрица, а совѣсть заклеена преисъ-курантомъ изъ двухъ-трехъ дюжихъ ходячихъ современныхъ афоризмовъ и чужихъ фразъ, за тверженныхъ посорочья. Вотъ эти клоуны, по моему, будутъ повреднѣе.

РОСТОВСКІЙ.

Слушая васъ, Викторъ Николаичъ, можно подумать, что вы, въ ущербъ новому вѣку, готовы выхвалять „старое, доброе время“.

СТАХОВИЧЪ.

Лежачаго не бьютъ. Это отжившее время уже не встанетъ на ноги. Къ тому же отъ прошлаго не такъ легко отдѣлаться, какъ вы думаете. Мы всѣ, говоря по совѣсти, — только осадокъ стараго поколѣнія. Мы и до сихъ поръ явдимъ кругомъ себя только одну подмалевку старыхъ нравовъ, которые такъ же отвратительны, какъ нарумяненныя и одѣтыя по бальному старухи. Изъ-за этой подмалевки на скорую руку нѣтъ-тѣтъ, да и выступить предательски наружу старческое омерзительное безобразіе:

ТРУСОВЪ.

Дѣйствительно, нивѣшнихъ людей сразу не раскусишь. Дру-

таго не узнаешь, кто онъ: графъ, или прощелыга какой-нибудь, богачъ или нищій. Одно только можно замѣтить, что всѣ нынче въ долгу. Вотъ хоть, на примѣръ, князь Хорватовъ, — вы вѣдь его знаете, Нина Николаевна! — человекъ со средствами, особа, кажется, высокопоставленная, а между тѣмъ, повѣрите ли, въ долгахъ по самую маковку! Вѣдь я его дѣла знаю.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Ну, что-жь онъ — не тужить?

ТРУСОВЪ.

Изворачивается кое-какъ. Положилъ, все-таки, зубы на полку.

СТАХОВИЧЪ.

Что подобнымъ господамъ тужить о такихъ пустякахъ? Имѣть долги и не платить ихъ — значитъ не имѣть долговъ.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

У князя жена очень расточительна, такъ немудрено, что онъ въ своихъ дѣлахъ запутался. Онъ въ долгу, какъ въ шелку, потому что она всегда въ шелку, какъ въ долгу. Одно слово — мотовка.

ТРУСОВЪ.

Вотъ ты сейчасъ ужь и мотовка! Это, Нина Николаевна, она потому говоритъ, что я у князя — свой человекъ въ домѣ, такъ она меня къ княгинѣ ревновать стала... Да, денегъ ни у кого нѣтъ, только одни ростовщики и наживаются.

СТАХОВИЧЪ.

Вотъ тоже новый типъ выработался! Поговорите съ нимъ — совсѣмъ передовой, современный человекъ, гуманистъ съ иголочки. Былъ я у одного такого благодѣтеля, часы свои выкупить надо было, — выходятъ весь въ брилліантахъ, самъ — писанный краса-

вещь. Какъ началъ онъ при мнѣ съ истиннымъ парламентскимъ краснорычіемъ Бисмарка отдѣлывать за его защиту смертной казни, такъ, скажу вамъ, нужно было его послушать! Голосъ даже дрожалъ отъ негодованія. И тутъ же, этого апостоль изъ ростовщиковъ полчаса торговался съ худенькой, очень бѣдно одѣтой, дѣвочкой, которая пришла заложить пуховую подушку, вѣроятно единственное и послѣднее свое имущество.

РОСТОВСКІЙ.

У васъ, Викторъ Николаичъ, сколько я замѣчаю, сильно развитъ органъ наблюдательности. Сѣли бы вы, да и подарили бы насъ правоописательнымъ романомъ. За чѣмъ дѣло стало?

СТАХОВИЧЪ.

За немногимъ: за талантомъ. Чтобы пробить ту шкуру гиппопотама, подъ которымъ мирно покоится общественное сознаніе и общественная щекотливость, нужно обладать огромнымъ дарованіемъ, а его на полу не поднимаешь. За этимъ вся и задержка.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Да и за сердечностью, Викторъ Николаевичъ: этого свойства я въ васъ не замѣчала.

СТАХОВИЧЪ.

По виду не судите. Попалась мнѣ недавно повѣсть одного земляка моего: каждая строчка, повидимому, такъ и дышетъ любовью къ меньшему брату, а между тѣмъ, этотъ самый землякъ мой, лѣтъ пять тому назадъ, запероль на-смерть ученика своего, за какую-то шалость. Вотъ вы подите и угадывайте сердечность!

АННА ВЛАДИМИРОВНА. (*Ростовскому*).

Вы, вѣроятно, много заняты теперь, Иванъ Евстафичъ, что васъ нигдѣ не видно?

РОСТОВСКИЙ.

И занятій много, да и старѣть сильно начинаю, Анна Владиміровна. Пора на покой, пора другимъ давать дорогу. Нынче старость и сѣдые волоса (*косится въ сторону Стаховича*) есть патентъ на тупоуміе и отсталость, и будь у тебя хоть мѣсяць во лбу, надъ тобой заживо отслужатъ панихиду и стануть смотрѣть, какъ на мертвеца, котораго забыли почему-то похоронить.

ТРУСОВЪ.

Полноте, Иванъ Евстафичъ, что мы съ вами за старики! Это могутъ говорить однѣ вѣтрогоны, подобныя Крымскому. Кстати: вѣдь вы его знаете, кажется?

РОСТОВСКИЙ.

Онъ у меня служилъ одно время.

ТРУСОВЪ.

Моя жена въ восторгѣ отъ него. Ничего, право, я не нахожу въ немъ привлекательнаго.

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Я очень мало его знаю, но нахожу, что онъ очень хорошъ собою. Вѣдь ты, Нина, видѣла его у насъ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Мнѣ такія наглыя фізіономіи никогда не нравились. На его лицѣ точно написано: не подходи—обворожу!..

РОСТОВСКИЙ.

И обвораживаетъ, говорятъ, особенно старушекъ. О немъ скверная молва давно уже ходить въ городѣ, гдѣ у него нѣтъ иного имени, какъ **камелья во фразѣ**.

ТРУСОВЪ

То-есть, какъ же это? Я не понимаю: камелия... и вдругъ... во фракъ?

РОСТОВСКІЙ.

Да вы, Давидъ Павловичъ, совершенная весталка въ сюртукъ, если не знаете, что камелиями мужскаго ранга называютъ тѣхъ нравственныхъ молодыхъ людей, которые живутъ на содержаніи у своихъ любовницъ.

СТАХОВИЧЪ.

И у женъ, еще прибавьте. Такіе тоже встрѣчаются. (*Ростовскій едва сдерживаетъ гнѣвное движеніе*).

ТРУСОВЪ.

А, вотъ, что! Всѣхъ слуховъ не переслушаешь, Евстафій Ивановичъ

АННА ВЛАДИМИРОВНА. (*Поправляя мужа*).

Иванъ Евстафьевичъ! Какъ ты разсѣянъ, Давидъ!..

ТРУСОВЪ.

Тфу, ты, проклятая память! Всегда имена перепутываю! Со мной однажды хуже была исторія. Какъ-то я просыпаюсь утромъ, и случайно подумалъ: а какъ моя фамилія? Стыдно признаться, а, право, забылъ; пять минутъ думалъ, даже въ жаръ бросило, а забылъ. Спросить кого-нибудь хотѣлось, да совѣстно какъ-то; нельзя же сказать лакею: а какъ, братецъ, моя фамилія? Только вь вручили меня тогда собственныя визитныя карточки: вскопидъ, взглянулъ и успокоился. Просто, хоть гувернера для себя нанймай!

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

А я твоей новой гувернантѣ и не видала, Нина.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Она у насъ большая дикарка, серьезна не по лѣтамъ, но очень милая и умная дѣвушка.

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И СЛУГА (*сходитъ съ террасы*).

СЛУГА.

Кабріолетъ Ивана Евстафьича пріѣхаль. Прикажете подавать?

РОСТОВСКІЙ.

Да, пожалуйста, сюда, къ калиткѣ. (*Слуга уходитъ*).
Володя, я думаю, давно уже соскучился дожидаться. (*Уходитъ въ глубь сцены, къ рѣшеткѣ*).

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я его сейчасъ приведу.

АННА ВЛАДИМИРОВНА

Нина, до свиданья, мы тоже уѣзжаемъ.

ТРУСОВЪ.

Пора, пора!

АННА ВЛАДИМИРОВНА.

Прощайте, Викторъ Николаичъ. (*Тихо*). Я надѣюсь, что вы умѣете молчать. (*Уходитъ за Ниной Николаевной въ домъ*).

ТРУСОВЪ (*Стаховичу*).

Что за любезный человѣкъ мужъ вашей сестрицы!

СТАХОВИЧЪ

Еще бы! Онъ еще во чревѣ матери, вѣроятно, упражнялся въ любезностяхъ, и если ему случится давить кого-нибудь, онъ его удавитъ съ самыми галантерейными извиненіями.

АННА ТРУСОВЪ

Вы къ нему ужъ очень строги, Викторъ Николаевичъ!

СТАХОВИЧЪ.

Что жь, вѣдь я не членъ „Общества покровительства животнымъ“. (Оба уходятъ. Ростовскій возвращается на авансцену.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКІЙ (одина).

РОСТОВСКІЙ.

Не ласково же меня принимаютъ здѣсь! Заплатная супруга встрѣчаетъ съ величественнымъ равнодушіемъ, и чуть не съ презрѣніемъ, говоритъ со мной кончиками губъ, а ея братецъ, этотъ Сенека изъ бурлаковъ, прямо вызываетъ на дерзость самыми двусмысленными намеками... Такая роль не по мнѣ, и еслибы эту идиллію нужно было продолжать долго, я бы не выдержалъ... Не воображаютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, эти господа, что я успокоился и ограничусь комическимъ положеніемъ добродушнаго буржуа? Не думаютъ ли они, что я буду только возить своему сынку пряники и деревянныхъ болвановъ, катать его на лошады съ разрѣшеніи милой мамыши, передъ которой мнѣ едва не приходится пѣть пѣсни убогаго Лазаря? Но не торопитесь, господа, торжествовать: я съ лихвою заплачу вамъ и за ледяную небрежность вашу, сударыня, и за нахальныя ваши выходы, господинъ Стаховичъ! Еще пять минутъ терпѣнія—и два-три слова, написанныя моею рукою (вынимаетъ и снова кладетъ въ карманъ письмо), принудятъ васъ затянуть другую пѣсенку. Я заставлю васъ покориться мнѣ. Нина Николаевна!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКІЙ и НИНА НИКОЛАЕВНА съ ВОЛОДЕЙ и ЛУИЗОЙ КАРЛОВНОЙ. (Сходятъ съ террасы. За рѣшеткой, справа,

слуга выводитъ подъ узды лошадь, запряженную въ
легкій кабриолетъ).

РОСТОВСКІЙ.

Ну, Володя, ѣдемъ (декламируя): „ужь конь копытомъ въ
землю бьетъ“

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я васъ прошу недолго кататься. Володя только недавно сталъ
поправляться послѣ болѣзни, и воздухъ его сильно утомляетъ.

РОСТОВСКІЙ.

Не беспокойтесь, я его долго въ паркѣ не продержу.

ВОЛОДЯ (цалуя мать).

Прощай, мама! (хочетъ бѣжать къ калиткѣ).

... СЛУИЗА КАРЛОВНА.

Ахъ меня, Володя, ты и поцеловать не хочешь? (цалуетъ его).

(Ростовскій выходитъ за калитку и, вмѣстѣ съ
сыномъ, садится въ кабриолетъ. Нина Николаевна и
гувернантка стоятъ у рѣшетки).

РОСТОВСКІЙ.

Вѣдь здѣсь можно прямо въ паркъ выѣхать?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, сейчасъ направо, за уголъ.

РОСТОВСКІЙ (спрашиваетъ лошадей, возжигая, но

они уже ушли).

Ба! чуть не забылъ, Нина Николаевна, передать вамъ за-

писку. (Черезъ слугу передаетъ ей письмо?)

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Отъ кого же оно?

РОСТОВСКІЙ.

Сами увидите. Пустяки совершенные!.. (уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА, ЛУИЗА КАРЛОВНА.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Это его рука. Что-жь это значить! *(раскрываетъ письмо, пробѣгаетъ его, громко вскрикиваетъ и бросается къ рѣшеткѣ)*. Стойте, вернитесь назадъ! Володя, мой ангелъ Володя! Остановите ихъ, удержите, не пускайте! Они уже уѣхали. Боже мой! Что со мной онъ дѣлаетъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ... это только жестокая шутка. Онъ хотѣлъ напугать. Викторъ! гдѣ Викторъ? Ахъ, у меня кружится голова... *(Опускается на скамейку)*.

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Душечка, Нина Николаевна, что съ вами? Успокойтесь. Воды сюда, воды дайте!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТАТЬ ЖЕ И СТАХОВИЧЪ *(сбѣгая съ террасы)*.

СТАХОВИЧЪ.

Что такое случилось? Нина! Луиза Карловна, что съ ней?

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Съ Ниной Николаевной дурно. Воды скорѣе, воды! *(бѣжитъ и скоро возвращается съ стаканомъ воды)*.

НИНА НИКОЛАЕВНА. *(присоидя въ себѣ)*.

Нѣтъ, ничего, все прошло. Что-жь это такое? Неужели это правда! Викторъ, помоги мнѣ, объясни мнѣ, что все это значить! Онъ убить меня хочетъ, онъ Володю у меня отнимаетъ. Вѣдь это безбожно, безжалостно. Викторъ, научи же, что мнѣ теперь дѣлать?

СТАХОВИЧЪ.

Ничего не понимаю. Что за письмо у тебя?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Прочти что пишеть этот незкій человекъ. Увѣжая онъ отдалъ мнѣ эту записку.

СТАХОВИЧЪ (*читаетъ*).

„Я хочу воспользоваться своими правами. Я увожу Володю къ себѣ, и увожу навсегда. Если вы его любите, то увидите его, но не иначе, какъ совершенно переселившись въ мой домъ, гдѣ ожидаетъ васъ полное уваженіе отца вашего сына и полнѣйшая свобода дѣйствій. Отказавшись отъ этихъ условій, вы никогда даже мелькомъ не увидите Володи. Мое рѣшеніе неизмѣнно.“ Негодяй! Такъ вотъ къ чему вели всѣ его ломанья, всѣ хитрости: это была полная ловушка.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но что-жь тутъ дѣлать, что тутъ дѣлать!

СТАХОВИЧЪ.

Я, кажется, способенъ теперь годову размножить этому человеку!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, теперь не разсуждать надо, а ѣхать, снѣшить, догонять ихъ. Я, можетъ быть, успѣю въ городъ еще раньше ихъ. Я утащу, я вырву изъ рукъ его Володю. Скорѣй, Луиза, скорѣй! Медлить нельзя теперь. (*Убѣгаетъ въ домъ, за ней Луиза Карловна*).

ЯВЛЕНІЕ ПЕСНАДЦАТОЕ.

СТАХОВИЧЪ (*одинъ*).

Куда она теперь поѣдетъ? Бѣдная, бѣдная русская женщина! Ты даже не смѣешь быть матерью!..

Конецъ втораго дѣйствія.

ДВІСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Приемная комната въ квартирѣ Муринъ. Налѣво дверь въ его кабинетъ; направо комнаты Елены Гавриловны. Прямо входъ въ залъ, гдѣ собираются кліенты. Елена Гавриловна сидитъ у маленькаго столика съ письменными принадлежностями и пишетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА и МУРИНЪ (*тихо выходитъ изъ кабинета и заглядываетъ черезъ плечо сестры.*)

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Это ты, Александръ?

МУРИНЪ.

Ты какъ увлеклась своей работой, что я, кажется, испугалъ тебя?

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Не беспокойся, я не изъ нервныхъ.

МУРИНЪ (*читаетъ наклонившись назад*).

Господину мировому судья 127-го участка. Просьба мѣщанки Лукеры Даниловой...". Право, Деля, ты не напутку начинаешь отбивать хлѣбъ у разныхъ бѣдняковъ-ходатаевъ по дѣламъ и гончихъ юристовъ, которымъ и безъ того вѣтъ нечего: такъ ихъ развелось много!

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Да, нечего сказать, эти господа—не опасные соперники даже для меня. Многихъ, право, совѣстно послушать. Нынче вообще приходится на каждомъ шагѣ удивляться дерзости людей, берущихся не за свое дѣло. Одинъ, на примѣръ, прослужа цѣлый вѣкъ въ консерваторіи, берется за устройство алъваріума, другой изъ суфлера неожиданно превращается въ юриста!

МУРИНЪ.

Куда же имъ всё съ тобой тягаться? А могу знать, для чего ты пишешь эту просьбу?

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Для нашей Луши, жалобу. Но теперь дѣло не въ этомъ. Ты вчера очень поздно вернулся. Говорили ли тебѣ, что Стаховичъ прїѣзжалъ къ намъ два раза ужъ почти ночью? Вѣроятно, что-нибудь важное, и я очень жалѣю, что меня не догадались разбудить.

МУРИНЪ.

Мнѣ говорили. Я начинаю бояться, не случилось ли чего. Хотя Викторъ человекъ безсонный и, какъ онъ самъ выражается, не одержимъ „запоемъ трезвости“, но это что-нибудь не то. Нынче до двѣнадцати часовъ, я постараюсь отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ клиентовъ, а потомъ отправлюсь къ Нинѣ Николаевнѣ.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Но вѣдь ты вчера видѣлъ Нину?

МУРИНЪ.

Нѣтъ, ея не было дома, а я торопился въ городъ.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА

Что-жь вы, все попрежнему, въ прятки играете? Удивляюсь я вамъ: любите другъ друга, молчите, и даже, кажется, избѣгаете частыхъ встрѣчъ. (*Муринъ молча прохаживается*).

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Послушай, Александръ, хоть я и не отроковица, но, право, многого никакъ еще понять не могу. Чѣмъ больше я живу, тѣмъ болѣе замѣчаю, что любовь у людей является какимъ-то несчастьемъ! Отчего это?

МУРИНЪ.

Отчего много бѣдныхъ, много несчастныхъ? Отчего чаще торжествуютъ зло и неправда? Это все „проклятые вопросы“, Леля, и на нихъ разомъ отвѣта не дашь. Мало ли что мѣшаетъ человѣку жить!

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Такъ, значить, ты не увѣренъ въ любви Нины?

МУРИНЪ.

Нѣтъ, Нина меня любитъ. Я могъ бы двадцать разъ воспользоваться ея нечаяннымъ движеніемъ, словомъ; могъ вызвать наружу затаенное чувство, но я этого не дѣлалъ. Я не хотѣлъ ловить ее. Нина слишкомъ много страдала для того, чтобъ разомъ, безъ борьбы, сдѣлать новый, роковой шагъ въ жизни. Женщины, подобныя ей, сдѣлавъ этотъ шагъ, уже идутъ впередъ не оглядываясь, безъ боязни, безъ раскаянія. Нина пока еще боится своей любви—и кто знаетъ Ростовскую и ея прежнюю жизнь, тотъ не станетъ этому удивляться. (*Слышенъ звонокъ*).

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Это, вѣроятно, Викторъ Николаичъ.

МУРИНЪ.

Онъ и есть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ И СТАХОВИЧЪ.

СТАХОВИЧЪ.

Наконецъ-то я тебя поймалъ и теперь цѣлый день не выпущу изъ своихъ рукъ. (*Жметъ руки обоимъ*).

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Вы разстроены?

МУРИНЪ.

Что такое случилось?

СТАХОВИЧЪ.

А вотъ что такое случилось. Вчера Ростовскій самымъ мошенническимъ образомъ увезъ съ собой Володю, оставивъ письмо. Письмо гласитъ о томъ, что сына онъ беретъ навсегда отъ матери, а если она не хочетъ разставаться съ ребѣнкомъ, то пусть снова перебирается подъ супружескій кровъ. Коротко и ясно.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Какая низость!

МУРИНЪ.

Я такъ и ждалъ чего-нибудь подобнаго отъ этого шарлатана! Штука ловкая, хотя и не новая.

СТАХОВИЧЪ.

Вы можете себѣ представить, въ какомъ отчаяніи бѣдная Нина! Почти слѣдомъ она поспѣвала къ Ростовскому, но не добилась, разумѣется, никакого толку. Потомъ поѣхалъ я, готовый на все, зная, что съ подобными бандитами новаго фасона всякіе диспуты бесполезны, и что съ ними самими нужно дѣйствовать поразбойничьи. Ростовскій, видно, предвидѣлъ это и принялъ свои мѣры: сына онъ, кажется, отправилъ въ другое мѣсто, да и самъ домой глазъ не кажетъ. Какова исторія?

МУРИНЪ. *(хватаясь за голову)*.

Гдѣ же теперь Нина Николавна?

СТАХОВИЧЪ.

Она несомнѣнно скоро будетъ здѣсь. Я трушу за Нину. У ней явилась теперь та болѣзненная, лихорадочная энергія, за которой всегда слѣдуетъ полный упадокъ силъ. Нина рыщетъ

теперь и продолжает свои поиски, но едва-ли отъ нихъ толкъ будетъ.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Бѣдная Нина!

СТАХОВИЧЪ.

Пожалѣйте немножко и меня. Я самъ не спалъ всю ночь и просто сбился съ ногъ, желая напасть хоть на слѣдъ Володьки. Ну, юриспруденція, выручай.

МУРИНЪ.

Да что, братъ, тутъ ничего не подѣлаешь! Одно слово: отецъ. Безъ добровольнаго согласія, мальчика у него взять нельзя. Прямымъ путемъ мы ни къ чему не придемъ, а потому нужно будетъ поискать окольной дороги.

СТАХОВИЧЪ.

Я всегда говорилъ, что вы, любезные законовѣды, такіе же копители неба, какъ и всѣ вообще люди. Первый серьезный случай—и вы чувствуете свое безсиліе и опускаете руки.

МУРИНЪ.

Сила солому ломить, Викторъ.

СТАХОВИЧЪ.

Такъ не будьте вы соломой, а будьте силой.

МУРИНЪ.

Да ты понимаешь ли, что на сторонѣ отца такіе аргументы, съ которыми бороться невозможно? Понимаешь ли ты...

СТАХОВИЧЪ.

Знаю, знаю. Вотъ она, моя великая умница Елена Гавриловна, уже посвятила меня въ тайны десятаго тома, хотя намъ

обоимъ это знаніе приносить пользы мало. Не такъ ли, дорогая юристка?

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Но объясните, для чего Ростовскому понадобилось возвращеніе Нины?

МУРИНЪ.

Что касается до этого, то тутъ прямой расчетъ. Онъ понималъ, что материнская любовь такая дудочка, на которой онъ всегда можетъ играть съ успѣхомъ. Изъ любви на что не рѣшится мать? Такъ и Нина будетъ въ рукахъ мужа. При этомъ еще не забудь, что она богата, а деньги—для Ростовскаго то же, что запахъ крови для звѣря.

СТАХОВИЧЪ.

Тутъ есть одинъ только выходъ—хоть силой отнять у Ростовскаго Володьку, а Нинѣ тотчасъ съ нимъ уѣхать за границу. Еслибъ даже мужъ и рѣшился на погоню, то его можно будетъ попридержать: такимъ или сѣкимъ образомъ я бы его изъ Петербурга не выпустилъ. *(Послѣ прихода Стаховича въ прихожей раздавалось нѣсколько звонковъ. Новый звонокъ).*

СТАХОВИЧЪ.

Да что это у тебя за набать неумолкающій?

МУРИНЪ.

Вѣроятно, обычные утренніе посѣтители. Ахъ, теперь мнѣ, ей-богу, не до нихъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ ЖЕ И ЛУША.

МУРИНЪ.

Есть тамъ кто-нибудь?

ЛУША

Два господина какихъ-то васъ желаютъ видѣть, да сейчасъ еще кто-то пришелъ. (*Уходитъ*).

МУРИНЪ (*смотря на часы*).

Черезъ пятнадцать минутъ я постараюсь отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ кліентовъ, а ты, Викторъ, посиди пока у Лели. Она тебя накормитъ завтракомъ и прочтетъ лекцію о воздержаніи. Если же пріѣдетъ Нина Николаевна — я тотчасъ же выпрожаю всѣхъ посѣтителей. (*Уходитъ въ залу*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СТАХОВИЧЪ И ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

СТАХОВИЧЪ.

Эти чудаки, видно, какъ и я, пришли къ Мурину за совѣтомъ. Какъ вы думаете, Елена Гавриловна, что было бы на свѣтѣ, если бы на немъ дураки не водились?

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА (*смѣясь*).

Я думаю, тогда было бы очень скучно жить на свѣтѣ!

СТАХОВИЧЪ.

Разумѣется такъ, но главное — тогда бы всѣ люди перегрызлись или умерли съ голоду, и въ особенности — бѣлоручки. Кто сталъ бы тогда работать за нихъ? Глупость — это тотъ сказочный вѣтъ, на которомъ стоитъ міръ. Чѣмъ глупѣе люди, тѣмъ легче ихъ за носъ водить, легче обирать ихъ и жить на счетъ ихъ глупости. Да, не будь дураковъ въ мірѣ, тогда бы

каждый поневоле́ сталъ своимъ собственнымъ адвокатомъ, не читалъ бы глухихъ книгъ, а въ медицинѣ былъ бы настолько силенъ, что не позволилъ бы ломать себѣ реберъ и не допустилъ бы, чтобъ въ его животѣ, послѣ операціи, по ошибкѣ зашивались носовые платки и перчатки.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА. *(береть со стола написанную просьбу).*

Вы начинаете сочинять новый міръ, Викторъ Николаичъ, а я пока изъ міра фантазіи прошу васъ перейти... въ мою комнату: *(Уходятъ. Сцена нѣсколько секундъ пустая).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МУРИНЪ И ОСТАВНОЙ ПОРУЧИКЪ ФИСТУЛА.

МУРИНЪ

Здѣсь вы можете говорить совершенно спокойно: никто васъ не услышитъ.

ФИСТУЛА.

Имѣю честь рекомендоваться: Фистула, въ настоящее время въ отставкѣ, былъ военный; служилъ въ Ташкентѣ, а теперь пострадалъ за свой талантъ, и, позвольте вамъ сказать, пришелъ просить вашего содѣйствія.

МУРИНЪ.

Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

ФИСТУЛА.

Оскорбленный за свой талантъ, позвольте вамъ сказать, я не могу оставить тяжелой обиды безъ возмездія. Лишенный дара слова, говорить красно не умѣю, но скажу вамъ, господинъ адвокатъ, безъ хвастовства, что я одаренъ отъ природы замѣчательнымъ баритономъ. Еще въ корпусѣ я былъ первымъ запѣвалой.

Потомъ, на службѣ, голосъ мой былъ извѣстенъ, позвольте вамъ сказать, цѣлой арміи: на полковныя ученья, послушать мою команду, какъ на концерты сходились.

МУРИНЪ.

Но вы, вѣжета, удаляетесь отъ главной цѣли вашего разсказа.

ФИСТУЛА.

Никакъ нѣтъ-съ, приближаюсь къ ней бѣглымъ шагомъ. За данное мнѣ Богомъ дарованіе я и былъ оскорбленъ, униженъ, посрамленъ. Положимъ, я—человѣкъ маленький, и обществу по своей бѣдности неизвѣстный, но еще одинъ стихотворецъ сказалъ: „Таланты отъ Бога, богатства—отъ рукъ человѣка“.

МУРИНЪ.

Кѣмъ же и чѣмъ вы были оскорблены?

ФИСТУЛА.

Все изложу въ короткихъ словахъ. Есть, позвольте вамъ сказать, въ Петербургѣ увеселительное заведеніе—клубъ танцевъ, пѣнія, декламаторства, прошлогоднихъ буттербродовъ и буфетнаго возліянія. Въ прошломъ мѣсяцѣ явился я въ этотъ клубъ на концертъ, даваемый съ благотворительною цѣлью. Начинается пѣніе: уши, просто, деруть. Слушая разные козлиные голоса, во мнѣ, такъ-сказать, артистъ проснулся. Чувствую, что кипитъ, кипитъ моя душа. Подхожу я къ распорядителю: позвольте, говорю, мнѣ спѣть передъ публикой. Всѣ, говорю, довольны будутъ.

МУРИНЪ.

Пѣть вамъ, разумѣется, не позволили. Чтѣ-жь дальше?

ФИСТУЛА.

Да-съ, отказали. Стою и слушаю кошачій концертъ, а въ душѣ у меня, господинъ адвокатъ, все больше и больше кипитъ. Не выдержалъ я, позвольте вамъ сказать, и когда кончилось послѣднее отдѣленіе, я быстро, такъ что никто удержать не успѣлъ, выскочилъ на эстраду передъ публикой, и, безъ всякаго акомпаниента отхваталъ;

Близко города Славянска,
На верху крутой горы.

Хлопать мнѣ сперва стали неистово, а затѣмъ смѣхъ начался и свистки также...

МУРИНЪ

Что-жь было потомъ?

ФИСТУЛА (*мрачно*)

Со скандаломъ подъ руки вывели...

МУРИНЪ (*улыбаясь*)

Этого вы и должны были ожидать.

ФИСТУЛА.

Но какое же, господинъ адвокатъ, я оскорбленіе сдѣлалъ клубу, позвольте вамъ сказать? Спѣлъ не въ счетъ абонента, заявилъ даръ, ниспосланный мнѣ свыше? Но, можетъ быть, господинъ адвокатъ, вы думаете, что у меня голосъ плохъ? Вы послушайте только (*затягиваетъ во весь голосъ*): „Б-л-и-з-в-о г-о-р-о-д-а С-л-а-в-я-н-с-к-а“...

МУРИНЪ.

Позвольте!

„Н-а-в-е-р-х-у' в-р-у-т-о-й г-о-р-ы“...

МУРИНЪ.

Да это сумасшедшій какой-то! Послушайте: у меня не консерваторія для пробы голосовъ. Поете вы, можете быть, отлично, но что-жь вамъ отъ меня нужно?

ФИСТУЛА.

Я подаю на оскорбителей искъ, а васъ, позвольте вамъ сказать, избираю своимъ повѣреннымъ, ибо самъ дара слова лишень. Не откажите.

МУРИНЪ.

Извините. Я бываю защитникомъ или повѣреннымъ только тѣхъ лицъ, въ правотѣ которыхъ я увѣренъ, а въ вашемъ дѣлѣ каждому будетъ ясно, что вы сами кругомъ виноваты.

ФИСТУЛА.

Вѣдь я виноватыхъ защищаютъ, господинъ адвокатъ. Вотъ хоть бы господинъ Мельхіоровъ: онъ за деньги распинаться готовъ за невинность даже пройдохи.

МУРИНЪ.

Ну, я не держусь такихъ правилъ.

ФИСТУЛА.

Очень сожалью, что беспокоилъ васъ понапрасну. Имѣю честь кланяться. (*Уходитъ, но отъ двери вновь возвращается*). Одно только слово, господинъ адвокатъ: скажите мнѣ, пожалуйста, откровенно, по совѣсти: хорошъ у меня голосъ?

МУРИНЪ.

Превосходный!

ФИСТУЛА (*съ чувствомъ*).

Благодарю васъ! (*Уходитъ. Муринъ, провожая его, заглядываетъ черезъ дверь въ залу*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

МУРИНЪ И ДАМА ПОЛУСВѢТА (*говоритъ бѣгло, бросаясь отъ
однаго предмета къ другому*).

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Monsieur, j'ai l'honneur de vous saluer! Я о васъ слышала такъ много хорошаго, что рѣшилась обратиться къ вамъ за со- вѣтомъ. Я все вамъ откровенно расскажу, надѣясь на вашу скромность. Вы понимаете, il y va de mon honneur! Ахъ, мой Богъ, мнѣ сказали, что вы пожилой человѣкъ, а вы... но все равно, скрывать я ничего не буду.

МУРИНЪ.

Въ чемъ же заключается ваше дѣло, сударыня? Очень радъ служить, чѣмъ могу.

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Je vous en rends grâces, monsieur. Вы знаете барона Лейхта?

МУРИНЪ.

Слыхалъ о немъ.

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Позвольте мнѣ закурить папирску. (*Муринъ подаетъ ей огня*). Вы видите предъ собой самую несчастную изъ женщинъ. (*Закуриваетъ*). Представьте: я курю ежеминутно. Такая скверная привычка! Да, о баронъ! Я была съ нимъ долго знакома. А vous parler franchement, я его очень любила, до безумія любила. Цѣлый годъ онъ исполнялъ всѣ мои глупости, капризы, потомъ сталъ пропадать и рѣже ѣздить ко мнѣ. Наконецъ, онъ совершенно бросилъ меня, оставивъ мнѣ вексель въ пять тысячъ. Какъ-то я его встрѣтила, и онъ объявилъ мнѣ, что женится, и что между нами все кончено. Ахъ, какъ я его любила, еслибы вы знали...

МУРИНЪ.

А теперь желаете въискать съ него деньги по векселю?

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Да, чортъ возьми, я въ ищѣніи неразборчива! Онъ, чудовище, даже не отвѣчаетъ на мои письма, хотя знаетъ, что срокъ... какъ это называется? Платежъ?— да, срокъ платежа уже прошелъ, и я хочу теперь хоть деньгами наказать его. Но я — женщина безтолковая, всѣхъ этихъ порядковъ не знаю, и прошу вашей помощи. Vous me rendrez un grand service.

МУРИНЪ (*разсматривая вексель*).

Тутъ дѣло безспорное, и вы получите ваши деньги, если у барона есть средства...

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

О, онъ очень богатъ.

МУРИНЪ.

Вамъ остается только дать мнѣ довѣренность, и, нѣтъ сомнѣнія, что вы скоро будете удовлетворены.

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

О, какъ мнѣ благодарить васъ! Но у меня еще есть два векселя, одинъ въ двѣ, другой — въ три тысячи.

МУРИНЪ.

Тоже отъ барона?

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Нѣтъ... отъ другихъ. Эти тоже меня обманули. Любящую и непрактическую женщину обмануть такъ легко! Ахъ, какая у васъ хорошенькая ваза! Просто прелесть! Непремѣнно куплю себѣ такую...

МУРИНЪ.

Потрудитесь какъ-нибудь на дняхъ заѣхать ко мнѣ, и возьмите съ собой и другія бумаги.

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Прекрасно, c'est ce que je veux faire. А насчетъ нашихъ условій?

МУРИНЪ.

Объ условіяхъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

ДАМА ПОЛУСВѢТА.

Мегсі. Мы, женщины, въ денежныхъ дѣлахъ ничего вѣдь не смыслимъ. Au plaisir de vous revoir! А я, право, думала, что вы — старикашка! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МУРИНЪ (*одинъ*).

МУРИНЪ:

Ну, нельзя сказать, чтобъ ничего не смыслила въ денежныхъ дѣлахъ эта „непрактическая“ женщина! На десять тысячъ векселей, — и за какія доблести! Вотъ единственный женскій трудъ, второй хорошо окупается:

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

МУРИНЪ И ТИТОРЕНКО (*говоритъ по большей части таинственно, постоянно озираясь*).

ТИТОРЕНКО.

Могу я видѣть господина Мурина?

МУРИНЪ.

Вы его видите передъ собой. Что вамъ угодно?

ТИТОРЕНКО.

Александра Гаврилыча Мурина?

МУРИНЪ.

Онъ самый.

ТИТОРЕНКО.

Присяжный повѣренный? Такъ-съ? Вы меня извините: я — человекъ осторожный, и люблю все дѣлать осмотрительно. Бъ тому же, меня привело къ вамъ такое щекотливое обстоятельство. Вы изволили получить письмо мое? (*Рекомендуясь*). Надворный совѣтникъ Илья Титоренко.

МУРИНЪ.

Ахъ, да, получилъ. Вы пишете, что желали бы поговорить со мной по семейному дѣлу. Съ вашей супругой, если не ошибаюсь, я нѣсколько знакомъ: кое-гдѣ встрѣчался съ ней.

ТИТОРЕНКО.

Да, да, вотъ о женѣ-то своей я и хотѣлъ потолковать съ вами. Такое казусное происшествіе случилось (*оглядываясь*), что голова кругомъ идетъ. Съ вами, Александръ Гаврилычъ, я, какъ на исповѣди, буду говорить. Научите, что мнѣ дѣлать какъ поступить? Насъ никто здѣсь не услышитъ?

МУРИНЪ.

Можете быть совершенно спокойны.

ТИТОРЕНКО.

Съ прискорбіемъ, Александръ Гаврилычъ, я долженъ вамъ признаться, что мою супругу дѣшій обошелъ. По просту сказать — обошелъ ее одинъ фальшивый человекъ. Влюбилась она въ него по уши, дни и ночи съ нимъ пропадала, а потомъ и совсѣмъ къ нему на домъ перебралась. Бабу молодую сбить съ толку развѣ трудно; знаете, человекъ видный, ловкій, а относительно бѣглости пальцевъ — артистомъ считается.

МУРИНЪ.

Что онъ — пианистъ?

ТИТОРЕНКО.

Да, планисть... по картежной части. Вы сами поймете, каково мнѣ было переносить это! Вижу, что онъ губить только женщину, а она, какъ одурѣлая, ничего не соображаетъ. Только и твердить одно: „отпусти меня къ нему, а не то, смотри, худо будетъ!“ Хоть и жалко мнѣ было Машеньку, но ее удерживать я не рѣшился: чего добраго, и въ самомъ дѣлѣ какой бы бѣды не случилось! Я — человекъ осторожный, побоялся и отпустилъ. Думаю, сама образумится. Не тутъ-то было!

МУРИНЬ.

Я очень хорошо понимаю ваше положеніе, но помочь вамъ въ этомъ случаѣ, къ сожалѣнію, не могу.

ТИТОРЕНКО.

Совѣта, совѣта прошу, Александръ Гаврилычъ. Вы изволите знать лучше меня, что безъ бумагъ, безъ вида у насъ жить никому не позволено. Вѣдь мы не въ Англіи живемъ: Англія, извѣстно, страна безпаспортная. Ну-съ, вотъ и пишеть теперь жена, чтобы я ей отдѣльный видъ далъ для прожительства. Какъ тутъ, батюшка, поступить, ума не приложу! Жену я люблю, да и себя тоже берегу.

МУРИНЬ.

Мой совѣтъ: уступите женѣ и положитесь во всемъ на время. Къ тому же, вы говорите сами, что жену вамъ небезопасно приуждать жить подъ одною кровлей.

ТИТОРЕНКО.

Сущій адъ выходитъ, Александръ Гаврилычъ, сущій адъ! Жена за каждое слово, за каждое движеніе твое ожесточается, прислуга на ея сторонѣ: Ниче не только жены, но и прислуги

своей долженъ каждый остерегаться. Скупъ съ ней — она рыло воротить, а щедрость покажешь — въ богатствѣ заподозрить, а тамъ долго-ли до бѣды: отъ соблазна до утюга, батюшка, одинъ только шагъ, а вы знаете, что значитъ нынче у-т-ю-гъ! Вникните только въ это слово. (*Въ страхъ оглядывается*).

МУРИНЪ.

Вы, кажется, уже черезчуръ мнительный и подозрительный человекъ!

ТИТОРЕНКО.

Такія времена настали, Александръ Гаврилычъ, что поневоле сонъ и покой всякій теряешь. Выйдешь со двора цѣлхонекъ, а очутишься богъ-знаетъ гдѣ. Околѣешь, какъ собака, и никто даже знать не будетъ — кто ты такой. Скажу вамъ, батюшка, по секрету, что я на этотъ случай всегда ношу въ карманѣ вотъ эту бумагу (*вынимаетъ*) Прочтите, только тише, ради Владычицы.

МУРИНЪ. (*читаетъ*).

„Сіе тѣло принадлежитъ надворному совѣтнику Ильѣ Ильичу, Титоренко. Рукъ на себя не накладывай, и умерь, по причинѣ, мнѣ неизвѣстной“. Вы очень предусмотрительны, только угѣшенія въ этой бумагѣ для васъ немного.

ТИТОРЕНКО.

Вы только, сдѣлайте милость, о ней никому не рассказывайте. А за совѣтъ позвольте васъ благодарить. (*Вынимаетъ деньги*).

МУРИНЪ.

Нѣтъ, вы деньги-то ваши спрячьте. За такіе пустяки я ихъ не беру.

ТИТОРЕНКО.

Очень обязанъ вамъ. Сегодня же извѣщу жену, что видъ ей доставлю немедленно. Богъ съ ней! Когда-нибудь сама образумится... Тсссъ! *(Глазами указывая на входящую даму, раскланивается и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

МУРИНЪ И АЛЕУТКИНА.

МУРИНЪ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

АЛЕУТКИНА.

Вдова, губернская секретарша Марѳа Алеуткина. Добрые люди надоумили меня, Александръ Гаврилычъ, къ вашей защите обратиться. Не откажите бѣдной матери, которая готова чѣмъ только можетъ, отблагодарить васъ. Со мной такая неприятность случилась, такая неприятность...

МУРИНЪ.

Я васъ слушаю, сударыня.

АЛЕУТКИНА.

Отдала я, Александръ Гаврилычъ, своего сына въ пансіонъ къ одному нѣмцу, Шталемъ прозывается. Мой Ваня у него почти годъ пробылъ и деньги за него я платила исправно. Жаловался мнѣ сынъ нерѣдко, что со всѣми ими въ пансіонѣ дурно обращаются, да я, признаться, этому мало вѣры давала, а теперь вотъ сама убѣдилась. Третьяго дня этотъ нѣмецъ такъ избилъ Ваню по головѣ линейкой, что чуть черепа ему не проломилъ. Сами посудите, господинъ Муринъ, вѣдь я мать, и своего ребенка уродовать не позволю какой-нибудь нѣмецкой сосискѣ. Я хочу жаловаться на этого разбойника!...

МУРИНЪ.

Вы, надѣюсь, взяли вашего сына изъ этого пансіона?

АЛЕУТКИНА.

Въ тотъ же день взяла, батюшка. Его тамъ, кромѣ побой, еще въ темную комнату заперли, и еслибъ не я...

МУРИНЪ.

За что же былъ наказанъ вашъ сынъ?

АЛЕУТКИНА.

Нѣмецъ болталъ мнѣ, что онъ учиться не хочетъ и уроковъ никогда не готовитъ, но мнѣ Ванюша всю правду рассказалъ. Сталъ его учитель въ классѣ урокъ спрашивать и, для вѣсти, что ли, сбивать его началъ и требовалъ отвѣчать то, чего въ книжкѣ нѣтъ. А въ которомъ, говорить, году былъ двѣнадцатый годъ?

МУРИНЪ.

Мудрый вопросъ!

АЛЕУТКИНА.

Мудрый онъ, или немудрый, Александръ Гаврилычъ, но его въ книжкѣ нѣтъ, такъ и спрашивать не смѣй. Или еще спрашиваетъ: а гдѣ, говорить, водятся двуглавые орлы?

МУРИНЪ (смѣясь).

Орлы двуглавые?

АЛЕУТКИНА.

Да-съ, двуглавые орлы! А о нихъ въ книжкѣ тоже ничего не сказано. Это и Ваня говорить, да и я знаю. Я сама въ Москвѣ въ благородномъ пансіонѣ разными наукамъ и даже глобусу обучалась. Можетъ быть, и водятся гдѣ-нибудь такія

птицы, но въ книжкѣ о нихъ не написано. Ванюша только и видѣлъ этихъ двуглавыхъ птицъ на однѣхъ нѣмецкихъ аптекахъ, онъ такъ и скажи нѣмцу, а тотъ его линейкой, да линейкой по лбу. Нѣтъ, этого оставить такъ я не могу, — на лбу у Вани вотъ какой шрамъ! — и прошу васъ, Александръ Гаврилычъ, — не откажитесь взять на себя это дѣло.

МУРИНЪ.

Хотя, сударня, въ настоящее время я очень занятъ, но мнѣ не хотѣлось бы отказать вамъ въ просьбѣ. Мнѣ только нужно узнать подробности, какъ все это случилось, да не мѣшать повѣдать и вашего сына. Сколько ему лѣтъ?

АЛЕУТКИНА.

Четырнадцатый годъ.

МУРИНЪ.

Такъ я прошу васъ побывать у меня, вмѣстѣ съ вашимъ сыномъ, а тамъ мы посмотримъ, что нужно дѣлать.

АЛЕУТКИНА.

Много меня обяжете, Александръ Гаврилычъ. Нельзя же вѣдь мальчику побой терпѣть... Вы завтра позвольте къ вамъ пріѣхать съ моимъ Ванюшей?

МУРИНЪ.

Да, утромъ, немного пораньше. (*Слышенъ звонокъ*). Это она! А теперь вы меня извините: меня ожидаютъ по очень важному дѣлу.

АЛЕУТКИНА (*идетъ къ дверямъ*).

Благодарю васъ... Я понимаю, я очень чувствую... Благодарю васъ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

МУРИНЪ И ЛУША.

МУРИНЪ.

Луша, кто тамъ звонилъ сейчасъ?

ЛУША.

Какой-то генералъ непремѣнно желаетъ васъ видѣть. Говорить, что очень нужно, и просилъ свою карточку вамъ передать.

МУРИНЪ (*бросивъ взглядъ на карточку, смотритъ на часы*).

Скажите ему, что послѣ двѣнадцати часовъ я никого къ себѣ не принимаю, и особенно сегодня. Кромѣ Нины Николаевны вы, Луша, всѣмъ теперь отказывайте.

ЛУША.

Хорошо-съ. (*Уходитъ*).

МУРИНЪ (*подходя къ двери на право, стучитъ*).

Викторъ! Леля! Часъ вашего заключенія кончился. Выходите.

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

МУРИНЪ И СТАХОВИЧЪ.

СТАХОВИЧЪ.

Ты, наконецъ, одинъ, и не безъ удовольствія, кажется, закрываешь въ урочный часъ свою юридическую лавочку.

МУРИНЪ.

Да. Всего чаще приходится такой вадоръ выслушивать, что голова разбалывается, какъ отъ угарной бани.

СТАХОВИЧЪ.

Что-жь касается до моего „заключенія“, то ты не думай, пожалуйста, что оно было для меня тягостно. Сестрица твоя такъ увлекательно развивала передо мной принципъ „примире-

*

ня“ съ дѣйствительностью, что я почти готовъ теперь отправиться даже къ Ростовскому, какъ въ Мекку, на поклоненіе.

МУРИНЪ.

А сама она, пожалуй, въ состояніи выпарапать ему за Нину глаза при первой встрѣчѣ.

СТАХОВИЧЪ.

Вѣрно, но это только доказываетъ, что логика человѣка съ логичной жизни никогда не приходятъ къ одному знаменателю.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Вы на меня, Викторъ Николаичъ, я вижу, блеветать, какъ на мертвую, начинаете. Я только вамъ, доказала, что крайняя раздражительность и крайнія мѣры рѣдко ведутъ къ чему-нибудь добруму.

СТАХОВИЧЪ.

И попались, потому, что довели свои доказательства—до крайности.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Вы всегда играете словами.

СТАХОВИЧЪ.

Изъ всѣхъ игръ я выбралъ самую невинную. Но отчего же это Нина до сихъ поръ не является! Неужели она напала на слѣдъ Ростовскаго?

МУРИНЪ.

Можетъ быть, только будетъ ли отъ этого польза какая?

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Чѣмъ же все это кончится, Александръ? Я представляю

себя, что чувствует теперь бедная Нина. Неужели ты ничего не придумал?

МУРИНЪ.

Прежде всего я долженъ видѣть Нину Николаевну, а потомъ ея мужа. Мнѣ пока ясно только одно, что неизвѣстность положенія не можетъ долго продолжаться для Нины Николаевны: она его не вынесетъ.

СТАХОВИЧЪ.

Дивлюсь я этому человѣку. У него теперь адъ въ душѣ кипитъ, а кто его не знаетъ, тотъ можетъ подумать, что онъ къ парадному обѣду спичъ готовитъ. Вы, Елена Гавриловна, тоже созданы по его образу и подобию!

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Къ сожалѣнью, нѣтъ, хоть бы и очень желала быть такой. Знаете, изъ насъ троихъ только онъ одинъ мужчина въ полномъ смыслѣ этого слова. Право!

СТАХОВИЧЪ.

Кланяюсь и благодарю. Значитъ, вы меня разжаловали изъ одного пола въ другой? Не дурно, и даже мѣтко сказано, Елена Гавриловна. Пусть я падшій мужчина, по вашему. Еслибъ и я къ вашему полу принадлежалъ, то, вѣрно, тоже былъ бы падшею женщиной.

МУРИНЪ.

Ну, пошелъ, опять взялся за свое!

СТАХОВИЧЪ.

Я всегда предпочиталъ свое чужому. Ктому же, любезный ораторъ, я постоянно придерживаюсь того мнѣнiя, что не всякая,

какъ называютъ гдѣ-то въ свѣтѣ, „порядочная“ женщина можетъ возвыситься до паденія.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Вы, просто, неправыны, Викторъ Николаичъ. (*Прислушивается*). Постойте, это, кажется, голосъ Нины!

СТАХОВИЧЪ.

Вы не ошиблись!... (*Всѣ бросаются къ дверямъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И НИНА НИКОЛАЕВНА.

МУРИНЪ.

Что съ вами? На васъ лица нѣтъ, Нина Николаевна!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Друзья мои, Муринъ, голубчикъ Муринъ! На васъ теперь моя послѣдняя надежда! Спасите меня, помогите мнѣ!... Вѣдь это хуже всякаго злодѣйства, что онъ со мной дѣлаетъ!

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Другъ мой, Нина, садъ и успокойся. Мы все знаемъ.

МУРИНЪ.

Прежде всего объ одномъ умоляю васъ, Нина Николаевна, поберегите себя, сберегите свои силы, и будьте по возможности спокойнѣе изъ любви къ вашему сыну. Кто умѣетъ любить, тотъ умѣетъ и терпѣть.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но мнѣ не позволили одной секунды побыть съ нимъ, поцеловать его, не дали даже взглянуть утѣшкой, однимъ взглядомъ, на моего милаго, золотого Володю. Какъ милости, на колѣняхъ я просила объ этомъ, только объ этомъ, моего мужа.

СТАХОВИЧЪ.

Какъ? ты его видѣла?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, я униженно молила у ногъ этого гадкаго человѣка привести ко мнѣ моего сына, позволить мнѣ обнять его, но онъ мнѣ отказалъ, онъ почти смѣялся надъ моимъ отчаяніемъ. И плакала передъ нимъ, я предлагала ему за сына деньги, землю, а онъ, словно потынаясь надо мной, сталъ увѣрять, что не желаетъ грабить и обирать меня, а хочетъ только моего возвращенія къ себѣ. Безбожный человѣкъ! Развѣ это не грабежь, не насиліе?— обманомъ увести, украсть у матери сына, запереть его, насмѣяться надъ святымъ чувствомъ женщины, втаптывать его въ грязь? Неужели безнаказанно можно поступать такъ? Неужели есть такого произвола нѣтъ нигдѣ защиты и спасенія? Говорите же, отвѣчайте мнѣ?

МУРИНЪ.

Нина Николаевна, выслушайте меня сколько возможно спокойно. Ростовскій опирается на законное право отца, а потому и дѣйствуетъ такъ смѣло.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но чего же онъ добивается, когда даже отказывается отъ денегъ?

МУРИНЪ.

Неужели вы его не знаете? У подобныхъ господъ есть своего рода опрятность; есть своя карманная, наглядная честность, которую они очень дорожатъ. Въ самыхъ низостяхъ они заботятся о рыцарской внѣшности. Зачѣмъ ему брать съ бою то, что онъ надѣется исподоволь получить отъ васъ добровольно?

СТАХОВИЧЪ.

Онъ добирается до львиной доли: ему не часть, а все подавай.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Никогда этого не будетъ. Мое состояніе я должна беречь для Володи, и ничто не заставитъ меня рѣшиться на безумную уступку. Нѣтъ, этого не будетъ! Но что говорить о томъ! Онъ все-таки отнялъ у меня Володю, душу мою, мое сокровище, и я не вижу его, не знаю даже, гдѣ онъ, и что съ нимъ они тамъ дѣлаютъ!... Онъ, вѣрно, тоскуетъ плачетъ обо мнѣ...

СТАХОВИЧЪ.

Такъ онъ еще до сихъ поръ не у отца?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, я въ этомъ убѣдилась. Въ домѣ Ивана Евстафича, кажется, пока никто и не знаетъ, что случилось вчера... Друзья мои, ради Христа, отыщите мнѣ Володю, узнайте, гдѣ онъ, куда его спрятали: успокойте меня, что онъ здоровъ, что ему хорошо тамъ!... Тогда я буду хоть скольконибудь спокойна, для того, чтобъ собраться съ мыслями. Я знаю, что слабая мать не въ состояніи защищать своего ребенка, а во мнѣ, повѣрьте, найдутся силы, если только я буду знать, гдѣ онъ и что съ нимъ?

МУРИНЪ.

Даю вамъ слово, что сегодня же я узнаю обо всемъ.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

А до тѣхъ поръ, Нина, пока все не разъяснится и ты не успокоишься, мы тебя не отпустимъ. Что тебѣ одной дѣлать на дачѣ? Ты еще болѣе тамъ расхандришься. Не правда ли?

МУРИНЪ.

Я только что думалъ объ этомъ, но предполагаю, что Нинѣ

Николавнѣ теперь долго оставаться у насъ не слѣдуетъ. Прицѣпившись къ этому, Ростовскій Богъ знаетъ, чего не выдумаетъ. Но сегодня мы васъ, разумется, дождь не пустимъ...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Благодарю васъ, друзья мои. Въ цѣломъ мірѣ у меня есть только три человека—это вы, которые мнѣ дороги и близки, и въ вашей любви я никогда не сомнѣвалась. Говорятъ, что въ природѣ нѣтъ совершенной темноты: такъ и у cadaго, самаго тяжелаго горя есть свои свѣтлыя минуты.

СТАХОВИЧЪ *(вскакивая съ мѣста)*.

Ба! мысль! Будь не я, если я не угадалъ, гдѣ долженъ быть теперь Володя! Помнишь ты, Александръ, пріятеля Ростовскаго, эту забракованную кавалерійскую лошадь, Барыкова? Держу пари, что Володька находится въ семействѣ стараго капрала. Хочешь Нина, я наведу сейчасъ справку: Барыковъ, вѣстаети, живетъ въ десяти шагахъ отсюда.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Умоляю тебя, Викторъ! Какъ это мнѣ самой не пришло въ голову, что онъ тамъ! Повзжай же, не мѣшай, въ моей каретѣ: я ея не отпускала.

СТАХОВИЧЪ.

Будь покойна, Нина, я безъ того не возвращусь сюда, чтобъ не повидать этого сѣдаго драбанта, а не то и самаго Ростовскаго. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ ВЪЗЪ СТАХОВИЧА.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

А тебѣ Нина,—вѣдь ты не спала ночь,—тебѣ не мѣшало бы уснуть немного.

НИНА НИКОЛАВНА.

Да, только не теперь, не теперь, Маша... Ты сама понимаешь, до сна ли мнѣ въ настоящую минуту.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Во всякомъ случаѣ, для тебя нужно приготовить комнату. Я сейчасъ распоряжусь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

МУРИНЪ И НИНА НИКОЛАЕВНА.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Утѣшите же меня, Александръ, скажите что-нибудь, но только всю правду, всю правду... Меня пугаетъ, съ ума сводить мысль, что мнѣ не отдадутъ моего бѣднаго мальчика.

МУРИНЪ

Я теперь пугаюсь только за ваше спокойствіе и здоровье. Все должно устроиться, только берегите себя и не падайте духомъ, Нина Николаевна.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, не обманывайте меня, не скрывайте отъ меня всей истины. Вы смущены. Отчего вы смущены все время? Я вижу, что вы не хотите испугать меня, не хотите убивать во мнѣ послѣдней надежды. Вы сами сознаете, — я вижу это по вашимъ глазамъ, — что не можете помочь мнѣ. Не такъ ли? Говорите, не отпирайтесь!..

МУРИНЪ.

Не объясняйте такъ моего волненія, Нина. Повторяю вамъ, что я прежде всего смущаюсь вашимъ горемъ, вашимъ отчаяніемъ. Мнѣ больно смотрѣть, какъ вы страдаете, а помочь вамъ въ одну минуту — нѣтъ возможности. Развѣ я чужой вамъ, Нина,

развѣ мнѣ не дорого ваше спокойствіе? Я боюсь за вашу впечатлительность, за ваше слабое здоровье. Что, если вы заболѣете?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Другъ мой, вы не знаете, — да и я сама не знала до послѣдняго времени, — что отчаяніе человѣка не похоже на отчаяніе матери. Мать, у которой отняли ребенка, не заболѣетъ, не ляжетъ въ постель. Нѣтъ, она будетъ сильна и здорова, какія бы испытанія ей ни готовились. Вѣрьте, что я на все готова теперь, никакихъ препятствій и жертвъ не поборюсь, кромѣ только одной — покорности. Это выше силъ моихъ! Но, Муринъ, знайте: если у меня не останется никакой надежды болѣе, я рѣшусь и на это, пойду въ домъ моего мужа и — покорюсь.

МУРИНЪ.

Нѣтъ, этого я не допущу васъ сдѣлать. Все, кромѣ этого.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы правы: все, кромѣ этого. Я ненавижу своего мужа, мало этого — я люблю другаго, люблю васъ, Муринъ, вы это знаете, хотя я вамъ никогда не говорила о своей любви...

МУРИНЪ (*береть ее за руку*).

Наконецъ-то я слышу отъ васъ это дорогое слово, Нина.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Постойте. Я васъ люблю очень сильно, Александръ, не готова быть несчастной и лишиться вашей любви, готова снова возвратиться въ домъ Ростовскаго, лишь бы отъ меня не отрывали моего сына. Вы не знаете, на что можетъ рѣшиться женщина изъ любви къ своимъ дѣтямъ. Я начинаю понимать, какъ легко иногда сдѣлать даже преступленіе.

МУРИНЪ.

Полноте, Нина! Къ чему такія мрачныя мысли?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Гдѣ-жъ взять свѣтлыхъ? Дайте мнѣ ихъ? До сихъ поръ вы не сказали мнѣ ничего утѣшительнаго, ничего, что выводило бы меня изъ страшной неизвѣстности. Моя надежда только на васъ, Александръ! Я пойду на все, все вынесу, всею пожертвую, но я женщина! Какъ поступить, что дѣлать теперь! *(бросается на колѣни)*. Муринъ, голубчикъ Муринъ, спасите меня, воротите мнѣ мое счастье, моего Володю!...

МУРИНЪ *(стараясь поднять ее)*.

Что вы, что вы дѣлаете! Встаньте, ради Бога!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, я не встану. Дайте мнѣ слово, поклянитесь, что вы употребите все средства, все усилія на то, чтобъ матери былъ возвращенъ ея сынъ!

МУРИНЪ.

Придите въ себя, Нина, образумьтесь... Встаньте же...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, дайте мнѣ слово прежде, клянитесь!..

МУРИНЪ *(насилъно поднимал ее)*.

Вы безумствуете, Нина. Вы ли не знаете, какъ безконечно сильно люблю я васъ? Вы ли сомнѣваетесь въ томъ, что я готовъ сдѣлать для васъ все возможное? Неужели вы не вѣрите мнѣ безъ клятвы, Нина?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, я действительно сумашествую, и сама не знаю, что говорю. Простите меня, мой другъ, я вамъ вѣрю, какъ никому, и знаю, что вы меня не оставите. Вся эта исторія такъ неожиданно меня потрясла, что я не могу еще хорошенько справиться съ собой и быть благоразумной.

МУРИНЪ.

Но вы должны теперь быть благоразумной. Я хочу взять съ васъ обѣщаніе, что въ теченіе трехъ дней, много недѣль или мѣсяцевъ ни одного шагу съ дому своего мужа, ни одной строчки не напишете ему. Ваши горячность и нетерпѣніе могутъ только повредить. Подожитесь только на меня, и дайте обѣщаніе на цѣлую недѣлю помѣйшаго бездѣйствія съ своей стороны, а я все это время буду извѣщать васъ обо всемъ, что насчетъ до Володи. Согласны?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Какъ? Цѣлая недѣля?

МУРИНЪ.

Да, можете быть.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но это цѣлая вѣчность!

МУРИНЪ.

Немного меньше. Протяните руку, въ знакъ согласія.

НИНА НИКОЛАЕВНА *(протягивая руку)*.

Коронно, я поверяюсь и буду ждать, хотя ужасно такъ долго ждать. Вотъ вамъ рука.

КОСА ПАННА
ЯВЛЕНІЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

МУРИНЪ.

Вотъ вотати и свидѣтельница.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

Въ чемъ это?

МУРИНЪ.

Тебѣ все расскажетъ сама Нина Николаевна, я же *(Нина)*

Николаевичъ) не стану терять времени. Какъ мнѣ ни хотѣлось бы сегодня провести вѣсело съ вами, а долженъ торопиться. Ростовскаго слѣдуетъ понюхать со всѣхъ сторонъ: гдѣ нибудь и найдется, можетъ быть, болѣе мѣсто. Я все-что припомнилъ о немъ, и если одинъ слухъ справедливъ, то ему не вырваться изъ рукъ моихъ, а не то... Во всякомъ случаѣ, нужно приниматься дѣйствовать скорѣе, а тебѣ, Леда, я перучаю вашу плѣвицу. (*Цѣлуетъ руки у обѣихъ*).

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Развѣ вы скрестесь на цѣлый день?

МУРИНЪ.

Самъ не знаю. Въ обѣденный часъ все-таки урвусь хоть на минуту, чтобъ взглянуть на васъ. Къ тому же времени, вѣроятно, придетъ и Викторъ съ добрыми вѣстями.

ЕЛЕНА ГАВРИЛОВНА.

А тебя, Нина, я уведу въ свой уголокъ: тамъ веселѣе.

МУРИНЪ.

Нина Николаевна, помните данное обѣщаніе.

(*Провождаетъ обѣихъ до дверей и возвращаясь беретъ со стола портфель*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ

МУРИНЪ (*одинъ*).

МУРИНЪ.

Медлить нечего. Нужно и мнѣ тоже непременно побывать у Барыкова. Хороши два пріятели, нечего сказать! Одинъ когда-то изъ ревности исхлесталъ жену возжами и выгналъ на улицу, а другой требуетъ къ себѣ жену, чтобъ постепенно ее ограбить до нитки. Который лучше? (*Уходитъ*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Кабинетъ Ростовскаго. Обстановка всѣхъ кабинетовъ, въ которыхъ мало работаютъ и все разстановлено для одного только виду. Личность хозяина отражается на убранствѣ его комнаты. Ростовскій и Марья Евстафьевна выходятъ съ правой стороны.

РОСТОВСКІЙ.

РОСТОВСКІЙ И МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Послушать васъ, такъ подумаешь, что вы совершили и Богъ вѣсть какое жертвоприношеніе. Что вы все поете, Марья Евстафьевна!

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Помилуйте, братецъ, да съ вами голова кругомъ пойдетъ. По вашей милости я трое сутокъ должна была провести въ незнакомомъ почти семействѣ, гдѣ къ тому же все одни только молодые мужчины.

РОСТОВСКІЙ.

Полноте, сударыня, стыдно вамъ подъ старость лѣтъ корчить изъ себя какую-то недотрогу, мимозу. Что же вы всѣ три дня-то молчали? Вѣдь васъ никто не держалъ тамъ насильно.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Могу васъ увѣрить, Иванъ Евстафичъ, что я ни минуту бы не осталась въ чужомъ домѣ, еслибъ мнѣ не было жалко этого бѣднаго ребенка, котораго вы, Богъ знаетъ отъ чего, отняли у Нины Николаевны.

РОСТОВСКІЙ.

Ну, объ этомъ совѣтую вамъ много не распространяться.

МАРЬЯ ЕВСТАВЬЕВНА.

Какъ вамъ угодно, но я не могу хладнокровно смотрѣть на слезы этого милаго мальчишка. Онъ почти не перестаетъ плакать и просится домой.

РОСТОВСКІЙ.

Домой? Домъ его тамъ, гдѣ его отецъ. Если онъ плачетъ, постарайтесь развлечь его чѣмъ нибудь, пошлите за конфетами, за игрушками, за чѣмъ хотите. Вы знаете, что въ этомъ случаѣ, я васъ не стѣсняю... Плачетъ! Вотъ въ томъ-то и заключается вредъ женскаго воспитанія: мальчишка съ ранняго дѣтства приучаютъ къ вѣчной слезоточивости, дѣлаютъ изъ него плаксу, нюню, словно только и готовятъ ребенка для погребальныхъ завываній.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Но у него голова, какъ огненная: онъ не спалъ всю ночь...

РОСТОВСКІЙ.

Такъ уснетъ, вѣроятно, теперь. Не безпокойтесь: природа, какъ ростовщикъ, свое возьметъ. А не то, пошлите за докторомъ, за двумя, если нужно, только меня отъ этихъ заботъ освободите, пожалуйста. Я и такъ занятъ по горло. Довольно съ меня и того, что я вчера цѣлый день нянчился съ Володей. Онъ мальчишъ неглупый, только изнѣженъ черезчуръ маменькой.

МАРЬЯ ЕВСТАВЬЕВНА,

Что-жь вы думаете дальше дѣлать съ нимъ?

РОСТОВСКІЙ.

Это, сударыня, мое дѣло.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Но что-жь, наконецъ, Нина! Что она думаетъ?

РОСТОВСКИЙ.

А это ужь ея дѣло.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА *(вздыхая)*.

Бѣдная Нина! я понимаю теперь ея отчаяніе...

РОСТОВСКИЙ.

Ничего вы, Марья Евстафьевна, не понимаете, и если вы только затѣмъ пришли ко мнѣ, чтобъ хныкать и высказывать свои соображенія, то, сдѣлайте одолженіе, оставьте меня въ покоѣ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Но, чувства матери...

РОСТОВСКИЙ.

А вы были когда нибудь матерью?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Какъ вамъ не стыдно, братецъ! Вы всегда такъ и при другихъ меня конфузите... Я къ вамъ пришла по просьбѣ вашего же сына.

РОСТОВСКИЙ.

Что онъ хочетъ?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Онъ очень скучаетъ также о Луизѣ Карловнѣ, которую онъ очень любитъ. Идите жалость къ ребенку: пусть хоть Луиза Карловна сюда прїѣдетъ.

РОСТОВСКИЙ.

Какая такая Луиза Карловна?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Его гувернантка.

РОСТОВСКИЙ *(не много подумавъ)*.

Что-жь, если она сама пожелаетъ, я противъ этого ничего

не емью. Вы хоть сейчас можете написать Нинѣ Николаевнѣ о желаніи Володи.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Я напишу сію же минуту. (*Хочетъ идти*).

РОСТОВСКІЙ.

Нѣтъ, постойте. Вы тамъ, пожалуй, такому словозверженію предадитесь, что небу станетъ жарко. Напишите лучше здѣсь, при мнѣ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Ахъ, Иванъ Евстафичъ, за кого же вы меня принимаете? Неужто я сама не съумью письмо написать?

РОСТОВСКІЙ.

Потрудитесь присѣсть: я вамъ продиктую.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Господи, что-жь это такое? Со мной и въ институтѣ такъ не обращались! (*Съ неудовольствіемъ садится къ столу*).

РОСТОВСКІЙ (*диктуя*).

Милостивая государыня, или милая... какъ вы тамъ пишете...

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*пишетъ*).

Дорогая Нина Николаевна! (*тихо*) Хоть это напишу по своему.

РОСТОВСКІЙ (*диктуетъ*).

„Вашъ Володя очень скучаетъ по Луизѣ Карловнѣ. Вы знаете, какъ онъ ее любитъ...“

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*пишетъ*).

...какъ онъ ее боготворить.

РОСТОВСКІЙ.

„Поэтому онъ былъ бы очень радъ, еслибъ она его навѣ-

стила, или даже совсѣмъ осталась у насъ, что теперь совершенно зависить отъ самой Луизы Карловны. Подписывайтесь и посылайте.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

И только?

РОСТОВСКИЙ.

А вамъ бы размазать на четыре страницы?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА *(быстро приписываетъ отъ себя)*.

„Вашего Володу я обожаю... Это просто херувимъ...“ Готово. *(Складываетъ письмо)*.

РОСТОВСКИЙ.

Распорядитесь, чтобъ письмо сейчасъ было отослано, а пока вы сами займите чѣмъ-нибудь мальчика. Вонъ у меня есть двѣскій журналъ съ картинками, „Нива“... *(При послѣднихъ словахъ входитъ Барыковъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ И БАРЫКОВЪ.

БАРЫКОВЪ.

Такъ это правда? Онъ у васъ?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА *(кладывая письмо въ конвертъ и подписывая адресъ)*.

Ито? Володу? Да, у насъ.

БАРЫКОВЪ.

Что-жъ это за исторія? Древняя, новая, средняя?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Вотъ спросите у Ивана Евстафича. Я сама отъ него толку не добила. *(Уходитъ съ письмомъ)*.

*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ ЖЕ, БЕЗЪ МАТЕРИ ИВОТАЛЕВНЫ.

БАРЫКОВЪ.

Да объясни же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что сей сонъ означаетъ? Дня три назадъ пріѣзжалъ ко мнѣ братъ твоей жены, и какъ бомбой меня опарашилъ. „Гдѣ, говоритъ, Володя?“ Какъ гдѣ Володя? Ничего сообразить не могу. „А его, говоритъ, отецъ хитростью заманилъ на прогулку, и пропалъ безъ вѣсти.“ Я вотъ каждый день къ тебѣ ѣзжу, а ты и впрямь, словно въ воду канулъ. Что-жь ты тутъ творишь такое?

РОСТОВСКИЙ.

Чему вы всѣ дивитесь? Кажется, нѣтъ ничего страннаго, когда отецъ беретъ къ себѣ своего сына? Я ваялъ его къ себѣ, а какимъ образомъ, — развѣ это не все равно?

БАРЫКОВЪ.

Ну, братъ, извини, а я по старой дружбѣ откровенно тебѣ скажу, что такимъ цыганскимъ способомъ собственныхъ дѣтей домой не возвращаютъ. Ты вотъ меня киргизомъ постоянно называешь, а такого фортеля я не отмочилъ бы никогда. Ушла отъ меня жена, — я власть употреблю, даже силу, если нужно, и скручу бабу по рукамъ и ногамъ, такъ что шелковая будеть, но цыгански воровать своихъ же дѣтей, вырывать изъ рукъ матери ребенка...

РОСТОВСКИЙ.

Экая, послушашь! съѣвъ риздариного благородства съ татарскою разнузданностью!

БАРЫКОВЪ.

Да ты, другъ-пріятель, словами-то меня не забрасывай, —

я знаю, что на это ты собаку съелъ, а отвѣчай мнѣ толкомъ: на что ты бьешь, заваривая такую кашу? Не ты ли самъ толковалъ мнѣ, что тебѣ необходимо сблизиться съ женою? Не отъ тебя ли я это слышала?

РОСТОВСКИЙ.

Да, объ этомъ я и хлопочу въ настоящее время.

БАРЫКОВЪ.

Сына-то у нея похищая? И, дѣйствуя такимъ образомъ, ты воображаешь ускорить свое сближеніе съ ней?

РОСТОВСКИЙ.

Непремѣнно.

БАРЫКОВЪ.

Да вѣдь она теперь, безъ сомнѣнія, вооружена противъ тебя болѣе, чѣмъ когда-нибудь?

РОСТОВСКИЙ *(видимо потышавшись надъ недоумльемъ Барыкова)*.

По всей вѣроятности! Что-жь изъ этого?

БАРЫКОВЪ.

Какъ что-жь изъ этого? Ты шутишь, что ли, со мною, или дурачить меня вздумалъ? Кто-жь идетъ на мировую, подставляя другому ногу? Человѣкъ желаетъ помириться съ женою, а самъ ей такіе сюрпризы дѣлаетъ, что хоть на стѣну полѣзай!

РОСТОВСКИЙ.

Что, братъ, видно голова-то у тебя не все перевариваетъ?

БАРЫКОВЪ.

Еще бы! Вы нынче ужь очень хитры стали, и изъ всякаго пустяшнаго обстоятельства дипломатическую путаницу плетете.

РОСТОВСКИЙ.

То-то и есть, Лавръ Лавровичъ, что узлы надо развязывать

а не перерубать, и пресловутая находчивость Александра Македонскаго не выше сообразительности всякаго дивяря. Немного потерпи, любезнѣйшій, и увидишь, что я дѣлаю дѣло.

БАРЫКОВЪ.

Кто разбереть, что тамъ у тебя въ головѣ. Дивлюсь я только нынѣшнимъ правамъ! Въ былыя времена, точно, намъ невѣсть случалось увозить, не для себя, такъ для пріятелей. Подхватишь, бывало, суженую ночью, махнешь черезъ заборъ въ проулокъ, а тутъ ждетъ тройка лихая, и летишь куда-нибудь, сломя голову, въ ближнюю деревню, гдѣ ужъ все готово для вѣнчанья. Такіе случаи бывали, а вотъ, чтобъ отцы воровскимъ образомъ собственныхъ дѣтей увозили, — ну, такихъ чудесъ мы не дѣляли.

РОСТОВСКІЙ.

Да, это не по провіантской части. У васъ тамъ не дѣтей, а муку увозить предпочитали. Не такъ ли?

БАРЫКОВЪ.

Этимъ попрекать, братъ, нечего. Если мы чѣмъ и пользовались, такъ за то и понатерпѣлись немало. Вся суть не въ этомъ, Иванъ Евстафичъ, а въ томъ, что оба мы — одного поля ягода, только козыри-то у насъ разные. Многимъ ли я тебя старше? А что до этихъ русскихъ европейцевъ, не при тебѣ будь сказано, то они сперва было и обрадовались окну, прорубленному въ Европу, а потомъ, съ перепугу, къ нему такія крѣпкія и глухія ставни придѣлали, что комаръ не пролетитъ. Грѣха такъ нечего...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ШМЕЦЪ.

БАРЫКОВЪ.

А! вотъ и мой кумъ пожаловаль!..

ШМЕЦЪ (*кланяясь Ростовскому и Барыкову*).

Мое почтеніе, Лавръ Лавровичъ.

БАРЫКОВЪ.

А что, Никаноръ Исаичъ, вы, чай, скоро меня опять къ себѣ на крестины позовете?

ШМЕЦЪ.

Поминайте-съ... давно ли...

БАРЫКОВЪ.

Такъ что-жь? Вы вѣдь съ супругой жить торопитесь, и у васъ, поди, какъ полгода пройдетъ, такъ и за купелью послать.

ШМЕЦЪ.

Вы все шутите, Лавръ Лавровичъ.

РОСТОВСКІЙ.

Что скажете хорошаго, Никаноръ Исаичъ? Отдашь, что ли, наконецъ, этотъ дохлый старикашка изъ пятого номера деньги за квартиру?

ШМЕЦЪ.

Насилу получилъ. (*Подаетъ пачку ассигнацій*).

РОСТОВСКІЙ.

Припугнули? (*Считаетъ деньги*). Видно, нынче красная подкладка не очень-то выручаетъ.

ШМЕЦЪ.

Очень разгнѣвался. Я, говоритъ, въ другихъ домахъ по году не платилъ, и никто ко мнѣ не приставаль.

РОСТОВСКИЙ.

Знаю я этого барина! Онъ и въ клубъ карточныхъ долговъ платить не любитъ, а сыновъ, между тѣмъ, то и дѣло, что рысаковъ мѣняетъ, чтобъ давить людей на улицѣ. Такихъ людей падить нечего. А вотъ у насъ тутъ со двора одна полька живетъ... какъ, бишь, ея.. Рэши... Прши... Врши...

ШМЕЦЪ.

Вржеславская вѣрно, въ сорокъ-восьмомъ номерѣ...

РОСТОВСКИЙ.

Вы погодите ее гнать съ квартиры.

ШМЕЦЪ.

Да помилуйте, Иванъ Евстафичъ! Я отъ этой жилищки четвертый мѣсяцъ гроша мѣднаго не видалъ.

РОСТОВСКИЙ.

Но у нея умеръ мужъ, вы знаете?

ШМЕЦЪ.

Такъ теперь и подавно съ нея ничего не возьмешь. Безъ того шестьдесятъ-девять рублей должна.

РОСТОВСКИЙ.

Она скоро отдастъ. Оставьте ее въ покоѣ.

ШМЕЦЪ.

Какъ вамъ угодно-съ.

РОСТОВСКИЙ.

Не выталеживать же, въ самомъ дѣлѣ, женщину на улицу! Будетъ возможность — расплатится какъ-нибудь. Вамъ лучше меня извѣстно, что съ небогатыми жильцами лучше имѣть дѣло, чѣмъ съ тѣми, которые заберутся въ бель-этажъ, и оттуда ихъ ничѣмъ послѣ не выкуришь. Другіе еще обижаются, если ихъ

попросишь выехать, и грозить: „мнѣ, дескать, въ благодѣтельной гласности прибѣгнемъ.“ Ну, да я вѣдь не очень боюсь этой кривоглазой благодѣтельницы.

ШМЕЦЪ.

Это ваша правда, что съ такими жильцами хлопотать не безъ пріятностей не оберешься. Хотя выходи изъ пещей зимой внимай.

БАРЫКОВЪ.

Вы и внимали-бы. Холодъ — не свой братъ, — пробереть.

РОСТОВСКІЙ (*Шмецу*).

Да, вотъ что еще. Я вамъ уже говорилъ, чтобъ комнаты, въ которыхъ жила Нина Николаевна, были приведены въ порядокъ. Все ли тамъ готово?

ШМЕЦЪ.

Второй день все прибрано. Я самъ съ женой присматрѣлъ за уборкой. Больше ничего вамъ не нужно?

РОСТОВСКІЙ.

Пока ничего. Я васъ не задерживаю, Ниваноръ Исаичъ. (*Шмецъ раскланивается*).

БАРЫКОВЪ.

Прощай, куманекъ! Побывай у меня!..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ ШМЕЦА.

РОСТОВСКІЙ.

Вотъ человекъ — жилъ, а я могу положиться на него, какъ на каменную стѣну: за каждый хозяйскій гвоздь онъ распинаться готовъ.

БАРЫКОВЪ.

Для какой же это надобности ты комнаты велѣлъ готовить?

РОСТОВСКИЙ.

Вожжаты нужны для Нины Николаевны.

БАРЫКОВЪ.

Какъ для Нины Николаевны? Вѣдь она и не гадала еще соглашаться на переездъ?

РОСТОВСКИЙ.

Не согласилась, а переѣдетъ.

БАРЫКОВЪ.

Когда?

РОСТОВСКИЙ.

Думаю, что скоро.

БАРЫКОВЪ.

Да ты почему знаешь?

РОСТОВСКИЙ.

Предвижу. (*Барыковъ безмолвно разводитъ руками*). Да, Лавръ Лавровичъ, тебѣ веселѣе, чѣмъ мнѣ, жить на свѣтѣ. Для тебя еще есть неожиданности, а меня скука разбираетъ, потому что я впередъ знаю, что должно случиться, впередъ знаю, напрямѣръ, чѣмъ кончится и эта исторія.

БАРЫКОВЪ.

Ты оравуль, что ли?

РОСТОВСКИЙ.

Хочешь я тебѣ заранѣе объясню, чѣмъ завершится нашъ семейный переполохъ, — и все сбудется въ сказанному, какъ по писанному. Хочешь?

БАРЫКОВЪ.

Любопытно послушать. Ты ждешь, видно, что къ тебѣ для переговоровъ пожалуетъ твоя супруга?

РОСТОВСКИЙ.

И ошибся. Ее-то ко мнѣ, послѣ перваго визита, и не пу-
стятъ домашніе аргусы. Нѣтъ, я съ минуты на минуту жду не
очень-то пріятнаго нашествія: сперва ко мнѣ нагрянетъ братецъ
Нины Николаевны, потомъ господинъ Муринъ, или еще кто-ни-
будь и, наконецъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ.

Викторъ Николаичъ Стаховичъ.

РОСТОВСКИЙ (*Барыкову*).

Видишь, правъ ли я?

БАРЫКОВЪ (*берется за шляпу*).

Я здѣсь теперь лишній. Третьему лицу при вашей бесѣдѣ
быть не слѣдуетъ. Прощай!

РОСТОВСКИЙ (*отнимая нелю у шляпы*).

Напротивъ, я прошу тебя остаться. Я играю въ открытую,
и мнѣ скрывать нечего. Я бы могъ вовсе не принимать къ се-
бѣ этого барина, но вѣдь отъ подобныхъ господъ не отдѣла-
ешься: не пустить его въ дверь, онъ, того гляди, въ окошко
влѣзетъ. (*Петру*). Просите сюда господина Стаховича. (*Петръ*
уходитъ). Ты будешь присутствовать при первой авангардной
стычкѣ. Внимай!...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТЪ ЖЕ И СТАХОВИЧЪ.

РОСТОВСКИЙ.

Какой счастливой случайности обязанъ я, Викторъ Никола-
ичъ, видя васъ у себя?

СТАХОВИЧЪ.

Не счастливый, а севе́рный случай привелъ меня къ вамъ, и я вовсе не въ гостяхъ у васъ.

РОСТОВСКИЙ.

Но какъ же иначе? Сколько я помню, между нами нѣтъ никакихъ дѣлъ, и также помню, что мы были въ пріятельскихъ отношеніяхъ когда-то.

СТАХОВИЧЪ.

Когда-то я змѣй бумажный пускалъ и дѣтскую куртку носилъ; когда-то холодное фразерство и за чистую монету принималъ. Мало ли что было когда-то!

РОСТОВСКИЙ.

Послѣ того, я желалъ бы знать причину вашего посѣщенія?

СТАХОВИЧЪ.

И она вамъ неизвѣстна? Даръ слова, г. Ростовскій, отвратительная способность, если она служить орудіемъ увертокъ и безполезнаго лицемерія.

РОСТОВСКИЙ.

Готовый васъ слушать, я дѣлаюсь безсловеснымъ.

СТАХОВИЧЪ.

Вашъ торжествующій тонъ мнѣ понятенъ. Но вы не думайте, что я для того явился сюда, чтобъ разжалобить васъ, описывая горе и отчаяніе Нины. Вы знали о томъ впередъ, вы только на ея отчаяніе и надѣялись, совершая свой возмутительный, безчеловѣчный поступокъ.

РОСТОВСКИЙ.

Г. Стаховичъ, позвольте и вамъ напомнить: вы тоже не злоупотребляйте словами. Пародируя насъ самихъ, я тоже могу ска-

затѣ: даръ слова — отвратительная способность, если оны служатъ выраженіемъ грубой брани и вулканной расправы. Могутъ ли мы узнать, зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали?

СТАХОВИЧЪ.

Требовать отъ васъ отчета.

РОСТОВСКІЙ.

Отчета? Въ чемъ?

СТАХОВИЧЪ.

Вашъ братъ Нины, которую я очень люблю и, наконецъ, престо, какъ честный человѣкъ, протестующій противъ всякаго насилія, я требую отъ васъ объясненія вавсего поступка какъ сестры моей.

РОСТОВСКІЙ.

Сейчасъ вы сами похваляди себя, назвавшись честнымъ человѣкомъ. Я съ этими совершенно согласенъ, но истина еще не даетъ вамъ права меня допрашивать. Сообразите, гдѣ мы, г. Стаховичъ! Развѣ вы судья? развѣ вы подсудимый? Вы не Владѣете собой, Викторъ Николаичъ! До нѣкоторой степени я принимаю ваше разстройство и волненіе, но если вы желаете со мною говорить, то я прошу васъ быть спокойнѣе. Кто сердится, тотъ не правъ, есть поговорка.

СТАХОВИЧЪ.

А правъ, видно, тотъ, кто другихъ заставляетъ сердиться! Такъ по вашему? Нѣтъ, не правда на вашей сторонѣ, а только сила, милостивый государь, но сила случайная, дикая, грубая, если она оскорбляетъ женщину, отнимая у нея ребенка.

РОСТОВСКІЙ.

Эта женщина, г. Стаховичъ, жена моя, этотъ ребенокъ — мой

быть, и вы, надѣюсь, настолько благовоспитанны, чтобъ понять, какъ неприлично и бесполезно всякое постороннее вмешательство между мужемъ и женой.

СТАХОВИЧЪ.

Нѣтъ, извините, я настолько неблаговоспитанъ. Правдивость не можетъ признавать насилія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось.

РОСТОВСКИЙ.

— Не признавать, еще не значитъ не допускать. Вы, вотъ, не признаете за мной права раскорячаться судьбою своего сына, но что-жъ изъ этого? Право все-таки остается за мной. Игакъ, на моей сторонѣ право, а слѣдовательно, и сила, за вами же только одна справедливость. Борьба, какъ видите, неравная.

СТАХОВИЧЪ.

— Иронія въ такихъ случаяхъ — не отвѣтъ.

РОСТОВСКИЙ.

— Да и грубость — не объясненіе, г. Стаховичъ. Я взялъ у Нины Николаовны своего сына...

СТАХОВИЧЪ.

— Обманомъ!

РОСТОВСКИЙ.

Это былъ не обманъ, а простое желаніе избѣжать скандала.

СТАХОВИЧЪ.

Странное у васъ понятіе о скандалѣ! Ваше похищеніе развѣ не скандальная исторія, о которой трубятъ въ разныхъ углахъ города?

РОСТОВСКИЙ.

Отъ самой Нины Николаовны зависѣло съ самаго начала не давать развиваться городскимъ слухамъ.

СТАХОВИЧЪ.
Кавкимъ это образомъ? Согласившись на вашу ультиматумъ?

РОСТОВСКИЙ.
Да, и она на него согласится. Плохо же вы знаете вашу сестру, если въ этомъ сомнѣваетесь!

СТАХОВИЧЪ.
Берегитесь, г. Ростовскій! Нина не такъ ужь беззащитна, чтобъ могла безнаказанно подвергаться вашимъ оскорбленіямъ. Неужели потому только, что она имѣетъ несчастье считаться вашей женой, никто не можетъ оградить ее отъ вашего произвола? Берегитесь, говорю я вамъ!...

РОСТОВСКИЙ.
Кого беречься? васъ? Угрозы ваши меня не пугаютъ, Викторъ Николаичъ, и даже не сердятъ:—такъ онѣ безсильны. Чѣмъ вы можете угрожать мнѣ? Хотите жаловаться—жалуйтесь; хотите драться со мной? Но вы не брестеръ, а я не удавскій виверъ, да теперь и не времена Бурцева. Затѣмъ—что острейся? Однѣ дерзости, но вѣдь ихъ я не всегда способенъ долго выслушивать. Я не Сократъ, который, получивъ отъ одного нахала пощечину, только сказалъ ему: еслибъ я былъ теперь въ племѣ, то ты, любезный, могъ ушибить свою руку.

СТАХОВИЧЪ.
Цинизмъ нравовъ начесть и самое слово, г. Ростовскій.

РОСТОВСКИЙ.
Позвольте. Вы сказали довольно, даже слишкомъ, можетъ быть, много. Я слушалъ васъ терпѣливо, теперь и меня выслушайте. Я обвиненъ вами за произволь и насилие, а какъ вы назовете поступокъ господина, который два раза врвался въ

чужой домъ и почти насильно обходилъ всѣ его комнаты? и затѣмъ, мало того, что онъ вѣшивается въ чужую семейную жизнь, но еще наговариваетъ тѣмъ оскорбительныхъ вещей человѣку, который съ нимъ не имѣетъ и не хочетъ имѣть никакого дѣла. Развѣ это не произволь, не насиліе? Такъ поступили со мной вы, и еслибы Нина Николаевна знала способъ, къ которому прибѣгаютъ ея защитники, то она, вѣрно бы, васъ не поблагодарила.

СТАХОВИЧЪ.

Оказывается, что во всемъ только виноватъ одинъ я? Не дурно!

РОСТОВСКИЙ.

Предполагаю, что разговоръ нашъ оконченъ.

СТАХОВИЧЪ.

Разговоръ, но не визитъ мой. Хотя я готовъ во всякую неожиданность, но все же думаю, что если своего вы въ заперти не держите?

РОСТОВСКИЙ.

Странный вопросъ!

СТАХОВИЧЪ.

Ни чужъ не странный. Если вы докидываете людямъ, какъ Черноморь, то, вѣроятно, не брезгаете и системой тюремнаго заключенія. Арестъ нынче слово не страшное. Могу я видѣть Володю?

РОСТОВСКИЙ.

Володю?

СТАХОВИЧЪ.

Чему же вы удивляетесь? Видѣть онъ мнѣ немножко съ родни приходится.

РОСТОВСКИЙ.

Ваша просьба больше похожа на требованіе, г. Стаховичъ, но я все-таки готовъ ее исполнить (*Звонитъ въ сонетку*), если только Володя не спитъ теперь.

СТАХОВИЧЪ.

Какъ? въ первомъ часу? Развѣ онъ боленъ?

РОСТОВСКИЙ.

Нѣтъ, просто, спалъ плохо ночь.

СТАХОВИЧЪ.

Что-то странно!

РОСТОВСКИЙ.

Вы не вѣрите?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТЪ ЖЕ И ПЕТРЪ.

РОСТОВСКИЙ (*Петру*).

Скажите, чтобъ Марья Евстафьевна привела сюда Владиміра Ивановича.

ПЕТРЪ.

Они, кажется, сейчасъ только започивали.

РОСТОВСКИЙ (*Стаховичу*).

Вы изволили слышать? (*Петру*). Идите, узнайте хорошенько. (*Петръ уходитъ*).

СТАХОВИЧЪ.

Если такъ, то я буду ждать. Я далъ Нинѣ слово не являться домой, чтобъ не повидать Володю, и безъ этого не уйду отъ васъ. (*Ставитъ на столъ шляпу*).

— РОСТОВСКИЙ.

Вы не изъ церемонныхъ, Викторъ Николаичъ. (*Барыковъ*,

постоянно волновавшийся въ продолженіе всей предыдущей сцены, не можетъ скрыть гнѣвнаго движенія и начинаетъ быстро прохаживаться).

РОСТОВСКІЙ.

Посмотрите, вонъ даже Лавръ Лавровичъ изумляется моему терпѣнію! Но если вы такъ настойчиво желаете остаться здѣсь, то мнѣ, хозяину, приходится только удалиться отсюда. Мой кабинетъ въ вашихъ услугахъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

СТАХОВИЧЪ И БАРНЕОВЪ.
БАРЫКОВЪ.

Викторъ Николаичъ, я случайно присутствовалъ сейчасъ при вашей бесѣдѣ, такъ не ценяйте на старика за слово правды. Я уже вамъ высказалъ прямо, посоддайтесь, что не одобряю поступки Ростовскаго, хоть онъ и пріятель мой; но то, что говорили ему въ глаза, въ его собственномъ домѣ, меня въ жаръ и въ холодъ бросало. Знаете, будь я на его мѣстѣ...

СТАХОВИЧЪ *(перебивая его)*.

Позвольте. Развѣ можетъ мало-мальски порядочный человекъ вообразить себя на мѣстѣ этого шарлатана? *(Барнеовъ только взглядываетъ на Стаховича и, пожавъ плечами, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

СТАХОВИЧЪ *(одинъ)*.

СТАХОВИЧЪ.

Ушли. Ничего. Меня, братъ, этими Вривлянскими въ тупикъ не поставишь, и я хоть почевать здѣсь буду, да Володю увижу.

Въ другой разъ, пожалуй, до этого Змѣя-Горыныча и не доберешься. (*Входитъ Петръ*). Что скажешь, старикъ?

ПЕТРЪ (*полутаинственно*).

Пожалуйте-съ. Васъ маленькій баринъ спрашиваетъ.

СТАХОВИЧЪ.

А! значить, наша взяла! Ужь какъ вамъ угодно, а съ такими переряженными тюркосами, какъ Ростовскій, нужно дѣйствовать рѣшительно, нахрапомъ... !

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

СТАХОВИЧЪ И МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*стоя въ дверяхъ*).

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*кокетливо мамя рукою*).

Monsieur Стаховичъ! Идите, идите сюда! Я васъ провожу къ нашему ангелу!

(*Занавѣсъ опускается*).

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Гостинная на дачѣ Нины Николаевны. Терраса въ садъ, слѣва и прямо двери. Слева выходитъ Нина Николаевна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА (*подходитъ къ окну у террасы*).

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Слава Богу, что свѣтитъ солнце! Все какъ-то веселѣе. Только утромъ я и могу немного уснуть, забыться, а эти ночи!.. Когда наступаетъ ночь, среди ея молчанія, мое одиночество становится еще невыносимѣе. Съ вонцомъ дня эта мертвая, гадкая ночная тишина заставляетъ трепетать меня. Когда кругомъ нѣтъ звуковъ, я невольно начинаю прислушиваться, и зву-

*

ки родятся во мнѣ самой. Эти внутренніе голоса наводятъ на меня ужасъ. Мнѣ чудится гдѣ-то близко, возлѣ меня, милой голосокъ моего Володи. Онъ то нѣжно и тихо зоветъ меня, то начинаетъ горько плакать. Я поддаюсь этому обману, вскакиваю, какъ безумная, бѣгу, зову, — и опять все тихо... И такъ проходитъ пятая ночь! (*Медленно приближается къ авансценѣ*). Одна, все одна! Говорятъ, что люди отъ одиночнаго заключенія сходятъ съ ума. То же самое, кажется, будетъ и со мною, если я долго буду обречена на свое одиночество, если меня ничто не поддержитъ... А моя любовь? Любовь! Какая горькая насмѣшка! До любви ли тутъ, когда мнѣ не позволяютъ даже любить своего сына, смотреть на меня, какъ на вещь, которую можно и бросить, и поднять по произволу. Любовь — роскошь жизни, а я — нищая, раба, которой оставляютъ дворецъ, и отнимаютъ свободу чувства и воли.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА И МУРИНЪ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я думала, что вы совсѣмъ забыли меня.

МУРИНЪ.

Въ эти дни я забылъ скорѣе самого себя, чѣмъ васъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

И опять ничего утѣшительнаго?

МУРИНЪ.

Прежде всего утѣшительно то, что я вижу васъ на ногахъ и здоровую.

НИНА НИКОЛАЕВНА:

Забудьте обо мнѣ. Я васъ два дня не видала, Муринъ. Неужели до сихъ поръ ничего нельзя было сдѣлать? Когда же вы возвратите мнѣ сына?

МУРИНЪ.

Для этого есть двѣ мѣры.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Какія? Говорите. Что до меня, я на все готова.

МУРИНЪ.

Одна — крайняя, и о ней я уже разъ намекалъ вамъ. Я придумалъ средство обмануть зоркаго Аргуса, взять Володю, и тотчасъ же на желѣзную дорогу. Заграничный паспортъ для васъ у меня въ карманѣ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я не задумаюсь ни минуты. Передайте мнѣ только въ руки мое сокровище, и я умчусь съ нимъ хоть за тридевять земель.

МУРИНЪ.

Все бросите, Нина?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Все, потому что у меня нѣтъ никого... кромя... (*Подаетъ Мурину руку*). Добрый другъ мой! Не напоминайте мнѣ того, о чемъ я не должна была говорить вамъ. Въ минуту перваго отчаянія я выдала себя, но къ чему же теперь вѣдетъ мое невольное признаніе? Вы знаете, насколько я свободна въ настоящее время; я не могу пока, не смѣю думать о своемъ собственномъ счастіи.

МУРИНЪ.

Я это знаю, Нина, и нисколько не колебался, предлагая

вамъ разлуку. Остановившись на крайней, послѣдней мѣрѣ, я думалъ только о васъ, а не о себѣ. Къ счастью, крайней мѣры, кажется, можно будетъ избѣжать.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы думаете?

МУРИНЪ.

Я не даромъ рыскалъ всѣ эти дни, и узналъ, что денежные дѣла вашего мужа ужасно разстроены.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Мнѣ это давно извѣстно. Что-жь изъ этого?

МУРИНЪ.

Многое. Такихъ людей можно скручивать только деньгами. Я стараюсь теперь или скупить всѣ его векселя, или сдѣлаться довѣреннымъ его кредиторомъ. Изъ всѣхъ его долговъ составитъ такая круглая сумма, что только круглый дуракъ не согласится на ту сдѣлку, какую я предложу ему.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Какую же? Я тутъ ровно ничего не смыслю.

МУРИНЪ.

Онъ долженъ будетъ или отдать своего сына вамъ, — и тогда я рву векселя, — или же, при отказѣ, попадетъ въ долговое отдѣленіе. Послѣднее для него не выгодно: вопервыхъ — срамъ, а повторныхъ, — потеря хорошаго мѣста. Сила, значить, на моей сторонѣ. Поняли?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Поняла, Александръ, и молчу: я знаю, что вы не ждете моей благодарности. (*Жметъ ему руку*). Боже мой, до чего доводитъ иногда жизнь: приходится повупать собственного сына!

Что же это, наконец, такое, Муринь? И такіе люди смѣютъ жениться, смѣютъ имѣть дѣтей!

МУРИНЬ.

Милая Нина, вы еще до сихъ поръ дитя въ житейскомъ мірѣ, гдѣ постоянно идетъ постыдная торговля совѣстью, знаніемъ, честью, жонами, дѣтьми; идетъ торговля „человѣческимъ мясомъ“, какъ говоритъ Викторъ. Эта торговля мнѣ знакома хорошо, и Ростовскій теперь отъ меня не увернется.

НИНА НИКОЛАЕВНА *(оживляясь)*.

Александръ, вы просто мой добрый гений. Довольно было нѣсколькихъ вашихъ словъ, чтобъ воскресить меня *(Шутливо)*. Знаете ли только что: мнѣ досадно за Володю моего. Я всегда называла его своимъ сокровищемъ, безцѣннымъ, а оказывается, что я могу его купить за нѣсколько тысячъ.

МУРИНЬ.

Да, купить, но не продать.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Такъ торопитесь же, милый мой, хлопчите о настоящемъ, а будущее...

МУРИНЬ.

Что будущее?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Будущее наше, наше, и мы его никому не уступимъ, Муринь. Неправда ли?

МУРИНЬ.

Наконецъ-то, Нина, вы стали веселѣе.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, мнѣ весело, и весело, благодаря вамъ. Мнѣ хотѣлось

бы обнять, поцаловать васъ за это. Я васъ никогда, Александръ, не цаловала: примите же мой самый искренній и первый поцалуй. (*Цалуетъ его*).

МУРИНЪ.

Дай Богъ, чтобъ онъ былъ и не послѣднимъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Голубчикъ мой, Муринъ, я бы не хотѣла васъ теперь ни на минуту отпускать отъ себя, и въ то же время прогнать васъ нужно. Скачите, хлопочите, отыскивайте всѣхъ кредиторовъ.

МУРИНЪ.

Да ужь одинъ кредиторъ предо мною, — вы.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я? Какимъ образомъ?

МУРИНЪ.

Вамъ самимъ столько приходится платить за мужа. Развѣ вы забыли, что на одномъ изъ векселей, выданныхъ вашимъ мужемъ одному барину, а именно Владыкину, вы написали свой бланкъ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я подписала свой бланкъ на вексель?

МУРИНЪ.

Да, въ пять тысячъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Это неправда. Кромѣ имѣнія и тѣхъ денегъ, которыя перешли къ Ростовскому черезъ ваши же руки, я ни какихъ векселей за него не подписывала.

МУРИНЪ.

Но я видѣлъ подпись вашей руки.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Муринъ, такія вещи не забываются. Это какая-нибудь ошибка.

МУРИНЪ.

Однако, вашъ почеркъ, Нина.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Ошибка, говорю я вамъ. Я въ жизни не писала на векселяхъ никакихъ бланковъ.

МУРИНЪ.

Вотъ оно что! Нѣтъ, это не ошибка! А, господинъ Ростовскій, значить, и у васъ на рыльцѣ пушокъ замазанъ, и у васъ есть больное мѣсто...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но откуда же взялся этотъ бланкъ? Разъясните мнѣ, пожалуйста.

МУРИНЪ.

Черезъ пятнадцать минутъ все должно окончательно разъясниться. Ждите меня, Нина, и впередъ торжествуйте. *(Торопливо идетъ къ дверямъ и сталкивается съ Стаховичемъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ТѢ ЖЕ И СТАХОВИЧЪ.

СТАХОВИЧЪ.

Стой! Ни съ мѣста! Что за торжество?

МУРИНЪ.

Пусти, Викторъ, некогда. Дѣло горитъ. Бѣгу ловить плута, погнавшагося въ собственную ловушку. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА И СТАХОВИЧЪ.

СТАХОВИЧЪ.

Что за исторія такая?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

На этотъ разъ веселая.

СТАХОВИЧЪ.

Да и что за преображеніе такое? *Этотъ (указывая на дверь, въ которую вышелъ Муринъ)* солидный ораторъ летитъ, какъ бѣшеный, и едва меня съ ногъ не сбиваетъ, а у твоей мрачности лицо праздничное и сияющее, какъ у невесты. Что вы тутъ затѣваете?

НИНА НИКОЛАЕВНА *(весело)*.

Ярмарку.

СТАХОВИЧЪ.

Это еще что за повесть?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я покупаю себѣ сына.

СТАХОВИЧЪ.

Другаго? Вотъ те-на!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, своего собственнаго.

СТАХОВИЧЪ.

Еще того лучше! Да вы рехнулись, что ли, оба?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, мой другъ, я только весела, потому что есть надежда принудить Ивана Евстафьича отдать намъ Володю. Чакмакбывый папаша запутался въ долгахъ, Александръ скупаетъ его

векселя, и мой мужъ, въ виду тюрьмы, поневолю долженъ будетъ уступить.

СТАХОВИЧЪ.

Вотъ оно дѣло какое! Значить, Володька выкупается изъ плѣна! Молодецъ Муринъ! За такой подвигъ я подарю ему полцарства, когда сдѣлаюсь испанскимъ королемъ, а не сдѣлаюсь, такъ на послѣднiя деньги напою его шампанскимъ до полусмерти. Однако, вотъ что, Нина. Къ тебѣ, того гляди, нагрянутъ гости, и я торопился предупредить тебя. Сейчасъ въ Петровскомъ паркѣ я обогналъ нашу милую роденку Мякогоревыхъ. Смотрю — наша ископаемая тетюшка машетъ мнѣ рукою изъ своей уродливой, погребальной коляски; даже дядя дремать пересталъ, и очнулся. Дѣлать нечего, останавливаюсь. Тетка, эта сухопутная акула, забросала меня вопросами о тебѣ, высыпала вучу слезенекъ, и заявила, что дѣлаетъ на тебя нашествiе. Довольна ты?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Что имъ отъ меня надо? Я велю сказать, что меня нѣтъ дома. Не до нихъ мнѣ, право!

СТАХОВИЧЪ.

Я и самъ думалъ спровадить ихъ, и чуть не сказалъ, что ты не на лачѣ, а въ городѣ, но въ томъ-то и дѣло, что эта старая сплетница слышала гдѣ-то цѣлую нелѣпую сказку о твоей послѣдней исторiи съ мужемъ. Кто-то ее увѣрилъ, что ты сама бросила сына и переехала жить къ Мурину, даже чуть ли не бѣжала съ нимъ!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Видишь ли, какъ былъ правъ Александръ, отговѣтовавъ,

мнѣ долго оставаться у нихъ въ городѣ. Вотъ и теперь сплетень не оберешься.

СТАХОВИЧЪ.

Бѣда невелика! Сплетни — это наше общественное мнѣніе. Ну, выслушавъ старуху, я ей сказала, что стыдно вѣрить всякому вздору, и что ты безвыѣздно живешь теперь на дачѣ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Въ чемъ она и хочеть удостовѣриться? Впрочемъ, пусть они пріѣзжаютъ, я тетюшку позлю хоть немножко. Я въ настоящую минуту въ такомъ настроеніи, что мнѣ будетъ забавно посмотреть и послушать ихъ обоихъ.

СТАХОВИЧЪ.

Ну, а я не антикварій, и не охотникъ до археологическихъ рѣдкостей. Они — въ дверь, я — въ другую. А пріѣзжала сегодня отъ Володи Луиза Карловна?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, я жду ее съ минуты на минуту. Что за милая дѣвушка эта Луиза. Еслибъ не она, то я не имѣла бы никакихъ вѣстей о Володѣ, а теперь Луиза каждый день или сама ко мнѣ пріѣдетъ, или хоть нѣсколько словъ напишетъ. А вотъ Лея со мной полуночничаетъ постоянно, видя что у меня страшная бессонница.

СТАХОВИЧЪ (*указывая на террасу*).

Чу! бьюсь о закладъ, что это дребезжитъ колымага Мышогоревныхъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА (*у окна*).

Кажется, что они.

СТАХОВИЧЪ.

Встрѣчай же ихъ, если пришла охота, а я наострю лыжи.
(*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА, ЛЕВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ И ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА
МЫКОГОРЕВЪ.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Что это, матушка, Нина Николаевна, ты нынче заспѣсивилась очень, глазъ своихъ не кажешь. Прежде, бывало, хоть изрѣдка навѣстишь насъ, а теперь и знать совсѣмъ стариковъ не хочешь, горда стала. Ужь мы вотъ сами вздумали тебя провѣдать...

МЫКОГОРЕВЪ.

Да, грѣхъ, Нина, грѣхъ!... Я на рукахъ тебя носилъ, на твоихъ крестинахъ былъ. Это, какъ теперь помню, было въ тысячу семьсотъ... ятъ... восемьсотъ...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы на меня не сердитесь, тетя, да и вы, дядя. Я уже давно сижу дома, никуда не выѣзжаю: дѣла много.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Слышала, ма снѣге, слышала про твои дѣла. Земля слухомъ полнится. Что тутъ творится у васъ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Гдѣ, тетушка?

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Да въ семьѣ твоей. Въ городѣ, Богъ-знаетъ, что рассказываютъ. Я вотъ нарочно съ дядей собралась къ тебѣ, чтобъ всю правду узнать, а то не знаешь, право, кого слушать. Что у тебя за исторія съ мужемъ? Скажи, пожалуйста, Нина.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вамъ, ма tante, вѣдь хорошо извѣстно, [что я уже три года не живу съ мужемъ.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Да, знаю, мой другъ, и всегда говорила тебѣ, что ты нехорошо поступила, развѣхавшись съ нимъ. Мужъ твой—человѣкъ хорошій, степенный, а говорить начнетъ, такъ его заслушаешься: точно по книгѣ читаетъ. Женщина хорошаго круга должна строго относиться къ обязанностямъ матери и жены.

МЫКОГОРЕВЪ *(впадая въ безпрестанную дремоту)*.

Да, должна... всегда должна. Законъ... повиновение... десятый томъ, статья сто тринадцатая...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Мы разошлись добровольно, а теперь моему мужу вздумалось отнять у меня сына. Вотъ и вся исторія.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Что-жь, онъ и въ правѣ такъ поступить: на то онъ отецъ, глава... Ты и сама это знаешь, тебѣ не десятый годъ.

МЫКОГОРЕВЪ.

Да, да, Нина... Загляни въ X томъ.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Ты сама во всемъ виновата. Въ прежнія времена жены такъ поступать не смѣли, ни-ни!... Вотъ хоть твоей покойной бабушкѣ не жизнь, а чистая каторга была съ мужемъ: ужъ какъ онъ ее ни тиранилъ, какъ ни потѣшался надъ ней! Разъ даже что въдумалъ! Изъ ея туалета съ поддѣльнымъ ключемъ наслѣдственные брильянты вытащилъ, и подарилъ ихъ одной танцовщицѣ. Потомъ изъ озорства посадилъ твою бабушку въ театрѣ рядомъ съ ложей этой скоморошницы, а та въ ея брильянтахъ рисуется. Много вынесла покойница, а все жъ и въ мысляхъ не имѣла мужа бросить. Вотъ нынѣшнія жены совсѣмъ иная статья...

МЫКОГОРЕВЪ.

Такъ, такъ... статья сто-тринадцатая... томъ десятый... часть первая. Нарочно справлялся...

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Вотъ ты теперь и должна терпѣть за свой не обдуманнй проступокъ. Бросила мужа, и сына лишилась. Пооди, теперь твой мужъ и помириться съ тобой не захочетъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Напротивъ, онъ желаетъ, чтобъ я возвратилась къ нему.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Онъ самъ желаетъ? Какой благородной души человекъ!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Только я-то не имѣю никакого желанія возвращаться къ нему и употреблю всевозможныя усилія, чтобъ онъ отдалъ мнѣ сына назадъ.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Ну, Нина, извини, я тебя хладнокровно слушать не могу. Какъ? Мужъ, по своему великодушю все забываетъ, прощаетъ тебя, а ты...

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Оставимте, тетушка, этотъ разговоръ: онъ ни къ чему не поведетъ. Вы думаете такъ; а я иначе.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Не сердись, мой другъ, только я тебѣ добра желаю. Грустно мнѣ видѣть, что тебя какіе то нехорошіе люди съ толку сбиваютъ. Вотъ хоть бы твой братецъ, Викторъ Николаичъ! Послушать его, такъ чепчикъ дѣломъ встанетъ на головѣ; скажетъ что, точно топоромъ отрубить. Цѣлый вѣкъ шатается безъ дѣла, баблуншъ беретъ, да надъ старшими смѣется. Сегодня, наприимѣръ,

встрѣтилъ насъ и, вмѣсто того, чтобъ сказать дядѣ при прощаньи: до свиданья, онъ возьми, да махни: миръ праху вашему, дя-дюшка! А еще этотъ, Муринъ, кажется, бываетъ у тебя?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, и очень часто. Муринъ и его сестра — мои большіе друзья.

МЫКОГОРЕВЪ (по временамъ выходя изъ дремоты).

А! Муринъ... да!... адвокатура... реформа... новые порядки... гмъ!..

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Жаль мнѣ тебя, Нина, очень жаль, ну, да вѣдь, ты на своихъ ногахъ, сама должна знать, что дѣлаешь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ И МУРИНЪ.

НИНА НИКОЛАЕВНА (идетъ къ Мурину на встрѣчу).

А, вотъ, Муринъ, и вы!

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА (про себя, чуть не съ ужасомъ).

Опять ужъ здѣсь!

МУРИНЪ (Нинѣ Николаевнѣ).

Вы можете вздохнуть свободно: звѣрь въ капканѣ. (Гла-няется Мыкогоревымъ).

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

А, господинъ Муринъ... вотъ мнѣ и васъ пришлось увидѣть.

МЫКОГОРЕВЪ.

Радуюсь... слышалъ про успѣхъ... радуюсь.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Вы нынче [по этой, по адвокатской части, кажется, зани-

маются? (*Муринъ молча наклоняетъ голову въ знакъ согласія*).

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

И службу бросили?

МУРИНЪ.

Адвокатура — та же служба.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Все жь чиновъ тамъ не дають?

МУРИНЪ.

Чиновъ не дають.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

И жалованья тоже нѣтъ?

МУРИНЪ.

Мы обходимся и безъ жалованья.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Да бишь, я и забыла, что вамъ платятъ тѣ, которымъ въ тюрьму попасть не хочется: плуты разные, да обманщики.

МУРИНЪ.

Всякіе бываютъ. Приходится и честныхъ людей иногда защищать. Говорятъ, отъ тюрьмы, да отъ сумы — не зарекайся.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Нѣтъ, ужь что вы тамъ, господа нынѣшніе, ни толкуйте, а защищать и поблажку давать ворами, да побродягамъ — вредъ только одинъ.

НИНА НИКОЛАЕВНА (*поддразнивая*).

Тетушка, а кто намъ велѣлъ любить нашихъ ближнихъ?

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Этихъ ближнихъ и въ дальнія мѣста ссылатъ не мѣшаетъ.

МУРИНЪ.

Они этого и не минуютъ, если заслуживаютъ.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Хорошо, если такъ, а то иной краснобай-защитникъ передъ судомъ такія трели соловьиныя распуститъ, что, смотришь, весь судъ разрюмился и оправдалъ какого-нибудь распутника. Вотъ почему нѣтъ теперь и sprawy никакой ни съ кѣмъ: вездѣ грабежь, да безчинство, прислуга грубитъ и своевольничаетъ, а на улицу безъ ливрейнаго лакея хоть и не выходи. А кто виноватъ? Вы на меня, батюшка, за правду ужъ не сердитесь!

МУРИНЪ (съ улыбкой).

Помилуйте, Графира Яковлевна, въ правдѣ извиняться нечего, а за неправду я самъ сердиться не стану.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА (поднимаясь).

Ну, Нина, прощай, душа моя, пора и до дому. Намъ шуткали!—къ Греческой церкви нужно тащиться. Коли придетъ охота, заѣзжай когда-нибудь, а не то Богъ съ тобой! (мужу) Левъ Васильчъ, встрепенись, отецъ родной. Я уѣзжаю.

МЫКОГОРЕВЪ (выходя изъ дремоты).

Ѣхать?.. Пора и мнѣ. Я вотъ задумался о томъ, что нужно бы мнѣ князя Петра Григорыча навѣстить... Давно къ нему собираюсь.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Что ты, что ты батюшка! Перекрестись. Князь Петръ Григорычъ еще въ сорокъ-восьмомъ году Богу душу отдалъ...

МЫКОГОРЕВЪ.

А! умеръ? Не помню. Жалѣю, очень жалѣю... Умеръ! Странно.. Совсѣмъ молодой человѣкъ... ему и шестидесяти лѣтъ не было...

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Вы не хотите ли съ нами ѣхать, г. Муринъ? Въ коляскѣ до города мѣсто для васъ найдется...

МУРИНЪ.

Благодарю васъ!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Нѣтъ, тетя, не безпокойтесь! Я сегодня цѣлый день не отпущу отъ себя Александра Гаврилчѣ.

ГЛАФИРА ЯКОВЛЕВНА.

Ну, какъ знаете! А ты, Нина, что я тебѣ говорила, вспомнишь о томъ...

МЫКОГОРЕВЪ.

Да въ этотъ томъ загляни, Нина... (*перевирая*) томъ сто тринадцатый, статья десятая... (*оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МУРИНЪ И НИНА НИКОЛАЕВНА.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Вы замѣтили, какъ я раздражила 'свою тетушку? Теперь она долго ко мнѣ не заглянетъ.

МУРИНЪ.

Я едва пересидѣлъ этихъ мумій, потому что время для меня очень дорого. Мнѣ вотъ для чего только нужно было васъ видѣть (*вынимая изъ портфеля бумагу*), видите этотъ вексель? Чья это подпись?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Боже мой, что за чудеса! Подпись не моя, но чрезвычайно на мою похожа.

*

МУРИНЪ.

Таеъ похожа, что я самъ сперва сомнѣвался. Художникъ упражнялся, какъ видно, не мало.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Но кто жь это таеъ искусно поддѣлался подь мою руку?

МУРИНЪ.

Вы не догадываетесь?

НИНА НИКОЛАЕВНА (*отступая назадъ*).

Неужели... мой...

МУРИНЪ.

Да, вашъ мужъ. Вы за нимъ не знали такихъ талантовъ?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Онъ? Я отъ него ожидала всего, кромѣ этого. Господи! И сынъ мой долженъ носить фамилію такого низкаго человѣка! Но что вы хотите дѣлать съ этой бумагой? Пощадите моего сына, Александръ!

МУРИНЪ.

Успокойтесь. Я помню, что и вы тоже, къ несчастію, носите фамилію Ростовскаго. Бумагой этой я буду дѣйствовать въ крайнемъ случаѣ, да и то больше для страху. Итакъ, Нина, еще немного терпѣнія — и вы будете свободны, а пока не задерживайте меня, ради нашей общей удачи. (*Цалуетъ ей руку и уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Поддѣлывается подь чужую руку! Я до сихъ поръ не могу опомниться. Его поступокъ тѣмъ отвратительнѣе, тѣмъ гаже, что онъ рассчитывалъ на полную безнаказанность. Рѣшившись на фаль-

шивую подпись, онъ былъ увѣренъ, что я изъ презрѣнія и жадности пощажу его. И такого человѣка я любила! За себя, за свое прошлое мнѣ горько и стыдно!...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

НИНА НИКОЛАЕВНА И ЛУИЗА КАРЛОВНА *(вбѣгаетъ черезъ террасу)*.

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Вы слышали?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Милая моя, наконецъ-то я васъ вижу. Что такое?

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Вы ничего не знаете?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я знаю только одно, что надѣюсь скоро никогда болѣе не разставаться съ Володей.

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Значить, вы ничего не знаете, Нина Николаевна? Сегодня послѣ завтрака вашъ мужъ приглашаетъ меня въ свой кабинетъ и объявляетъ мнѣ, что нѣкоторые спѣшныя дѣла заставляютъ его ѣхать немедленно за границу.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

А, онъ уже узналъ, вѣрно, что надъ нимъ виситъ гроза и хочетъ спастись бѣгствомъ? Ему теперь не до сына.

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Но вы ошибаетесь, Нина Николаевна!..

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Въ чемъ ошибаюсь?

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Вашъ мужъ началъ съ того, что спросилъ меня, желаю ли я сопровождать его сына, котораго онъ тоже беретъ съ собою.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Какъ? съ собою? Луиза, что вы говорите?

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Да, самымъ рѣшительнымъ образомъ. Онъ доказывалъ мнѣ очень серьезно, что только въ одной Германіи и можно дать дѣтямъ прочное образованіе.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Съ собою беретъ его, говорите вы? Такъ ли я слышала?

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Онъ такъ увѣрялъ меня и просилъ подумать и приготовиться, если я согласна, къ немедленному отъѣзду завтра или послѣ завтра.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Боже! Онъ хочетъ увезти отъ меня сына еще дальше, совсѣмъ отнять его у меня! Пойдите, Нѣтъ, этого никогда не будетъ!.

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Отъѣздъ Ивана Евстафьича такъ поразилъ меня, что я, не скрывая негодованія, замѣтила ему, что не предполагаю, чтобъ онъ увезъ сына за границу безъ вашего согласія. На это вашъ мужъ пожалъ только плечами. Когда жъ онъ узналъ, что я ѣду къ вамъ, сказалъ мнѣ: „женѣ моей извѣстны условія, при которыхъ она можетъ не разставаться съ сыномъ. Условія эти и теперъ не измѣняются. Такъ и передайте ей если желаете.“

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Такъ это правда! Онъ увозитъ его! Это и должно было случиться. Да, онъ сообразилъ: пока его сберутся преслѣдовать съ

соблюденіемъ разныхъ формальностей этихъ, нѣо будетъ уже далеко... О, я начинаю понимать этого ужаснаго человѣка! Спасался отъ бѣды, и считая меня ея виновницей, онъ думаетъ мстить мнѣ, увозя съ собою и сына. Все пропало, все проиграно! Что задумываться! Если-бы даже теперь не удалось ему оторвать отъ меня ребенка, онъ сдѣлаетъ это послѣ, черезъ мѣсяць, черезъ годъ!... Нѣтъ, такая жизнь невозможна, не по силамъ мнѣ! Лучше тысяча смертей, лучше настоящая могила, чѣмъ это мертвое одиночество! Шадить, жалѣть себя болѣе нечего... *(Хочетъ идти)*.

ЛУИЗА КАРЛОВНА *(удерживая ее)*.

Нина Николавна, что съ вами? Успокойтесь, ради Бога! Что вы хотите съ собою дѣлать?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Чего вы испугались, Луиза? вы боитесь моего самоубійства? Да, другъ мой, это будетъ самоубійство — но какое? Разомъ броситься съ моста въ рѣку — не великое геройство: два, три мгновенія и — конецъ. Нѣтъ, медленная, постепенная смерть ужаснѣе: умирать день за днемъ, многіе годы, тихо, безнадежно, безъ сопротивленія — вотъ на что я должна обречь себя. Безумная! А я еще смѣла думать о счастіи, о какомъ-то свѣтломъ будущемъ!... Боже, дай мнѣ силъ!.. Все кончено!..

ЛУИЗА КАРЛОВНА.

Нина, вы меня пугаете! Придите въ себя, пожалуйста.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Я рѣшилась!..

(Конецъ четвертаго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната и та же обстановка, что и въ первомъ дѣйствіи, только нѣкоторые безпорядокъ и разбросанныя дорожныя вещи говорятъ о приготовленіи къ отъѣзду и дорожныхъ сборахъ. Петръ отворяетъ среднія двери и пропускаетъ входящаго Барыкова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БАРЫКОВЪ И ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ.

Пожалуйте. Они сейчасъ будутъ.

БАРЫКОВЪ.

Куда жь это онъ съ ранняго утра запропастился? Да и что за безпорядокъ такой вездѣ! Чья это дорожная сумка? Ужь не пріѣхалъ ли къ вамъ кто-нибудь?

ПЕТРЪ.

Самъ Иванъ Евстафичъ въ дорогу собирается.

БАРЫКОВЪ.

Въ дорогу? Это еще куда?

ПЕТРЪ.

Богъ ихъ вѣдаетъ. Далекъ, видно. Разомъ собираться стали.

БАРЫКОВЪ.

Часъ отъ часу не легче. У него, что ни день, то неожиданность. А Марья Евстафьевна дома?

ПЕТРЪ.

Дома-съ. Съ парикмахеромъ занимаются.

БАРЫКОВЪ.

Пойду, хоть отъ сестрицы узнаю: куда его несетъ нелегкая. Разбогатѣлъ онъ, что ли! *(Уходитъ на право).*

В ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРЪ (одинъ).

ПЕТРЪ.

Разбогатѣлъ! Держи карманъ! Хорошо богатство, когда нашему брату по полутоду платить нечѣмъ. Живеть себѣ на фу-фу, да на разныхъ танцоровъ послѣднія денежки ухлопываетъ... Вонъ на дворѣ флигель недостроенный ужь два года такъ стоитъ: того гляди, что развалится. Эхъ, не то житье было у насъ при Никѣ Николаевичѣ. (*Увидя входящаго Ростовскаго, ступшевывается*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

РОСТОВСКІЙ И ШМЕЦЪ.

РОСТОВСКІЙ.

Вы напрасно съ ними горячитесь и постоянно ругаетесь, Иваноръ Исаичъ. Охота себѣ кровь портить и, главное, безъ всякой пользы. Рабочаго челоуѣка бранью не проймешь, а только беспорядки одни. Мое всегдашнее правило: бей мужика не дубьемъ, а рублемъ.

ШМЕЦЪ.

Да какъ съ ними не ругаться, Иванъ Евстафичъ! Чуть ты съ глазъ долой—никто ничего не дѣлаетъ. Лѣнтяй на лѣнтяѣ.

РОСТОВСКІЙ.

Штрафуйте ихъ. Такъ при первыхъ условіяхъ и внушите имъ, что за всякую неисправность, лѣнь и своевольство вы штрафовать ихъ станете.

ШМЕЦЪ.

Тогда все разбѣгутся.

РОСТОВСКІЙ.

Дрянъ уйдетъ, придутъ другіе, и поймутъ, наконецъ, что съ

нихъ дѣло спрашиватьъ. Повѣрьте мнѣ, гуманное обращеніе съ работникомъ—прямой хозяйственный расчетъ. Гуманность только для выгодъ и придумана. Всякаго звѣря можно едѣвать ручникъ и заставить его возить воду и воеводу. Приласкайте человѣка, и распоряжайтесь имъ, какъ хотите... Ну, что новаго скажете, Никаноръ Исачъ?

ШМЕЦЪ.

Да ничего хорошаго.

РОСТОВСКІЙ.

А всего хуже то, что у насъ денегъ теперь нѣтъ.

ШМЕЦЪ.

Я объ этомъ и хотѣлъ поговорить съ вами, Иванъ Евстафьичъ. Платежи вкругомъ, векселя...

РОСТОВСКІЙ

За векселя-то я и безпокоюсь. Деньги у насъ скоро будутъ, но векселя, векселя... Постарайтесь какъ-нибудь протянуть время недѣли на двѣ.

ШМЕЦЪ.

По векселямъ что-то попритихло, и я боюсь, что это не въ добру.

РОСТОВСКІЙ.

Наведите, пожалуйста, справки и дня черезъ три извѣстите меня.

ШМЕЦЪ.

Но сами вы уѣзжаете за границу, я слышалъ?

РОСТОВСКІЙ.

А вы и испугались?

ШМЕЦЪ.

Да какъ же, Иванъ Евстафьичъ! Теперь такое время... Мнѣ безъ васъ тутъ на шею садуть, просто житья не будетъ!

РОСТОВСКИЙ.

Вотъ, что я вамъ скажу, Никаноръ Исачъ. На васъ я могу положиться, какъ ни на кого. Вы знаете, что бываютъ случаи, что человекъ по необходимости, никому и виду не подавая о своемъ отъѣздѣ, возьметъ, — да и скроется неожиданно.

ШМЕЦЪ.

Случается.

РОСТОВСКИЙ.

Но бываютъ и другія обстоятельства, гдѣ приходится дѣйствовать обратно. Я нигуда не ѣду, можете быть спокойны, но по нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ необходимо распустить на нѣсколько дней слухъ о своемъ скоромъ отъѣздѣ за границу. Таеъ мнѣ нужно — понимаете?

ШМЕЦЪ

Это совершенно другое дѣло.

РОСТОВСКИЙ.

И до поры до времени — я прошу васъ поддерживать этотъ слухъ. Что до вашей скромности — я въ ней не сомнѣваюсь.

ШМЕЦЪ.

Это другое дѣло. Теперь вы меня успокоили. (*Уходитъ въ среднюю дверь; справа являются Барыковъ и Марья Евстафьевна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РОСТОВСКИЙ, БАРЫКОВЪ И МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*съ ярко-рыжими волосами*).

РОСТОВСКИЙ.

Ба! ба! Женихъ съ невѣстой вмѣстѣ и — въ ладу! Я глазамъ своимъ не вѣрю.

БАРЫКОВЪ.

Нѣтъ, ты посмотри, ты прежде полюбуйся на свою сестрицу. Бакова? замѣчаешь?

РОСТОВСКИЙ.

Это что еще за бевобразіе? Изъ темно-русой обратилась въ рыжую! Да вы, кажется, въ самомъ дѣлѣ, съ ума сошли, Марья Евстафьевна! Что это вы съ собой надѣлали?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Вамъ, братецъ, съ Лавромъ Лавровичемъ, все въ диковинку. Нынче мода такая на рыжіе волосы: не я одна, все перекрашиваютъ.

РОСТОВСКИЙ.

Да вѣдь только одни барышники лошадей иногда подкрашиваютъ. Что еще за мода такая лошадиная!

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Мишель лучше васъ знаетъ—существуетъ ли такая мода!..

РОСТОВСКИЙ.

Какой Мишель?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Мишель, парикмахеръ (*рисуясь передъ зеркаломъ*). Все дамы высшего круга красятъ нынче волосы!..

РОСТОВСКИЙ.

Эй, Марья Евстафьевна, помяните мое слово: попадете вы съ вашими желтыми волосами въ желтый домъ. Къ лицу ли вамъ такая пачкотня?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Разумѣется, въ лицу: все говорятъ!..

РОСТОВСКИЙ.

Вы, пожалуй, скоро позволите себя татуировать, какъ индѣйцы, лицо красками разрисовывать начнете, если такая мода появится.

БАРЫКОВЪ.

Лжетъ онъ, Марья Евстафьевна, безвкусный человѣкъ онъ... Въ вашему пламенному сердцу совершенно подѣ-стать огненные волосы... Теперь вы точно лѣтъ тридцать съ плечъ скинули. Хоть сейчасъ подѣ вѣнецъ!

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*передъ зеркаломъ*).

Я на ваши слова не обижаюсь.

РОСТОВСКИЙ.

И куда это вы собираетесь, Марья Евстафьевна?

БАРЫКОВЪ.

Нѣтъ, ты-то куда собираешься, Иванъ Евстафичъ? Что у васъ тутъ за приготовления? Ты, въ самомъ дѣлѣ, ѣдешь куда-нибудь?

РОСТОВСКИЙ.

Ѣду.

БАРЫКОВЪ.

Куда?

РОСТОВСКИЙ.

Далеко.

БАРЫКОВЪ.

Нѣтъ, серьезно?

РОСТОВСКИЙ.

Право, ѣду за границу и на этихъ дняхъ.

БАРЫКОВЪ.

Чего ты тамъ не видишь? И какъ же это вдругъ, не говоря добраго слова?

РОСТОВСКІЙ.

Нужно, Лавръ Лавровичъ, нужно.

БАРЫКОВЪ.

Нашель время рыскать, когда дома самъ же кашу заварилъ. Иль у тебя семь пятницъ на недѣлѣ? Значить, сыновъ твой опять къ мамашѣ переселится?

РОСТОВСКІЙ.

Нѣтъ, напротивъ, я его беру съ собой.

БАРЫКОВЪ.

Мальчугана-то? Ужъ это, братъ, совсѣмъ глупо. Обдумаешь и самъ увидишь, что мальчика съ собой таскать не слѣдуетъ. (*Ударяя себя по лбу*). Ахъ, проклятая голова! Вчера еще я далъ слово твоему Володѣ безъ игрушекъ сюда не являться. (*Схватываетъ шляпу*). Нѣтъ, обѣщаніе надо держать. А вамъ, рыжекудрая невѣста, какъ ужъ вамъ угодно, я тоже привезу свадебную корзинку, и, чтобъ отъ васъ не отставать, тоже подерашусь. Вотъ посмотрите! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ БЕЗЪ БАРЫКОВА.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Такъ какъ же это, Иванъ Евстафичъ! Вы меня, право, удивляете!

РОСТОВСКІЙ.

Чѣмъ это, Марья Евстафьевна?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Вы уѣзжаете за границу вмѣстѣ съ сыномъ и даже Луизу Карловну съ собой приглашаете, а мнѣ до сихъ поръ не сказали объ этомъ ни одного слова.

РОСТОВСКІЙ.

Ахъ, виноватъ! Я и не зналъ, что долженъ былъ просить вашего разрѣшенія.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Я не объ этомъ говорю, братецъ!

РОСТОВСКІЙ.

Такъ о чемъ же, милая сестрица?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Если вы скоро ѣдете, нужно же было предупредить меня, чтобъ я успѣла приготовиться въ дорогу. Развѣ мало тутъ хлопотъ? А я совсѣмъ не готова.

РОСТОВСКІЙ.

Да съ чего же это вы взяли, что я беру васъ съ собой?

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Какъ съ чего? Какъ же я могу остаться одна во всемъ домѣ?

РОСТОВСКІЙ.

Такъ и останетесь. Великая бѣда! Нужно же кому-нибудь остаться, присмотрѣть за порядкомъ.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Одна, съ лакеями!... Фи, братецъ, вы меня просто въ краску бросаете!...

РОСТОВСКІЙ.

Вы ужь и безъ того окунулись въ краску, сударыня, да еще въ рыжю.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Но вы знаете, Иванъ Евстафичъ, какаа я трусиха. Я даже въ темной комнатѣ боюсь одна оставаться.

РОСТОВСКІЙ.

Такъ постарайтесь оставаться въ темной комнатѣ не однѣ, а съ кѣмънибудь. Я въ это не мѣшаюсь.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Нѣтъ, шоп гѣге, родной мой, возьмите меня съ собой. Я такъ давно мечтала быть за границей! Это—моя страсть, мое пламенное желаніе. Я не стѣсню васъ, я буду помогать вамъ, ухаживать за вами, за всѣми... Братецъ! (*Хныкаетъ, ласкаясь къ нему*). Умоляю васъ!

РОСТОВСКІЙ (*тихо*).

Вотъ еще навязалась! (*Громко*). Да что я тамъ съ вами стану дѣлать? Вы, начать съ того, никакого иностраннаго языка не знаете.

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Извините. Кромѣ своего роднаго русскаго языка, я знаю еще языкъ... малороссійскій...

РОСТОВСКІЙ.

Такъ это вы въ Парижѣ по хохлацки думаете объясняться? Умница!

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА.

Я и по французски понимаю, что говорятъ, хоть сама и отвыкла разговаривать.

РОСТОВСКІЙ.

Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ. Вы знаете только одинъ языкъ сорочій, а съ такимъ діалектомъ лучше всего дома сидѣть. (*Марья Евстафьевна плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ И СЛУГА.

СЛУГА.

Александръ Гаврилычъ Муриныъ.

РОСТОВСКІЙ.

Вотъ и онъ, наконецъ! Милости просимъ. (*Слуга уходитъ*).

МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА (*сквозь слезы, увидя входящаго Мурина*).

Какой онъ интересный! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МУРИНЪ И РОСТОВСКІЙ.

РОСТОВСКІЙ.

Добро пожаловать! Я былъ почти увѣренъ, что увижу васъ у себя, Александръ Гаврилычъ.

МУРИНЪ.

Если вы такъ прозорливы, то, вѣроятно, догадываетесь и о причинѣ моего посѣщенія.

РОСТОВСКІЙ.

Надѣюсь, что угадываю. Вы всегда занимались дѣлами моей жены и на этотъ разъ тоже, вѣрно пріѣхали по ея порученію.

МУРИНЪ.

Да, по ея дѣлу, но только не по ея порученію.

РОСТОВСКІЙ.

Во всякомъ случаѣ я очень радъ переговорить съ вами. У меня былъ братъ Нины Николаевны, но, при его горячности и рѣзкости, съ нимъ нѣтъ никакой возможности вести разговоръ. Вы иное дѣло, вы человѣкъ дѣловой, сдержанный, и мнѣ бесѣдовать съ вами очень пріятно.

МУРИНЪ.

Не знаю, будетъ ли вамъ пріятна моя бесѣда, Иванъ Евстафичъ, но я у васъ не для пустыхъ словопреній, а съ цѣлью привести къ чему-нибудь рѣшительному наше объясненіе. Чтобы не терять времени, я начну прямо съ дѣла. Вы взяли у вашей жены сына, но она, во что бы то ни стало, рѣшилась добиться, чтобы вы ей возвратили его.

РОСТОВСКИЙ.

Вы сами знаете, что добиться этого, безъ согласія отца, довольно трудно.

МУРИНЪ.

Иногда не такъ трудно, какъ вы думаете.

РОСТОВСКИЙ.

Право? Не думаетъ ли Нина Николавна начать противъ меня судебное преслѣдованіе?

МУРИНЪ.

Нѣтъ, это болѣе чѣмъ рискъ, а я, какъ повѣренный вашей жены, рисковать не желаю. Позвольте жъ вамъ сперва предложить прямой вопросъ: не согласитесь ли вы сами добровольно отдать сына Нинѣ Николавнѣ?

РОСТОВСКИЙ.

Нинѣ Николавнѣ извѣстны мои условія. Отъ своихъ рѣшеній я никогда не отказываюсь и не люблю мѣнять ихъ.

МУРИНЪ.

И такъ вы не желаете покончить всю эту исторію мирнымъ образомъ, отказавшись отъ невозможныхъ требованій?...

РОСТОВСКИЙ.

Да, помилуйте, господа, за кого вы меня считаете? Развѣ

я мальчишка, котораго прихоти и желанія такъ скоро мѣняются? Я взялъ къ себѣ сына не очертя голову, и отъ права своего не имѣю ни охоты, ни надобности отказываться.

МУРИНЪ.

Я предвидѣлъ вашъ отвѣтъ, но вы едва-ли предвидѣли, что нѣкоторыя обстоятельства могутъ принудить васъ отказаться отъ всѣхъ прежнихъ условій.

РОСТОВСКІЙ.

Право, г. Муринъ, вы начинаете занимать меня. Откуда же позвольте узнать — свалится на меня такія непредвидѣнныя обстоятельства?

МУРИНЪ.

Скажу вамъ еще больше: я пріѣхалъ къ вамъ съ твердою увѣренностью, что иначе не выйду отсюда, какъ получивъ полнѣйшее ваше отреченіе отъ родительскихъ правъ.

РОСТОВСКІЙ.

Я трепещу передъ вашей магической силой! Вы очень ловки, господинъ Муринъ, но я только замѣчу, что система запугиванья и угрозъ, кажется, не въ нравахъ молодыхъ, современныхъ при-
стовъ.

МУРИНЪ.

Она тоже не въ моихъ, а скорѣе въ вашихъ правилахъ. Я только сію минуту, входя къ вамъ, узналъ, что вы распускаете слухъ о своемъ скоромъ отъѣздѣ за границу.

РОСТОВСКІЙ.

Я, дѣйствительно, уѣзжаю.

МУРИНЪ.

А я, господинъ Ростовскій, увѣрять, что вы никуда не ѣдете, что вамъ нельзя никуда уѣхать.

*

РОСТОВСКИЙ.

Ого! Что же меня может остановить?

МУРИНЪ.

Собственныя дѣла ваши — безденежье и крупныя долговныя обязательства.

РОСТОВСКИЙ.

Кажется, мои дѣла вы знаете лучше меня самого, но, извините меня, я не имѣю привычки о своихъ домашнихъ дѣлахъ говорить съ людьми, мнѣ совершенно посторонними. Моего же отъѣзда не задержать кредиторы, хотя бы у меня ихъ было и много.

МУРИНЪ.

Успокойтесь! У васъ кредиторовъ теперь немного, всего только одинъ. Знаете ли—кто? Я.

РОСТОВСКИЙ.

Вы—мой кредиторъ? Какими судьбами?

МУРИНЪ.

Вотъ пять вашихъ векселей. (*Вынимаетъ бумаги*). Они принадлежать мнѣ, а потому вы имѣете дѣло только со мною.

РОСТОВСКИЙ.

А, вотъ что! Вы нынче, господинъ Муринъ, занимаетесь скупкой векселей! Что-жь, это очень выгодно!

МУРИНЪ.

Но еще выгоднѣе не платить по векселямъ.

РОСТОВСКИЙ.

Такъ вотъ та роковая сила, которой вы пугать меня вздумали, чтобъ заставить плясать по своей дудкѣ! Вы скупили мои векселя, что-жь дальше? Я ожидаю, что вы предложите мнѣ сдѣлку. Не желаете ли вы за эти векселя купить у меня сына?

МУРИНЪ.

А хоть бы и такъ! Не фразерствуйте, господинъ Ростовскій! Если вы и не согласитесь на эту сдѣлку, то потому только, что найдете ее для себя не очень выгодной.

РОСТОВСКІЙ.

Вотъ какими черными красками обрисовала вамъ меня жена моя! Вы вмѣстѣ рѣшили, что я не задумаясь, какъ на рынкѣ негровъ, продать съ аукціона собственнаго сына! Но если вы меня считаете способнымъ на такую презрѣнную торговлю, то хороши же вы сами, господинъ гуманнѣйшій адвокатъ! Вѣдь покупать и продавать людей одинаково возмутительно.

МУРИНЪ.

Ну, вѣтъ, если я покупаю рабовъ для того, чтобъ дать имъ свободу.

РОСТОВСКІЙ.

За кого бы вы меня ни считали, господинъ Муринъ, но продолжать такой разговоръ мнѣ невыносимо. Дѣлайте съ моими векселями что угодно, взыскивайте по нимъ, — я найду возможность расквитаться съ вами, чего бы мнѣ это ни стоило. Я докажу вамъ, что вы не имѣете никакихъ основаній считать меня хуже морскихъ пиратовъ, торгующихъ дѣтьми и черными невольниками. Вы увидите, что ваши угрозы такъ же существенны, какъ воздушные замки. Вотъ вамъ мое послѣднее слово.

МУРИНЪ.

Но моего послѣдняго слова вы еще не слышали. Я не думалъ пугать васъ, господинъ Ростовскій, воздушными замками, но думаю, что Литовскаго замка вы испугаетесь.

РОСТОВСКИЙ.

Новая угроза? Однако, это начинаетъ становиться скучнымъ, господинъ Муринъ.

МУРИНЪ.

Чтобъ вамъ не было скучно, у меня готово и развлеченіе. (*Раскрывая портфель*). Въ моихъ рукахъ интересный документъ, — вотъ онъ! — гдѣ стоитъ поддѣльный бланкъ жены вашей...

РОСТОВСКИЙ (*тихо, въ сильномъ волненіи*).

Я пропаль!

МУРИНЪ.

Узнаете вы этотъ вексель, на которомъ фальшивая поддѣлка подъ руку Нины Николаовны принадлежитъ вамъ? Вы молчите. Пять минутъ назадъ васъ возмущало сравненіе съ морскимъ пиратомъ, а теперь вы ничего не можете сказать, когда васъ уличаютъ въ мошеннической поддѣлкѣ. Вы поняли, однако, что впереди васъ ожидаетъ тюрьма и общественное презрѣніе, и вѣрно будете сговорчивѣе на этотъ разъ.

РОСТОВСКИЙ.

Отдайте мнѣ этотъ вексель, или я на все рѣшусь: убью или себя, или васъ.

МУРИНЪ.

На то и на другое нужна извѣстная храбрость, которой у васъ нѣтъ.

РОСТОВСКИЙ.

Я на все согласенъ, требуйте, чего хотите, только отдайте мнѣ этотъ проклятый вексель.

МУРИНЪ.

Поздно, милостивый государь. Вы на все согласитесь, чего

я ни потребую, но эта бумага все-таки никогда не попадетъ къ вамъ въ руки.

РОСТОВСКІЙ.

Хоть сейчасъ берите отъ меня сына, берите навсегда! Чего жъ вамъ еще надо? Мой позоръ не принесетъ вамъ никакой пользы.

МУРИНЪ.

Я не ищу его. Если вы совсѣмъ оставите въ покоѣ вашу жену и сына, то и это грязное дѣло никогда не всплыветъ наружу. Но, чтобъ вы постоянно боялись нарушать наши условія, этотъ вексель останется у меня. Не угодно ли вамъ взять перо и листъ бумаги и дать мнѣ письменное обязательство, что вы никогда не осмѣлитесь требовать къ себѣ Нины Николаевны или ея сына.

РОСТОВСКІЙ.

Но это насиліе!

МУРИНЪ.

Вы ошибаетесь. Вы можете и не соглашаться, это въ вашей волѣ, но тогда я, съ своей стороны, молчать не стану и представлю, куда слѣдуетъ, ваше артистическое произведеніе. Пишите же: иного выхода для васъ нѣтъ.

РОСТОВСКІЙ (*садится къ столу*).

Что-жъ долженъ писать я?

МУРИНЪ.

Пишите со словъ моихъ (*Ростовскій начинаетъ писать въ безсильномъ бѣшенствѣ*). „Я, такой-то, поручая воспитаніе моего сына женѣ, въ то же время отказываюсь до самой смерти своей, какъ недостойный мужъ и отецъ...“

РОСТОВСКИЙ (*съ негодованіемъ вскакивая*).

Вы начинаете, наконецъ, смѣяться надо мной!

МУРИНЪ.

Полноте, что за щепетильность не встаетъ! Пишите (*Ростовскій снова садится*): „какъ недостойный мужъ и отецъ, отъ всякихъ супружескихъ и родительскихъ правъ, приче́мъ обязуюсь никогда не требовать къ себѣ...“

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И НИНА НИКОЛАЕВНА (*входитъ торопливо, сильно взволнованная*).

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Иванъ Евстафьячъ, вы видите—я у васъ. (*Пауза*). Я уступаю вамъ... Отдайте же, приведите ко мнѣ скорѣ Володю. Слышите ли вы: я остаюсь здѣсь. Если вы ѣдете, я уѣду съ вами, но съ сыномъ вы меня не разлучите больше. Дайте же мнѣ поскорѣ взглянуть на него, обнять...

РОСТОВСКИЙ (*какъ ошеломленный, еще не можетъ придти въ себя*).

Вы остаетесь здѣсь? Васъ ли я слышу, Нина Николаевна?

МУРИНЪ.

Что за безразсудство вы дѣлаете? И въ какую минуту!... Опомнитесь, Нина Николаевна!

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Довольно! Я такъ измучена... ждать, терпѣть — нѣтъ силъ болѣе.

РОСТОВСКИЙ.

Вы рѣшаетесь навсегда остаться у меня?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Да, и даю вамъ слово, что мое рѣшеніе твердо, а моему

честному слову вы можете повѣрить, Иванъ Евстафичъ: оно не похоже на ваше.

РОСТОВСКИЙ *(комкаетъ писанную или бумагу и кладетъ въ карманъ).*

Если такъ, то я сейчасъ же приведу къ вамъ Володю *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

МУРИНЪ И НИНА НИКОЛАЕВНА.

МУРИНЪ.

Безумная! вы сами не понимаете, на что рѣшаетесь, и когда же? Когда онъ самъ готовъ былъ отдать вамъ сына.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Онъ собирался увести его, могъ увести каждую минуту.

МУРИНЪ.

Но это все выдумка, комедія, сочиненная только для васъ! Образумьтесь, пока есть еще время.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Поздно, Александръ, поздно! Вы не знаете этого человѣка. Что не удалось бы сдѣлать ему теперь, онъ сдѣлалъ бы это послѣ... Вѣчно жить подъ страхомъ, что у меня всякій день могутъ отнять сына... нѣтъ, я этого не въ состояннн вынести.

МУРИНЪ.

Нина, Нина! Вы сами губите свою жизнь, свое счастье. Только предъ вашимъ приходомъ этотъ звѣрь обратился въ смирнаго ягненка, готовъ былъ на самое глубокое униженіе, а вы... *(схватываетъ себя въ отчаяннн за голову).*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И РОСТОВСКІЙ (*вводитъ за руку Володю*).

НИНА НИКОЛАЕВНА (*съ радостнымъ крикомъ*).

Володя! Сокровище, жизнь моя!

ВОЛОДЯ.

Мамаша! Мамаша! (*бросается на шею матери*).

НИНА НИКОЛАЕВНА (*лаская Володю*).

Вотъ онъ, ненаглядный мой! И я могла жить безъ него, могла такъ долго не видать этого ребенка! Пойдемъ, пойдемъ къ тебѣ, дитя мое. Я опять съ тобой, навсегда съ тобой, дорогой мой, Володя мой! (*цалуя, уноситъ его*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

РОСТОВСКІЙ.

Что скажете вы теперь, г. Муринъ, „недостойному мужу и отцу?“ Какія новыя условія будете ему предписывать? У судьбы, какъ видите, есть свои капризы и непредвидѣнная логика. Сперва она благопріятствовала вамъ, а теперь обратилась лицомъ ко мнѣ, и наши роли перемѣнились. Что вы теперь скажете?

МУРИНЪ.

Я вамъ скажу только вотъ что, милостивый государь. На своемъ вѣку я видалъ много испорченныхъ людей, извращенныхъ нищетой, острогами и безпріютной жизнью, но подобной наглости, какъ ваша, я не встрѣчалъ еще. Ваше злорадетво все-таки преждевременно, г. Ростовскій. Измученная, болѣзненная женщина завтра же можетъ раскаться въ томъ, на что рѣшилась сегодня, и тогда вы опять запоете на другой ладъ. Не торопитесь же праздновать побѣды!

РОСТОВСКИЙ.

Вы, я вижу, не хотите сообразить, г. Муринъ, что ваша обязанность кончена. Какъ повѣренный моей жены, вы можете прекратить свои хлопоты, потому что, какъ сами вы понимаете, Нина Николаевна въ нихъ болѣе не нуждается.

МУРИНЪ.

Вы будете имѣть дѣло лично со мной, г. Ростовскій! (*Во время разговора Ростовскаго съ Муринымъ, въ дверяхъ показывается Барыковъ съ игрушками и большой корзиной въ обѣихъ рукахъ. Суды бакенбарды его и усы стали черными. Услыша крупный разговоръ, онъ скрылся незамѣченный*).

МУРИНЪ.

Вы не должны забывать, что ясная улика противъ васъ остается въ моемъ карманѣ, и если не Нина Николаевна, то я самъ потяну васъ къ суду за мошенническую поддѣлку подъ чужую руку.

РОСТОВСКИЙ (*бросаясь въ сторону Мурина*).

Какъ вы смѣете говорить такъ въ моемъ домѣ! Знаете ли вы...

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ, НИНА НИКОЛАЕВНА СЪ ВОЛОДЕЙ, СЗАДИ ИХЪ МАРЬЯ ЕВСТАФЬЕВНА И, ЧЕРЕЗЪ МИНУТУ, БАРЫКОВЪ, КОТОРЫЙ ОСТАЕТСЯ ВЪ СТОРОНѢ.

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Остановитесь, Иванъ Евстафьичъ! Муринъ, прошу васъ прекратить эту сцену. Прежніе споры и толки теперь бесполезны. Я остаюсь въ домѣ моего мужа и не отступлю отъ этого рѣше-

ня. У меня и безъ того накопилось много на сердцѣ, такъ къ чему еще растравлять его новыми неприятностями. Другъ мой! дайте мнѣ вашу руку! Благодарю васъ за горячее участіе, за всѣ хлопоты и заботы, которыя я вамъ доставила. Они болѣе не нужны.

МУРИНЬ.

Бѣдная женщина! Чтѣ вы съ собой дѣлаете? Въ какой домъ вы вступаете? Но я молчу пока. Одинъ только вопросъ, Нина Николаевна: можетъ быть, онъ заставитъ васъ опомниться (*показывая ей вексель*). Вашъ бланкъ на этомъ векселѣ? Ваша это рука?

НИНА НИКОЛАЕВНА (*посль минутнаго молчанія, взволнованнымъ голосомъ*).

Да, это писала я...

МУРИНЬ.

Несчастливая! Она сама не знаетъ, что говорить!

РОСТОВСКІЙ (*отойдя не много въ сторону*).

Глупыя женщины сгоряча дѣлаютъ иногда преумныя вещи! (*Въ среднихъ дверяхъ показывается Стаховичъ*).

МУРИНЬ.

Нина Николаевна! Поймите, что вы дѣлаете! Вашей ли это руки почеркъ, спрашиваю я?

НИНА НИКОЛАЕВНА.

Повторяю вамъ, что этотъ бланкъ писала я!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И СТАХОВИЧЪ.

СТАХОВИЧЪ.

Нина, ты лжешь, ты клеветьешь на себя!

РОСТОВСКІЙ (*Стаховичу*).

Опоздали!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
На перепутьи. (Прологъ)	1
ПОЭМЫ.	
Сфинксъ	5
Нарушенный уставъ	23
Предатель	30
Бѣдные жельцы	50
Смѣхъ Немезиды	72
Покойники	89
Двѣ собаки. (Изъ Роберта Борнса)	94
Потопъ. (Альфреда де-Виньи)	104
ПѢСНИ, СЦЕНЫ И САТИРЫ.	
Промытые вопросы	129
Когда невольню съ языка	134
Безумное желаніе	135
Поэтъ и гробовщикъ	136
Послѣдняя пропія	139
Насущный вопросъ	141
Вѣчная невѣста	143
Правдичная дума	144
Ренегатъ	148
Пѣсня о правыхъ и виноватыхъ	151
Пѣвцу	154
Съ морскаго берега	155
Помины	157
Заднія комнаты	159

II

Нечатаыя мѣста	161
Миражи	163
Баня и Авель	168
Бѣдняку (изъ Бюргера)	170
Подруга ссыльнаго (изъ Барри Корнуэля)	171
Не молись за меня!.. . . .	172
По недвижнымъ чертамъ молодого лица...	173
Женщинѣ.. . . .	175
Роковыя контрасты (изъ Барри Корнуэля)	177
Роковое число	181
Золото (изъ Т. Гуда)	184
Жизнь человечества сложилась	185
Годива. (Изъ Теннигона)	186
Сестрѣ (отрывокъ изъ Лепарди)	190
Королевское платье (изъ Андерсена)	191
Всемирный рынокъ (изъ Б. Корнуэля)	197
Сцена изъ Кайна (Байрона)	200
Два триумфа	215
Изъ посмерт. пѣсенъ Гейне. 1) Завѣщаніе	217
„ „ „ 2) Звѣзды и люди	219
Столица шумная въ волненіи	220
Добрыя совѣты	222
Дѣловые люди	225
На самомъ интересномъ мѣстѣ	229
Пѣсни о суевѣрїи (три картинки)	233
Смерть	236
Сирена (изъ Т. Мура)	237
Родинѣ	238
Въ могилу рано	239
Не ищи цвѣтовъ весеннихъ	240
Дикіе сны	241
Трагедія	243
Одинокій пѣвецъ	247
Двѣ судьбы	248
Подъ роднымъ кровомъ (изъ Гейне)	249
Подъ небомъ Пруссїи (изъ Гейне)	252
Въ стихахъ и прозѣ, меньшій братъ	256
Дѣтскій плачь (изъ Бареттъ-Броувингъ)	257
Баядерка (изъ Гете)	260
Въ театрѣ (сцена изъ Гете)	265
Пѣсня пролетарія	274

Заочному другу	275
Природа и люди	276
Когда вдруг воцаряется молчанье	277
Избыток страданья и счастья	278
Антиподы	279
Мои грѣхи	281
Мамаша	283
Хорошіе люди	287
Мирные граждане	290
Наши разговоры	294
Фискаль	304
Сезонъ (отрывки изъ поэмы)	307
Ночь въ Гусевомъ переулкѣ	323
Галатея	332
Народные мотивы	333
Грозный плѣнникъ	336
Мѣщанское затишье	337
Предчувствіе (Гейне)	338
Ж. Б. Руссо. (Гейне)	339
Наслѣдство. (Гейне)	340
Надписи, эскипменты	341
Либераль, комедія въ 5 дѣйствіяхъ.	359

